This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

МАТЕРІАЛЫ

2465

ДЛЯ

ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ

ВЪ РОССІИ.

(Исторія эпидемій X—XVIII вв.).

В. ЭККЕРМАНЪ.

КАЗАНЬ.
Типографія В. М. Ключникова, Бол. Проломная ул., соб. домъ.
1884.

Med 180.70

I 6481

HARVARD COLLEGE
AUG 15 1905
LIBRARY.

Minot Fund

Цензурою дозволено. Казань, 8 Августа 1884 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Идеями не одними изъ наиболѣе важныхъ пріобрѣтеній XIX ст., является идея постепеннаго развитія, которая распространила свое господство надъ всѣми областями знанія и человѣческой дѣятельности. Только одинъ рядъ явленій не согласуется, повидимому, съ общей схемой развитія природы—по временамъ въ ней появляются періоды, когда нарушается предшествующее гармоническое движеніе, когда законы, до сихъ поръ господствовавшіе, кажутся уничтоженными или измѣненными. Медицина, занимающаяся вообще изученіемъ ненормальныхъ условій органической жизни, богата такими понятіями и безспорно первое мѣсто между ними принадлежитъ эпидеміямъ. Подобно урагану эти болѣзни врываются въ мирный строй общественной жизни, останавливаютъ ея теченіе и накладываютъ на все свою печать на болѣе или менѣе продолжительное время. Не смотря на быстрые успѣхи медицины, можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ причины возникновенія эпидемическихъ, народныхъ болѣзней неизвѣстны, между тѣмъ эти болѣзни имѣютъ громадный интересъ, не только для этой области знанія, но и вообще для наукъ соціальныхъ и естественныхъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Одна сильная и широко-распространенная эпидемія представляетъ въ исторіи человѣчества большее число перемѣнъ, чѣмъ десятки и сотни литературныхъ произведеній и дѣлаетъ въ короткое время между людьми, гораздо болѣе сильный естественный подборъ, чѣмъ другія силы достигающія тѣхъ же результатовъ лишь въ продолженіи вѣковъ. Такъ какъ въ послѣднее время происхожденіе инфекціонныхъ болѣзней ставится въ связь съ распространеніемъ на землѣ различныхъ низшихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, то понятно какое значеніе эти болѣзни имѣютъ и для біологіи вообще. Если, такимъ образомъ, народныя болѣзни должны насъ интересовать болѣе, чѣмъ многія другія явленія—то, нельзя сказать, чтобы такому интересу соотвѣтствовала разработка даннаго

вопроса. Всѣмъ памятенъ тотъ страхъ, который вызвала въ обществѣ Ветлянская чумная эпидемія, не меньшее движеніе въ цивилизованномъ обществѣ вызвано и другой эпидемической болѣзнью, угрожающей распространиться по всей Европѣ—холерой и если цивилизація нашла многія средства борьбы съ эпидеміями, то она же—усовершенствованіемъ путей сообщенія—облегчила возможность быстраго распространенія болѣзней. Между тѣмъ, какъ наша медицинская, такъ наша историческая литературы бѣдны работами, которыя занялись бы исторіей повальныхъ болѣзней въ нашемъ отечествѣ, хотя такое занятіе могло бы указать много любопытныхъ вопросовъ и для современности. Восполнить по возможности такой недостатокъ—цѣль настоящей статьи.

Наиболѣе замѣчательные историки повальныхъ болѣзней, какъ, напр.: Webster, Schnurrer, Haeser, Hecker, въ своихъ изслѣдованіяхъ старались не только обрисовать картину болѣзни, но и изложить тѣ теллурическія и даже космическія явленія, которыя по ихъ мнѣнію находились въ причинной связи съ развитіемъ эпидемій. Патологи новѣйшаго времени склонны отчасти пренебрегать изслѣдованіями послѣдняго рода, хотя такое пренебреженіе, какъ мы увидимъ ниже, не можетъ быть оправдываемо. Если мы примемъ даже за вполнѣ доказанное, что инфекціонныя болѣзни производятся растительными или животными организмами, то этимъ вовсе не исключаются физическія условія—которыя могутъ или благопріятствовать или уничтожать инфекцію. Физическія же условія, въ которыхъ находиться органическая жизнь на земномъ шарѣ не столько сложны, что, кажется, никогда нельзя сказать, что они изучены достаточно. Вотъ почему, при изложеніи повальныхъ болѣзней въ Россіи, слѣдуя въ иномъ случаѣ источникамъ—мы обращали иногда вниманіе на такія явленія, которыя, повидимому не находятся съ ними ни въ какой зависимости. Оправданіе въ этомъ случаѣ заключается въ самомъ процессѣ изложенія.

ГЛАВА I-я.

Единственнымъ источникомъ для исторіи повальныхъ болѣзней, какъ и вообще для исторіи медицины въ нашемъ отечествѣ, до XVIII ст. служатъ лѣтописи.[1]) Свѣдѣнія о первыхъ, исторически достовѣрныхъ, эпидеміяхъ относятся въ нихъ къ X ст.[2]) Древности этихъ свѣдѣній соотвѣтствуетъ и ихъ краткость. Мы узнаемъ только, что въ 972 году[3]) „быша знаменія въ лунѣ и въ солнцѣ и въ звѣздахъ и быша громи велицы и страшни и вѣтри сильни съ вихромъ и много пакости бываху человѣку и скотамъ и звѣремъ лѣснымъ и полскимъ." Это извѣстіе относится къ періоду борьбы между Ярополкомъ и Олегомъ. Очевидно, что изъ краткихъ словъ лѣтописца мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить родъ болѣзни господствовавшей тогда въ Россіи; если ея распространенію способствовали княжескія междоусобія и бѣдственное экономическое положеніе страны, то одновременное господство съ „пакостью людямъ" эпизоотіи указываетъ на эпидемическій характеръ болѣзни. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ и въ Европѣ послѣ голода 976 года—(въ этомъ году голодъ посѣтилъ и Россію, гдѣ отъ него, въ особенности, страдало войско Святослава,[4])—падежъ скота, а въ 980 году въ Германіи и Франціи свирѣпствовали повальныя болѣзни.[5]) Сношенія между Германіей, Польшей, Византіей и Россіей въ періодъ до татарскаго нашествія были весьма оживленны. Эти сношенія и во всѣ послѣдующія времена не прекращались на столько, чтобы нельзя было предполагать переноса болѣзни въ тогдашнюю Россію изъ другихъ мѣстъ. Если, такимъ образомъ, можно догадываться объ эпидемическомъ характерѣ первой болѣзни, упоминаемой лѣтописцемъ, то мы ничего не можемъ сказать положительнаго о томъ, въ какихъ условіяхъ находились наши предки при борьбѣ съ подобными народными

---

[1]) Здѣсь мы пользовались лѣтоп. изданн. Имп. Археогр. коммис. Цитаты изъ Никоновск. лѣт. сдѣланы по изд. 1787 г.

[2]) Изъ этого, понятно не слѣдуетъ, что и ранѣе этаго времени Россія не посѣщалась эпидеміями, господствовавшими во всей Европѣ; объ этихъ эпидеміяхъ мы не имѣемъ только свѣдѣній, ни у нашихъ, ни у иностранныхъ историковъ.

[3]) См. Никоновскую лѣт., изд. Арх. Ком. т. IV. *стр. 39.*

[4]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 248.*

[5]) См. Dr. Fr. Schnurrer. „Chronik der Seuchen." т. I, *стр. 195* и *196.*

бѣдствіями. Хотя во времена Владиміра Св. упоминаются больницы, устраиваемыя при монастыряхъ, хотя въ числѣ его приближенныхъ мы встрѣчаемъ и врача,[1]) однако можно съ увѣренностью утверждать, что эти первые начатки, проблески научной медицины не выходили за тѣсные предѣлы великокняжескаго круга, не проникали въ народъ. Послѣдній имѣлъ свою собственную врачебную мудрость, свой опытъ и наблюденія, остатки которыхъ живы и до сихъ поръ въ различныхъ травникахъ, лечебникахъ, заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п.

Упомянутая нами болѣзнь—единственная въ X ст., записанная лѣтописцемъ. Одинадцатый вѣкъ болѣе богатъ подобными свѣдѣніями, интересными и въ томъ отношеніи, что они ярко обрисовываютъ народныя возврѣнія на причину эпидемій. Въ хроникахъ западной Европы въ концѣ X и въ первую половину XI ст. мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ повальныхъ болѣзней, однако на основаніи отечественныхъ источниковъ нельзя утверждать, чтобы эти эпидеміи коснулись Россіи. Такъ въ 988 году чума господствовала въ южной Германіи, отъ 1004 до 1006 года, вмѣстѣ съ голодомъ, въ Испаніи свирѣпствовала повальная болѣзнь, въ 1008 году мы встрѣчаемъ въ Англіи болѣзнь, соединенную съ пятехіями и карбункулами; въ 1016 г. чума такъ сильно свирѣпствовала въ Прагѣ, что здѣсь осталось будто бы лишь $^1/_{10}$ часть жителей; въ 1031 г. та же болѣзнь опустошила Востокъ и распространилась до окрестностей Константинополя, а въ 1036 г. проникла въ Германію, гдѣ съ особенною силою проявилась въ Баваріи; вѣроятно эта же эпидемія въ 1044 г. посѣтила Францію.[2]) Въ Россіи первая эпидемія въ XI в. упоминается лишь подъ 1060 годомъ; ставя ее въ причинную связь съ эпидеміями Западной Европы, мы видимъ, что здѣсь повальная болѣзнь, которая подробнѣе не опредѣляется въ источникахъ—началась въ 1056 г., въ 1058 г. она распространилась по придунайскимъ странамъ и по Италіи, а въ 1060 г. достигла такого напряженія, что соборъ, собравшійся въ Вормсѣ, долженъ былъ отложить свои засѣданія.[3]) Эта то болѣзнь, вѣроятно, отозвалась и въ Россіи. Въ 1060 г., говоритъ лѣтописецъ,[4]) соединили свои боевыя силы Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ и въ лодкахъ и на коняхъ „пошли на Торкы, се слышавши Торцы, убояшася, пробѣгоша и до сего дне, и попроша бѣгающи, Божьимъ гнѣвомъ гонимы, ови отъ зимы, друзіи же гладомъ, ини же моромъ

---

[1]) См. Richter „Gesch. d. Med. in Russland", *стр. 165* и сл.

[2]) См. Schnurrer, *стр. 197—203.*

[3]) См. тамъ-же, *стр. 209.*

[4]) См. Лаврент. лѣт. *стр. 70.*

и судомъ Божіимъ." Этотъ моръ не былъ собственно занесенъ въ Россію возвратившемся войскомъ, хотя и избавилъ ее отъ кочевыхъ непріятелей. Если въ этотъ разъ наша страна и отдѣлалась счастливо отъ угрожавшей ей опасности, то она не могла похвалиться такимъ счастіемъ въ концѣ столѣтія, когда Россіи пришлось испытать участь общую съ остальной Европой.

Мы видѣли уже, что эта часть свѣта, сравнительно, часто посѣщалась повальными болѣзнями въ первую половину XI вѣка. Вторая половина этого столѣтія менѣе богата эпидеміями—вплоть до начала крестовыхъ походовъ, когда увеличившіеся сношенія съ Востокомъ облегчили путь заразъ на западъ. Только въ 1068 году болѣзнь, не опредѣляемая ближе въ хроникахъ, опустошила, въ особенности сильно, среднюю Англію, а въ 1083 году въ Германіи свирѣпствовала дезинтерія. За то съ 1086 года особыя явленія въ физическомъ состояніи нашей планеты, какъ бы указывали на новую приближавшеюся эру въ развитіи эпидемій. Въ различныхъ странахъ Западной Европы сильныя засухи смѣнялись наводненіями, жары—холодами, появлялись тучи, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, насѣкомыхъ, птицы и даже домашнія куры, утки и гуси улетали изъ населенныхъ мѣстъ и въ 1087 г. особая болѣзнь—sua quadam peste—распространилась и между людьми. Болѣзнь эта, называемая современниками „святымъ огнемъ"—ignis sacer—характеризовалась двумя исходами: или больные страдали отъ сильныхъ судорогъ, соединенныхъ иногда съ соннамбулизмомъ или же различныя мѣста на тѣлѣ воспалялись, причемъ больные или умирали или оставались живыми съ потерею различныхъ членовъ. Эта болѣзнь распространилась по Италіи, Франціи, Испаніи и Германіи, гдѣ наибольшаго напряженія она достигла около 1094 года. Въ одномъ Регенсбургѣ въ это время, въ продолженіи 3 мѣсяцевъ умерло 8500 человѣкъ.[1]) Въ Россіи распространенію эпидеміи предшествовала сильная засуха. „Въ се лѣто, т. е. въ 1092 г., суша такова бысть, яко и земля изгаряше и болота и борове сами зажигахуся."[2]) Въ это время, говоритъ далѣе лѣтописецъ, „люди умираху различными недуги." Изъ Лаврентьевской лѣтописи мы узнаемъ, что болѣзнь началась въ Полоцкѣ, слѣдовательно на западной окраинѣ Государства, въ городѣ, вѣроятно, имѣвшемъ наибольшія сношенія съ Западомъ. Описаніе болѣзни ярко рисуетъ понятія того времени. „Предивное, говоритъ лѣтописецъ, бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутьнъ (туманъ?), станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣ-

---

[1]) См. Schnurrer, *ст. 211, 212, 217, 218* и *219*.

[2]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 278*; Лавр. лѣт., *стр. 92*; Воскр. лѣт., *стр. 6*; Никоновск. лѣт., *стр. 118* и *119*.

зяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти коньта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область. Тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье (на яву?) бьютъ Полочаны. се же знамены поча быти отъ Дрьютьска"[1]). Здѣсь народъ, а за нимъ и лѣтописецъ, не фигурально только, а съ полною вѣрою въ реальность факта, приписываетъ происхожденіе, очевидно, эпидемической болѣзни бѣсамъ, которые сначала ночью, невидимо, а потомъ и днемъ поражали людей.[2]) Болѣзнь не ограничилась однимъ Полоцкомъ. Въ этомъ же году Половцы сдѣлали нападеніе на Россію, и потомъ въ союзѣ съ Васильком Ростиславовичемъ воевали съ Поляками, но и помимо военныхъ походовъ, вслѣдствіи однихъ мирныхъ сношеній, эпидемія легко могла въ то время распространиться по другимъ мѣстамъ. И дѣйствительно въ томъ же году въ Кіевѣ „мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты (кресты), яко продахомъ корсты отъ Филипова дни до мясопуста 7 тысячь, се же бысть за грѣхы наша.[3])" Сильная смертность въ Кіевѣ, очевидно находилась въ тѣсной связи съ эпидеміей въ Полоцкой области, а послѣдней едва ли мы можемъ приписать самостоятельное происхожденіе и отдѣлить отъ господствовавшихъ одновременно повальныхъ болѣзней въ западной Европѣ.[4]) Здѣсь является только вопросъ: какого рода были эти болѣзни? Современники называютъ болѣзнь „ignis sacer," „das heilige Feuer," le feu sacré, ou le feu de St. Antoine—антоновъ огонь или гангрена нашего времени. Антоновъ огонь или госпитальная гангрена не можетъ быть, какъ извѣстно, отнесена въ настоящее время къ числу пандемическихъ или народныхъ болѣзней, поэтому въ видахъ широкаго распространенія этой заразы въ концѣ XI вѣка, она можетъ быть объяснена или тѣмъ, что „ignis sacer"—не можетъ отожествляться съ гангреной, или же, что болѣзнь въ теченіи вѣковъ измѣнила свои характеристическія свойства.[5])

---

[1]) См. Лаврент. лѣт. *стр. 92.*

[2]) Воззрѣніе имѣющее, очевидно, одинаковое происхожденіе съ вѣрою въ ангела смерти.

[3]) См. Лаврен. лѣт. *стр. 92*, также Новгр. I лѣт. *стр. 3*; приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 278*; Воскр. лѣт. *стр. 6*; Ник. лѣт. *стр. 119*, въ Никонов. лѣт. болѣзнь ошибочно отнесена къ 1094 году.

[4]) Въ видахъ почти одновременнаго существованія эпидеміи въ Полоцкѣ и въ Кіевѣ—утвержденія Richter'a. (См. Gesch. d. Med., *стр. 178*, *178* и *180*), этого перваго историка медицины въ Россіи—о томъ, что большая смертность въ Кіевѣ имѣла мѣстное происхожденіе—не вѣрно. Этотъ историкъ не зналъ о существованіи Полоцкой эпидеміи и ошибался, слѣдуя въ этомъ случаѣ за Papon'омъ (De la peste ou èpoques memorables de ce flèau), приписывая болѣзни „ignis sacer" только растространеніе во Франціи.

[5]) Предположеніе, что „ignis sacer" вызывалось отравленіемъ secale cornutum едвали вполнѣ неоспоримо. Если бы это было дѣйствительно такъ, то повсемѣстное появленія спорыньи объяснило бы тогда распространеніе эпидеміи.

Переходя къ XII в. мы не замѣчаемъ въ немъ особаго изобилія въ извѣстіяхъ, касающихся состоянія здоровья жителей тогдашней Россіи. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ, подъ вліяніемъ продолжавшихся сношеній съ Востокомъ и вслѣдствіе разнообразныхъ физическихъ причинъ, повальныя болѣзни не прекращались,[1]) въ нашихъ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ о нихъ никакихъ извѣстій въ продолженіи всей первой половины столѣтія. Только подъ 1115 годомъ въ Новгородѣ упоминается сильный падежъ лошадей[2]) и въ этомъ же городѣ и въ его области въ 1127 году „пяде метѣль густъ по земли и по водѣ и по хоромамъ, по 2 нощи, и по 4 дни.... Въ томъ же лѣтѣ вода бяше велика въ Волховѣ, и снѣгъ лежа до Яковли дни, а на осень уби морозъ вьрьшъ всю и озимицѣ; и бысть голодъ и черезъ зиму ржи осминка по полугривнѣ....[3]) Этотъ голодъ продолжался и въ слѣдующій годъ и достигъ ужасныхъ размѣровъ. Во всей Россіи сильныя весеннія наводненія снесли множество домовъ, много людей утонуло и въ мѣстѣ съ тѣмъ была уничтожена масса запасовъ зерна. Болѣе всѣхъ другихъ областей отъ этого пострадала Новгородская земля, здѣсь „въ се же лѣто лютѣ бяше: осминъка ржи по гривнѣ бяше, и ядяху люди листъ липовъ, кору березову, инїи малицъ истьлъкше, мятуце съ пельми и съ соломою, инїи ушь, мъхъ, конину, и тако другымъ падъшимъ отъ глада, трупіе по улицямъ и по търгу и по путьмъ и всюду; наяше наймиты возити мьртвьця изъ города; а смородъмъ нелга вылѣсти (отъ смрада нельзя было выйти), туга бѣда на всѣхъ! отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостьмъ, ово ихъ измьроша, а друзіи разидошася по чюжимъ землямъ, и тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша".[4]) Въ Новгородѣ, какъ видно, голодъ сопровождался страшной смертностью—но эта смертность, хотя и сопутствовалась многими благопріятствующими моментами для развитія эпидеміи (наводненія, міазмы отъ гніющихъ по улицамъ труповъ) ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесена къ народнымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ. Послѣднія появляются лишь со второй половины разсматриваемаго столѣтія. Подъ 1154 годомъ лѣтописцы упоминаютъ о сильномъ падежѣ лошадей,[5]) а въ 1158 г. „моръ бысть многъ въ Новѣгородѣ въ людехъ и въ конехъ,

---

[1]) См. Schnurrer *стр. 229—243.* Въ Германіи въ 1102 и 1103 г.г. господствовала повальная болѣзнь между людьми и падежъ скота; въ этой же странѣ въ 1124 г. по, вѣроятно преувеличеннымъ, даннымъ Conrada v. Lichtenau погибла $^1/_3$ жителей отъ „sacer ignis".

[2]) См. Новгр. I лѣт., *стр. 4.* „а Новгородѣ измроша коня вся у Мьстислава и у дружины его".

[3]) См. тамъ-же.

[4]) См. тамъ-же; а также Новгородская II лѣт., Новгр. IV лѣт., *стр. 3*; Воскр. лѣт., *стр. 27* и *28*; Никон. лѣт. 155. Тверская лѣт. 195. Лавр. лѣт. *стр. 131.* Ипат. лѣт. *стр. 12* и прив. къ ней *стр. 293*, въ послѣдней голодъ и наводненіе отнесены къ 1029 году.

[5]) См. Ипат. лѣт. *стр. 74.* Томъ же лѣтѣ пойде Дюрги (Юрій), съ Ростовцы и съ Суждальцы и съ всѣми дѣтьми въ Русь, и бысть моръ въ коних всихъ его, яко ни былъ николи же. См. также Воскр. лѣт. *стр. 60.*

яко не льзѣ бяше дойти торгу сквозѣ городъ, ни на поле выйти, смрада ради мертвыхъ; и скотъ рогатый помре". [1]) Хотя у насъ нѣтъ извѣстій, что упоминаемый моръ распространился по другимъ областямъ Россіи, хотя и въ западной Европѣ, въ это время, не упоминается объ эпидимическихъ болѣзняхъ, [2]) однако мы не можемъ не отнести болѣзнь 1158 г. къ числу эпидемій: къ этому побуждаетъ насъ отсутствіе, въ это время въ Новгородѣ голода, о которомъ непремѣнно упомянулъ бы лѣтописецъ, и, быть можетъ многимъ и покажется это страннымъ, одновременное существованіе съ моромъ людей, падежа лошадей и рогатаго скота. Опредѣлить же родъ болѣзни на основаніи крайне скудныхъ данныхъ лѣтописца, очевидно нѣтъ никакой возможности. Послѣ описаннаго бѣдствія въ XII столѣтіи, Россія еще одинъ разъ сдѣлалась жертвой повальной болѣзни. [3]) Эпидемія господствовала въ странѣ въ 1187 году. „Того же лѣта, читаемъ мы въ лѣтописи, бысть болѣсть сильна въ людехъ вельми, не бяше бо ни одинаго же двора безъ болнаго, а въ иномъ дворѣ не кому бяше ни воды подати". [4]) Болѣзнь эта началась въ Новгородѣ и преимущественно распространилась по западнымъ окраинамъ страны. Новгородъ, какъ извѣстно, лѣжалъ на большой дорогѣ съ запада на Востокъ, онъ былъ какъ бы воротами, черезъ которыя Россія соединялась съ остальной Европой, и поэтому не мудрено, что большинство заразительныхъ болѣзней начинались въ этомъ городѣ. Если первоначальное развитіе разсматриваемой эпидеміи въ Новгородѣ и указываетъ на то, что она была занесена къ намъ съ Запада, то всетаки и это указаніе не помогаетъ намъ опредѣлить форму болѣзни, подобно тому какъ мы не можемъ этого сдѣлать и на основаніи отечественныхъ источниковъ. Въ западной Европѣ, въ 1173 г. повсемѣстно господствовала Influenza, въ 1180 и въ 1181 г. въ Германіи мы встрѣчаемъ повальную болѣзнь, уничтожившую будто бы половину населенія, а въ 1185 г. въ Испаніи и богатые и бѣдные сдѣлались жертвой заразы. [5]) Легко можетъ быть, что и Россія, хотя спустя два года, раздѣлила общую участь съ Пиренейскимъ полуостровомъ. Послѣдняя, очевидно очень сильная эпидемія XII в., не предшествовалась и не сопровождалась какими либо необыкновенными физическими явленіями. Урожаи повсемѣстно были хорошіе;

---

[1]) См. Тверск. лѣт. *стр. 226*, Новг. I лѣт. *стр. 126* и Новг. II лѣт. *стр. 122*; объ этой болѣзни Richter не упоминаетъ, хотя ему и были доступны Новгор. лѣтописи.

[2]) Въ западной Европѣ, только въ 1155 г. въ войскѣ императора Фридриха I въ Италіи, отъ вліянія климата, господствовали многочисленныя болѣзни. См. Schnurrer, *стр. 245*.

[3]) Только подъ 1173 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ (См. Ипат. лѣт. 105) о сильномъ падежѣ лошадей и о значительной смертности вслѣдствіе голода въ войскѣ Романа Ростиславича, осаждавшаго безуспѣшно Новгородъ.

[4]) Лаврент. лѣт. *стр. 170*, также Тверск. *стр. 278*; Воскр. лѣт. *стр. 101*; Ник. *стр. 254*.

[5]) См. Schnurrer, *стр. 260* и *154*.

лѣтописи ни подъ 1187 г., ни подъ предъидущимъ не упоминаютъ о голодѣ, только весна и лѣто, въ которыя разразилась эпидемія отличались необыкновеннымъ обиліемъ дождей, сильными разливами рѣкъ и довольно частыми и сильными грозами.[1]) Richter къ числу благопріятствующихъ моментовъ къ развитію болѣзни относитъ также смуты и междоусобія бывшія тогда въ Россіи.[2]) Эти междоусобія, въ большинствѣ случаевъ, вызванныя удѣльно-вѣчевой системой, продолжаются и въ XIII ст., когда на Россію нахлынули орды Чингизъ-Хана. Монгольское иго и вызванныя имъ сношенія, мирныя и враждебныя русскихъ съ татарами, естественно должны были отразиться и на распространеніи общихъ народныхъ бѣдствій вообще и на развитіе повальныхъ болѣзней въ частности. Въ Россію открылся новый путь для эпидемій, которыя теперь могли проникать къ намъ непосредственно съ Востока, причемъ уровень экономическаго благосостоянія страны понизился, а вмѣстѣ съ нимъ въ народѣ естественно понизилась и сила сопротивленія вреднымъ вліяніямъ.

Хроника эпидемическихъ болѣзней XIII в. открывается сильнымъ падежемъ лошадей, преимущественно въ Новгородской области. Въ 1203 г. „изомроша кони Новѣгородѣ и по селамъ, яко нельзѣ бяше поити сирада никуда же“.[3]) Сирадъ, распространяемый тѣми же организмами, не былъ и въ этотъ разъ причиной заболѣванія людей, подобно тому же, какъ мы не встрѣчаемъ эпидемій и послѣ сильнаго голода 1215 г. Въ это лѣто „Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи купляхутъ по десяти гривенъ, а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по 2 гривьнѣ; ядяху люди сосновую кору, и листъ липовъ и мохъ, о горе тьгда, братье, бяше! дѣти своѣ даяхуть вдьрень и поставиша скудельницю, и наметаша полну, о горе бяше! по тьргу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю, трупіе не можаху пси изъѣдати человѣкъ“,[4]) Послѣ 1215 г. еще болѣе сильный голодъ, но въ соединеніи уже съ „моромъ“, мы встрѣчаемъ въ 1230 году. Въ первомъ случаѣ неурожай зависѣлъ отъ раннихъ осенних морозовъ, во второмъ же осень 1229 г. была особенно богата дождями и наводненіями. „Тоя осени поиде дождь великъ, и день и нощь, пошедъ на Госпожинъ день, даже до Николина дни не видѣхомъ свѣтла дни, ни сѣна людемъ нельзѣ бяше добыти, ни ниву удѣлати.... Тоя же осени вода бысть велика въ Вльховѣ, поима около озера сѣна; тогда помрѣшу озеру и стоявшу 3 дни, и въздере югъ вѣтрь, излома и внесе

---

[1]) Новгр. I л. *стр. 19*; Новгр. II лѣт. *стр. 126* и Ник. лѣт. *стр. 248*.
[2]) См. Richter, *стр. 140*.
[3]) См. Новгр. I лѣт. *стр. 96* и Тверск. лѣт. *стр. 301*—въ послѣдней надежъ ошибочно отнесенъ къ 1204.
[4]) См. Новгр I лѣт., *стр. 33*; Новгр. II лѣт., *стр. 128* и Новгр. IV *стр. 20*.

въ Вольховъ и воздере 9 городень великаго моста, и принесе къ Пидбѣ, мѣсяца Декабря въ 8".[1]) Кромѣ различныхъ физическихъ явленій, которыя устрашали современниковъ, и какъ бы предсказывали тяжелую годину (какъ напр. затмѣніе солнца, особенно яркій зодіокальный свѣтъ и др.) заслуживаетъ вниманіе землетрясеніе 3 Мая 1230 года, бывшее особенно чувствительнымъ во Владимірской области.[2]) Такимъ явленіямъ соотвѣтствовали вскорѣ затѣмъ наступившія событія.

Великій Новгородъ сдѣлался жертвой ужаснаго голода. „Изби праз на Вздвиженіе честьнаго Хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, и ржи кадь по 20 гривьнъ,.... и разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полни бяше чюжіе грады и страны братьѣ нашей и сестръ, а остальнъ начаша мерети и кто не прослзиться о семъ, видяши мьртвьця по улицамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изъѣдаемы? и въ ложи Богъ въ сердце благое створити архепископу Спуридону, и постави скудельницю у Святыхъ апостолъ въ янѣ, на Прусьской улицѣ, и приставі мужа блага сиѣрена именьмъ Станила, вожити мьртвьця на кони кдѣ обидуце по городу; и тако безпрестани по вся дни влачаша и наполни до врха, иже быть въ пей числомъ 3000 и 30.... иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядахъ, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы; нъ тѣхъ осочивъ-же тако творяще овыихъ огньмъ пзжгоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша. ини же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля.... мртвьца по уличамъ и по тьргу и по мосту по великому, отъ пьсъ изьѣдаемы, оже не можаху погребати, и поставиша другую скудельницю на поли, коньцъ Чюдиньчевѣ улици, и бысть та пълна, въ ней же числа нѣсть. а 3-ью поставиша на Колѣни, за святымъ Рожьствомъ, и та же бысть пълна; въ ней же числа нѣсть.... Се же горе бысть не въ нашей земли во одиной, нъ по всей области Русьтѣй кромѣ Кыева одиного".[3]) Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ, почти по всей Россіи, десятки тысячъ людей умирали голодною смертью, въ Смоленской области, которая подобно Новгороду, вела оживленную торговлю съ Западомъ, разразилась сильная эпидемія. „Того же лѣта бысть моръ въ Смоленьсцѣ: створиша 4 скудельницы, въ дву положиша 16 тысящь, а въ третьей 7000, а въ четверто 9000; се же зло бысть по два лѣта".[4]) Этотъ моръ мы не должны смѣшивать съ моромъ отъ голода,

---

[1]) См. Тверск. лѣт. *стр. 351.*
[2]) См. Лавр. лѣт. *стр. 193*; Троицк. лѣт., *стр. 230*; Новгр. I, *стр. 45*; Новгр. II, *стр. 128*; Новгр. III, *219*; Новгр. IV *стр. 23*; Соф. л. *стр. 173*; Псковск. I *стр, 178*; Тверск. I *стр. 354* и Никоновскую лѣт. *стр. 364.*
[3]) См. Новгр. I лѣт. *стр. 46* и *47.*
[4]) См. Троицк. лѣт. *стр. 220*; Новгр. II лѣт. *стр. 128* и *129*; Новгр. IV л. *стр. 29* и Воскр. лѣт. *стр. 137.*

лѣтописецъ рѣзко отличаетъ одинъ отъ другаго: „того же лѣта бысть моръ силенъ въ Смоленци.... и бысть же моръ въ Новѣгородѣ отъ глада“.[1]) Отъ послѣдняго въ Новгородѣ, который, какъ можно предполагать, былъ населеннѣе Смоленска, погибла масса людей, похороненныхъ въ трехъ общихъ могилахъ, изъ которыхъ въ одной было положено 3030 человѣкъ—отъ перваго же въ Смоленскѣ погибло еще большее число людей, погребенныхъ въ 4-хъ могилахъ, причемъ общее число умершихъ равнялось будто бы 32000. Послѣднее число можно бы смѣло принять за преувеличенное, если бы мы не знали изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ примѣровъ, что средневѣковыя эпидеміи вырывали изъ человѣческихъ обществъ громадное число жертвъ: Richter называетъ эту повальную болѣзнь, господствовавшею на Западѣ Россіи, болѣзнью въ родѣ чумы,[2]) опредѣленіе, которое можетъ быть оправдываемо развѣ только численностью смертныхъ случаевъ, потому что въ тоже время въ старомъ свѣтѣ, мы не встрѣчаемся съ подобной заразой. Здѣсь только въ 1201 и въ 1202 г. чума свирѣпствовала въ Египтѣ, въ 1224 г. въ Италіи, а въ 1229 г. неопредѣленная болѣзнь опустошала островъ Майорку.[3]) Едва ли поэтому можно принять, чтобы чума употребила шесть лѣтъ на путешествіе изъ Италіи въ Россію, причемъ области лѣжащія между этими странами были бы пощажены. Съ другой стороны мы не можемъ допустить и аутохтоннаго происхожденія эпидеміи въ данномъ случаѣ и должны считать такимъ образомъ вопросъ о Смоленскомъ морѣ пока открытымъ.

Послѣ описанной болѣзни мы встрѣчаемъ большую смертность въ Псковѣ въ 1237 г. Отсутствіе голода заставляетъ и здѣсь предполагать эпидемію „въ се лѣто, говоритъ лѣтописецъ, бяше моръ золъ на люди въ Псковѣ и Изборскѣ, ирину бо старые и молодые люди, мужи и жены и малые дѣти“.[4]) Этотъ моръ, какъ и предъидущій, не можетъ быть поставленъ въ связь съ общо-Европейскими повальными болѣзнями—такъ какъ здѣсь, послѣ эпидеміи на островѣ Майоркѣ, мы встрѣчаемъ большую смертность въ городахъ лишь въ 1239 г.,[5]) слѣдовательно на два года позже чѣмъ въ Псковѣ.

Къ концу XIII столѣтія эпидеміи начинаютъ чаще появляться въ Россіи; въ это время они являются какъ бы предшественницами той великой народной болѣзни, которая произвела какъ бы переломъ въ исторіи человѣчества и положила на долго

---

[1]) См. Воскр. лѣт. *стр. 137.*
[2]) См. Richter, *стр. 143.*
[3]) См. Schnurrer, *стр. 262, 274 и 282.*
[4]) См. Richter, *стр. 193*; вышеприведенное свѣдѣніе историкъ заимствовалъ изъ рукописи, въ изданіяхъ Арх. ком. его нѣтъ.
[5]) См. Schnurrer, *стр. 284.*

печать смерти и печали на весь старый свѣтъ. Такъ мы встрѣчаемся съ эпидеміями въ 1265 г. „тогда же моръ бяше на людяхъ“,[1]) и въ 1278 г. „того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугами“.[2]) Отсутствіе голода и здѣсь заставляетъ предполагать какую-нибудь инфекціонную болѣзнь, причемъ первая изъ нихъ предшествовалась и сопровождалась появленіемъ кометъ.[3]) Западная Европа, въ это время была свободною отъ эпидеміи—если не принимать въ разсчетъ психопатію гейслерства, въ первый разъ упоминаемаго въ 1260 г.[4]) Эта странная, и безъ сомнѣнія эпидемическая болѣзнь, не коснулась Россіи, которая опередила своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей въ другомъ отношеніи. Невѣжество и варварство Среднихъ вѣковъ ярко иллюстрируется гоненіями на Евреевъ; это несчастное племя во всѣхъ странахъ Европы, подвергалось самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, будучи обвиняемо въ отравленіи христіанъ; ему приписывали происхожденіе эпидемій и не замѣчая, что Евреи на равнѣ съ христіанами дѣлаются ихъ жертвою; ихъ жгли, вѣшали, убивали въ ужасныхъ пытвахъ. Такія гоненія въ Германіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ начались въ концѣ XIII ст., послѣ 1296 г.[5]) Россія, въ этомъ случаѣ, не дѣлала заимствованій съ Запада, она сама пришла къ подобнымъ-же заключеніямъ и дѣйствіямъ, только обвиняемыми, мнимыми производителями заразъ здѣсь были не Евреи, а татары. „Многа же зла тогда сотвориша Татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: имяще бо сердце человѣческое мочаху во яду аспидномъ и полагахъ въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяще, абіе умираше, и отъ сею великій моръ бысть по всей Русской землѣ“.[6]) Это свидѣтельство относится къ 1286 г., слѣдовательно мысль объ отравленіи колодцевъ, игравшая такую значительную роль въ слѣдующемъ столѣтіи, явилась въ Россіи вполнѣ самостоятельно и на цѣлые десять лѣтъ раньше ея возникновенія на Западѣ. Моръ, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, былъ очевидно занесенъ къ намъ татарами и русскими воинами, которые въ 1286 г., вмѣстѣ совершили опустошительный набѣгъ на Польшу. Въ этой же странѣ повальная болѣзнь можетъ быть распространилась изъ Франціи и Богеміи, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ 1282 и 1283 году. Стоитъ упоминанья и тотъ фактъ, что одновременно съ господ-

---

[1]) См. Псковск. I лѣт. *стр. 181*,
[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 67*.
[3]) Комета являлась въ 1265 г. и въ 1264. См. приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 343* и *344*, Ипат. лѣт. *стр. 202*.
[4]) См. Schnurrer, *стр. 291*.
[5]) См. Schnurrer. *стр. 302* и сл.
[6]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 347*.

ствомъ заразы у насъ, въ Западной Европѣ, въ 1286 г., наблюдали рѣдкое явленіе: моръ птицъ, послѣ котораго сдѣлались чрезвычайно рѣдкими даже вороны и сороки.[1]) Послѣдняя эпидемія у насъ не предшествовалась никакими особыми физическими явленіями, хотя сильныя наводненія были въ Австріи. 1286 годъ, послѣдній въ XIII ст., въ которомъ упоминается о морѣ; съ нимъ мы опять встрѣчаемся лишь въ началѣ XIV вѣка.

Въ 1302 году, по извѣстіямъ Новгородскихъ лѣтописей въ Россіи, господствовалъ моръ людей и коней, сопровождаемый голодомъ. Вслѣдствіе существованія этихъ двухъ явленій, можно было бы припять, что большая смертность, упоминаемая въ источникахъ, была причинена неурожаемъ, но такое предположеніе не оправдывается точнымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. „Того же лѣта, говоритъ онъ, бысть моръ на люди и на кони, и на всякій скотъ, а жито всякое мышь поѣла; и того ради дороговь бысть велика и гладъ великъ бысть по всей земли Русской".[2]) Здѣсь ясно отдѣляются два рода явленій и между тѣмъ какъ для одного изъ нихъ указывается естественная причина: мыши, происхожденіе другого объясняется, какъ обыкновенно, гнѣвомъ Бога.[3]) Вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, находилась ли эпидемія 1308 г. въ связи съ оспенными эпидеміями, распространившимися въ Европѣ съ 1310 г., или же она должна быть поставлена въ одну группу съ неизвѣстными повальными болѣзнями, господствовавшими въ этой части свѣта около 1313 года.[4]) Мы не можемъ также ближе опредѣлить болѣзни, упоминаемыя въ 1318 и 1321 г. Первая изъ нихъ разразилась въ Твери: „Тое же зимы бысть моръ въ Твери на люди,"[5]) вторая же сопровождалась падежомъ лошадей: „Того же лѣта моръ бысть на люди и на кони."[6]) Періодъ времени отъ 1317 до 1321 г. въ лѣтописяхъ не отмѣченъ никакими необыкновенными физическими явленіями; въ эти годы мы не встрѣчаемся также ни съ голодомъ, ни съ какими либо повальными болѣзнями въ Западной Европѣ. Послѣ послѣдней эпидеміи, въ продолженіи двадцати лѣтъ Россія пользовалась, повидимому, полнымъ отдыхомъ и только въ 1341 г. мы снова встрѣчаемъ сильную эпидемію въ Псковѣ и Изборскѣ. Послѣ осады послѣдняго города Ливонскими рыцарями въ немъ и въ Псковѣ „грѣхъ ради нашихъ, бяше моръ золъ на людехъ во Псковѣ и въ Избор-

---

[1]) См. Schnurrer, *стр. 297* и *299*.
[2]) См. Воскр. л. *стр. 185*; Новгр. III л. *стр. 223*; Новгр. IV, *стр. 47*; Никон. л. *стр. 202*.
[3]) См. Новгр. III л. *стр. 223*; „Того же лѣта бысть казнь отъ Бога".
[4]) См. Schnurrer, *стр. 309* и *310*.
[5]) См. Ник. лѣт., *стр. 115*.
[6]) См. Троицк. лѣт. *стр. 229*; Новгр. II лѣт. *стр.* 131; и Новгр. IV *стр. 49*.

скѣ: мряху бо старыя и молодые люди, и черници и черчницы, мужи и жены и малыя дѣтки, не бы бо ихъ гдѣ погребати, все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; и гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или жены, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ"![1]) Судя по этому описанію число умершихъ дѣтей въ семь или даже въ восемь разъ превосходило число взрослыхъ. Эпидемія сопровождалась падежемъ скота, между тѣмъ какъ урожаи этого года были обильные: „Семъ же лѣтѣ хлѣбъ бысть дешевъ, а скотъ рогатый поире".[2])

---

[1]) См. Псковск. I л. *стр. 188 и 189*, Псковск. II л. *стр. 18.*

[2]) См. Новгр. I л. *стр. 81.*

ГЛАВА II-я.

Чисто мѣстная повальная болѣзнь въ Псковѣ была послѣдней до начала наиболѣе страшной эпидеміи, какую только знаетъ исторія человѣчества, черной смерти. Эта чума XIV в. и по силѣ и по распространенію не можетъ быть сравниваема ни съ однимъ общенароднымъ бѣдствіемъ. Значеніе ея для исторіи культуры измѣряется и тѣмъ страхомъ, который былъ ею вызванъ въ умахъ современниковъ и тѣмъ интересомъ, съ которымъ вопросъ о черной смерти былъ разработанъ и въ медицинской и въ общеисторической литературѣ. Если, между тѣмъ, исторія этой заразы подробно разработана для Западной Европы и даже Азіи, то нельзя сказать, чтобы тоже было сдѣлано и по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ насъ немного дольше остановиться на разсматриваемомъ вопросѣ.

Еще съ 1330 г. въ природѣ начались явленія, которыя, какъ бы, предсказывали наступавшую грозу. Хроники этого времени полны разсказами о различныхъ переворотахъ, совершавшихся въ различныхъ областяхъ земнаго шара. 1331 г. отличался дождями во всей Западной и Южной Европѣ. На островѣ Кипрѣ дождь шелъ въ продолженіи двадцати сутокъ, здѣсь отъ наводненія погибло около 8000 ч., въ Италіи же 1000, слѣдующая затѣмъ зима отличалась такою высокою температурою, что даже въ Богеміи поселяне были принуждены начать вспахивать поля. Въ Ирландіи въ тоже время господствовалъ неурожай, хотя рыба была, въ невиданномъ до сихъ поръ, изобиліи. Въ Китаѣ въ тоже время сильныя засухи причинили ужасный голодъ. Эти засухи смѣнились здѣсь такими дождями, что отъ наводненій погибло будто-бы 400,000 человѣкъ. Такія наводненія продолжались и въ слѣдующемъ году около Кантона, между тѣмъ какъ въ провинціи Тхэ, послѣ сильной засухи, распространилась зараза, стоившая жизни 5 милл. людей.[1]) Вскорѣ послѣ этого въ окрестностяхъ столицы Китая произошло землетрясеніе, сопровождавшееся обваломъ возвышенностей Ки-минг-шинъ, на мѣстѣ которыхъ образовалось громадное озеро. Въ то же время въ провинціяхъ Ху-Куанѣ и Хонанъ продолжалась засуха, появились несмѣтныя тучи саранчи, голодъ и моръ. Въ Европѣ въ 1333 г. произошли извер-

[1]) Это число также какъ и всѣ послѣдующія числовыя данныя, понятно, не имѣютъ полной достовѣрности.

женіе Этны. Въ 1337 г. въ провинціи Ксангъ мы встрѣчаемся съ 6-ти дневнымъ землетрясеніемъ, саранчей, наводненіями и голодомъ отъ котораго погибло 4 милл. людей. Въ томъ же и еще болѣе въ слѣдующемъ году саранча появляется во Франціи. Въ 1338 г. столица Китая испытала 10-ти дневное землетрясеніе и съ этого года вплоть до 1342 здѣсь послѣдовательно смѣнялись землетрясенія, наводненія, засухи и голодъ. Въ 1343 г. провалилась гора Хоні-Тшангъ, за этимъ послѣдовало наводненіе, которое послѣ трехъ-мѣсячныхъ дождей разрушило въ провинціяхъ Пиньчу и Лэнг-чу семь городовъ. Въ 1344 г. землетрясеніе испытала провинція Веньчу, а въ 1345 г. Кигу. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года сильныя землетрясенія чувствовались въ Кантонѣ и всѣ эти необыкновенныя явленія смѣнялись или чередовались голодомъ. Только послѣ 1347 г. въ Китаѣ, природа, какъ бы, успокоилась. Въ то же время въ Европѣ 1342 г. отличался сильными наводненіями, которыя нельзя было объяснить дождями, такъ какъ даже на вершинахъ горъ появились обильные ручьи и мѣстности, до сихъ поръ совершенно сухія, покрывались водой. Въ то же время Египетъ и Сирія страдали отъ сильныхъ землетрясеній. Такія возмущенія въ Европѣ сдѣлались еще болѣе частыми, начиная отъ 1348 г., въ которомъ сильное землетрясеніе поколебало островъ Кипръ. Это землетрясеніе предшествовалось вѣтромъ чрезвычайно зловоннаго запаха, отъ котораго умирали люди и сопровождалось ураганомъ, уничтожившимъ на островѣ все, что успѣло уцѣлѣть отъ предшествующихъ бѣдствій. Такое же сильное землетрясеніе разразилось въ Греціи, Италіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Едва ли не замѣчательнѣе упомянутыхъ явленій—зловонный туманъ, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки и который распространился, будто-бы, по Европѣ съ Востока.[1]) Если въ Китаѣ вышеупомянутыя необыкновенныя явленія сопровождались частымъ голодомъ, то въ Европѣ о немъ въ это время мы не встрѣчаемъ упоминаній.

При такихъ обстоятельствахъ въ Азіи зародилась эпидемія, вскорѣ опустошившая весь восточный материкъ. Историки этой эпидеміи не согласны въ томъ, гдѣ собственно въ первый разъ проявилась зараза: одни считаютъ ея очагомъ Индію, другіе Китай.[2]) Въ послѣдней странѣ жертвой болѣзни сдѣлалось 13 милл. людей. Какую бы страну мы не приняли за мѣста перваго проявленія чумы—несомненно то, что

---

[1]) О всѣхъ упомянутыхъ явленіяхъ см. Hecker, die gr. Volksks des Mittelalt, *стр. 34—40*; Schnurrer *стр. 314* и сл.; v. Hoff, Gesch. d. Veränd. d. Erdoberfl. т. II, *стр. 264* и сл. и Häser Lehrb. d. Geschich. d. Medicin, т. II *стр. 105* и сл.

[2]) Индію—родиной чумы считаетъ Fracastaro, Китай же Deguignes. См. Deguignes Histoire des Huns., 1758. IV, *стр. 223* и сл.

она скоро распространилась по всей Азіи, вѣроятно, слѣдуя здѣсь по караваннымъ путямъ.[1])

Относительно дальнѣйшаго пути распространенія эпидеміи изъ Азіи въ Европу, изслѣдователи не согласны между собою. Здѣсь намѣчается три главныхъ направленія: 1) Изъ Китая черезъ Бухару, Кипчакъ, Каффу (въ Крыму) въ Константинополь. 2) Черезъ Гератъ, Арменію, Малую Азію въ Константинополь. 3) Черезъ Багдадъ, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку въ Константинополь[2]). Всѣ три пути сходятся въ Константинополѣ и дѣйствительно здѣсь, а также въ Марсели, на островѣ Сициліи и Кипрѣ мы встрѣчаемъ заразу уже въ 1347 г. Отсюда, въ томъ же году, она распространилась по всѣмъ прибрежнымъ торговымъ городамъ Средиземнаго моря, и въ Январѣ 1348 г., мы встрѣчаемъ эпидемію въ Авиньонѣ и въ другихъ городахъ Сѣверной Италіи и Южной Франціи. Въ 1348 г. болѣзнь распространилась по Франціи и Германіи, въ Августѣ она появилась въ Англіи, а въ Ноябрѣ 1349 г. въ Швеціи. Въ Польшѣ эпидемія распространилась также въ 1349 г., вѣроятно, изъ Германіи.

Таковъ былъ путь болѣзни внѣ Россіи; прежде чѣмъ, однако, мы обратимся къ послѣдней, посмотримъ какими отличительными чертами характеризовалась болѣзнь Европейскими наблюдателями. Въ Германіи называли болѣзнь: „der schwarze Tod; въ Италіи—„La Mortalega grande“; во Франціи—„peste noire“. Болѣзнь не всѣми наблюдателями описывается одинаково. Въ Византіи она проявлялась большими бубонами, наполненными пахучею матеріей, которые сопровождались тяжелыми явленіями со стороны нервной системы, (сонливость, бредъ, параличъ языка). Языкъ и гортань у больныхъ дѣлались черными, тѣло у нѣкоторыхъ покрывалось петэхіями и больные умирали въ страшныхъ страданіяхъ, мучимые постоянной жаждой. Къ такимъ явленіямъ общимъ и обыкновенной чумѣ присоединялось пораженіе дыхательныхъ органовъ: у больныхъ болѣла грудь, они харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло зловонный запахъ. Во Франціи, въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ господства болѣзни, бубоны отсутствовали и больные умирали въ первые три дня, съ явленіями страданія только дыхательныхъ органовъ и нервной системы. Въ Италіи же болѣзнь

---

[1]) Впрочемъ постепенное распространеніе чумы, при посредствѣ переноса, принимается не всѣми историками медицины, такъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ Hecker—допускаетъ аутохтонное зарожденіе болѣзни въ разныхъ странахъ.

[2]) См. Dr. Carl Martin. Versuch einer geograph. Darstellung einiger Pestepidemien, въ Petermann's Mittheilungen 1879, т. XXV, № 7, *стр. 260*; также и Hecker, *стр. 43*.

[3]) Въ послѣдней наиболѣе сильно чума дѣйствовала лишь въ слѣдующемъ 1349 году.

проявлялась сначала „большими нарывами", въ пахахъ и подъ мышкой. Во всѣхъ странахъ вообще, по отношенію къ способности зараженія, не существовало различій, ни въ полѣ, ни въ возрастѣ. Смертность заболѣвшихъ и число заболѣваній было громадно. Мы говорили уже, что въ одномъ Китаѣ погибло, будто-бы, 12 милл. За исключеніемъ этой страны, во всей Азіи, какъ доносили папѣ, число жертвъ равнялось 23,840,000 ч. Эти цифры могутъ показаться невѣрными, если въ подтвержденіе ихъ мы не имѣли бы точныхъ данныхъ о смертности въ Западной Европѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ наиболѣе точныхъ цифръ, такъ во Флоренціи черною смертью умерло: 60,000 ч., въ Венеціи—100,000 ч., въ Парижѣ—50,000 ч., въ Авиньонѣ—тогдашнемъ мѣстонребываніи папъ 60,000 ч., въ Лондонѣ 100,000 ч.; однихъ францисканскихъ монаховъ—124,434 ч., изъ числа 60,000 миноритовъ—30,000; вообще можно, безъ преувеличеній, принять, что Европа потеряла $^1/_4$ часть своего населенія, или около 25 милліоновъ.[1]) Эпидемія обыкновенно продолжалась въ теченіи полугода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ напр. въ Англіи, сопровождалась падежемъ скота. Замѣчательно также, что до появленія болѣзни птицы улетали изъ мѣстъ, которымъ въ скоромъ времени приходилось испытывать заразу.

Мы въ краткихъ чертахъ обрисовали ужасную болѣзнь и ея распространеніе въ Азіи и Европѣ, теперь послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ обратиться къ Россіи и познакомиться съ ходомъ развитія черной смерти въ нашей странѣ.[2])

Какъ мы уже видѣли азіатскія и европейскія хроники полны указаніями на необыкновенныя физическія явленія, на возмущенія природы, которыя предшествовали заразѣ. Въ этомъ отношеніи русскія лѣтописи менѣе богаты такими указаніями. Въ 1328 году мы встрѣчаемъ землетрясеніе въ Новгородѣ,[3]) слѣдующій за тѣмъ годъ отличается засухами,[4]) а 1331 появленіемъ кометы.[5]) Въ 1336, 1338, 1346 г.г.

---

[1]) См. Hecker. *стр. 46, 47* и *55*; Schnurrer, *стр. 327*.

[2]) Если, выше, общій ходъ болѣзни въ Азіи и въ Европѣ, былъ обрисованъ въ общихъ чертахъ, то нельзя того же сказать объ описаніи симптомовъ болѣзни, мы привели всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у западно-европейскихъ писателей—врачей, историковъ и литераторовъ, и если эти описанія кратки и не вполнѣ удовлетворительны съ медицинской точки зрѣнія—то это вина источниковъ и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи, какъ увидимъ ниже, отличаются большими подробностями.

[3]) См. Тверск. лѣт. 417 и Ник. *стр. 140*. Землетрясеніе 1328 г. второе, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы; распространеніе ихъ въ такихъ областяхъ, которыя считаются гарантированными отъ нихъ—фактъ знаменательный и на него будетъ обращено вниманіе въ другой работѣ.

[4]) См. Ник. л. *стр. 155*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 75*; Новгр. III л. *стр. 225*. Новгр. IV, *стр. 52*; Воскр. л. *стр. 203*. и Соф. л. *стр. 219*.

были сильныя наводненія,[1]) а въ 1350 г. страшная южная буря.[2]) Голода—передъ эпидеміей мы не встрѣчаемъ въ Россіи. Только 1332 г. отличался неурожаемъ,[3]) обиліемъ же хлѣба 1341.[4]) Такимъ образомъ въ нашей странѣ не было такихъ грозныхъ предвѣстниковъ наступавшаго бѣдствія, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, хотя слухъ о заразѣ распространился по Россіи довольно рано. Къ сожалѣнію первый слухъ объ эпидеміи, въ различныхъ лѣтописяхъ, мы встрѣчаемъ не подъ однимъ годомъ и это различіе не можетъ быть объяснено разностью въ скорости распространенія извѣстія въ различныхъ областяхъ. Такъ въ Никоновской или патріаршей лѣтописи первое извѣстіе о черной смерти на Востокѣ и въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ 1345 году[5]). Эта лѣтопись, какъ извѣстно, сборникъ, составленный на основаніи болѣе старыхъ хроникъ и ошибка здѣсь очевидна безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Гораздо труднѣе примирить между собою данныя Новгородской IV, Псковской I и Воскресенской лѣтописи. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ ней дважды говорится о первомъ слухѣ о чумѣ, одинъ въ 1346 г., а другой въ 1350 г.,[6]) Воскресенская лѣтопись о морѣ на Востокѣ говоритъ въ 1346 году,[7]) а Псковская въ 1348 г.[8]) Послѣдній годъ имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, доказываемую и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ болѣзни въ Европѣ. Если Псковская лѣтопись вѣрнѣе другихъ обозначаетъ годъ, въ который Россія узнала о чумѣ, то Воскресенская дѣлаетъ самое подробное и точное описаніе мѣстъ, бывшихъ первою жертвою эпидеміи: „Того же лѣта, говорится здѣсь, казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь (при устьѣ Дона)[9]) и на Хазторокань, и на Сарай и на Бездежъ (на рукавѣ Волги, ниже Енотаевки), и на прочіи грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены (Хивинцы) и на Татары и на Ормены (Армяне), и на Обезы (Абазинцы), и на Жиды и на Фрязы (Генуэзцы и Венеціане въ колоніяхъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ) и на Черкасы, и на всѣхъ

---

[1]) См. Новгр. II *стр. 131*; Ник. *стр. 165* и *186*; Новгр. I *стр. 78*; Новгр. IV *стр. 53*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 59*; Ник. *стр. 191*.

[3]) См. Троиц. л., *230*; Соф. л, *220*; Твер. л., *стр. 418*.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 81*.

[5]) См. Ник. л., *стр. 183*.

[6]) См. Новгр. IV, *стр. 57* и *60*.

[7]) См. Воскр. лѣт., *стр. 210*.

[8]) См. Псковск. I л., *стр. 90*.

[9]) Такое опредѣленіе этого города даетъ Карамзинъ (см. примѣч. къ ист. Госуд. Рос. т. IV *стр. 238*, пр. 351) послѣдующія опредѣленія географическихъ терминовъ, встрѣчаемыхъ въ приводимомъ извѣстіи взяты оттуда-же.

печать смерти и печали на весь старый свѣтъ. Такъ мы встрѣчаемся съ эпидеміями въ 1265 г. „тогда же моръ бяше на людяхъ“,[1]) и въ 1278 г. „того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугами“.[2]) Отсутствіе голода и здѣсь заставляетъ предполагать какую-нибудь инфекціонную болѣзнь, причемъ первая изъ нихъ предшествовалась и сопровождалась появленіемъ кометъ.[3]) Западная Европа, въ это время была свободною отъ эпидеміи—если не принимать въ разсчетъ психопатію гейслерства, въ первый разъ упоминаемаго въ 1260 г.[4]) Эта странная, и безъ сомнѣнія эпидемическая болѣзнь, не коснулась Россіи, которая опередила своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей въ другомъ отношеніи. Невѣжество и варварство Среднихъ вѣковъ ярко иллюстрируется гоненіями на Евреевъ; это несчастное племя во всѣхъ странахъ Европы, подвергалось самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, будучи обвиняемо въ отравленіи христіанъ; ему приписывали происхожденіе эпидемій и не замѣчая, что Евреи на равнѣ съ христіанами дѣлаются ихъ жертвою; ихъ жгли, вѣшали, убивали въ ужасныхъ пыткахъ. Такія гоненія въ Германіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ начались въ концѣ XIII ст., послѣ 1296 г.[5]) Россія, въ этомъ случаѣ, не дѣлала заимствованій съ Запада, она сама пришла къ подобнымъ-же заключеніямъ и дѣйствіямъ, только обвиняемыми, мнимыми производителями заразъ здѣсь были не Евреи, а татары. „Многа же зла тогда сотвориша Татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: иземце бо сердце человѣческое мочаху во яду аспидномъ и полагахъ въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяще, абіе умираше, и отъ сею великій моръ бысть по всей Русской землѣ“.[6]) Это свидѣтельство относится къ 1286 г., слѣдовательно мысль объ отравленіи колодцевъ, игравшая такую значительную роль въ слѣдующемъ столѣтіи, явилась въ Россіи вполнѣ самостоятельно и на цѣлые десять лѣтъ раньше ея возникновенія на Западѣ. Моръ, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, былъ очевидно занесенъ къ намъ татарами и русскими воинами, которые въ 1286 г., вмѣстѣ совершили опустошительный набѣгъ на Польшу. Въ этой же странѣ повальная болѣзнь можетъ быть распространилась изъ Франціи и Богеміи, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ 1282 и 1283 году. Стоитъ упоминанья и тотъ фактъ, что одновременно съ господ-

---

[1]) См. Псковск. I лѣт. *стр. 181*,
[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 67*.
[3]) Комета являлась въ 1265 г. и въ 1264. См. приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 343* и *344*, Ипать. лѣт. *стр. 202*.
[4]) См. Schnurrer, *стр. 291*.
[5]) См. Schnurrer. *стр. 302* и сл.
[6]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 347*.

ствомъ заразы у насъ, въ Западной Европѣ, въ 1286 г., наблюдали рѣдкое явленіе: моръ птицъ, послѣ котораго сдѣлались чрезвычайно рѣдкими даже вороны и сороки.[1]) Послѣдняя эпидемія у насъ не предшествовалась никакими особыми физическими явленіями, хотя сильныя наводненія были въ Австріи. 1286 годъ, послѣдній въ XIII ст., въ которомъ упоминается о морѣ; съ нимъ мы опять встрѣчаемся лишь въ началѣ XIV вѣка.

Въ 1302 году, по извѣстіямъ Новгородскихъ лѣтописей въ Россіи, господствовалъ моръ людей и коней, сопровождаемый голодомъ. Вслѣдствіе существованія этихъ двухъ явленій, можно было бы принять, что большая смертность, упоминаемая въ источникахъ, была причинена неурожаемъ, но такое предположеніе не оправдывается точнымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. „Того же лѣта, говоритъ онъ, бысть моръ на люди и на кони, и на всякій скотъ, а жито всякое мышь поѣла; и того ради дороговь бысть велика и гладъ великъ бысть по всей земли Русской".[2]) Здѣсь ясно отдѣляются два рода явленій и между тѣмъ какъ для одного изъ нихъ указывается естественная причина: мыши, происхожденіе другого объясняется, какъ обыкновенно, гнѣвомъ Бога.[3]) Вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, находилась ли эпидемія 1308 г. въ связи съ оспенными эпидеміями, распространившимися въ Европѣ съ 1310 г., или же она должна быть поставлена въ одну группу съ неизвѣстными повальными болѣзнями, господствовавшими въ этой части свѣта около 1313 года.[4]) Мы не можемъ также ближе опредѣлить болѣзни, упоминаемыя въ 1318 и 1321 г. Первая изъ нихъ разразилась въ Твери: „Тое же зимы бысть моръ въ Твери на люди,"[5]) вторая же сопровождалась падежомъ лошадей: „Того же лѣта моръ бысть на люди и на кони."[6]) Періодъ времени отъ 1317 до 1321 г. въ лѣтописяхъ не отмѣченъ никакими необыкновенными физическими явленіями; въ эти годы мы не встрѣчаемся также ни съ голодомъ, ни съ какими либо повальными болѣзнями въ Западной Европѣ. Послѣ послѣдней эпидеміи, въ продолженіи двадцати лѣтъ Россія пользовалась, повидимому, полнымъ отдыхомъ и только въ 1341 г. мы снова встрѣчаемъ сильную эпидемію въ Псковѣ и Изборскѣ. Послѣ осады послѣдняго города Ливонскими рыцарями въ немъ и въ Псковѣ „грѣхъ ради нашихъ, бяше моръ золъ на людехъ во Псковѣ и въ Избор-

---

[1]) См. Schnurrer, *стр. 297* и *299*.
[2]) См. Воскр. л. *стр. 185*; Новгр. III л. *стр. 223*; Новгр. IV, *стр. 47*; Никон. л. *стр. 202*.
[3]) См. Новгр. III л. *стр. 223*; „Того же лѣта бысть казнь отъ Бога".
[4]) См. Schnurrer, *стр. 309* и *310*.
[5]) См. Ник. лѣт., *стр. 115*.
[6]) См. Троицк. лѣт. *стр. 229*; Новгр. II лѣт. *стр.* 131; и Новгр. IV *стр. 49*.

скѣ: мряху бо старыя и молодые люди, и черици и черчницы, мужи и жены и малыя дѣтки, не бы бо ихъ гдѣ погребати, все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; и гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или жены, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ"![1]) Судя по этому описанію число умершихъ дѣтей въ семь или даже въ восемь разъ превосходило число взрослыхъ. Эпидемія сопровождалась падежемъ скота, между тѣмъ какъ урожаи этого года были обильные: „Семъ же лѣтѣ хлѣбъ бысть дешевъ, а скотъ рогатый помре".[2])

---

[1]) См. Псковск. I л. *стр. 188* и *189*, Псковск. II л. *стр. 18*.
[2]) См. Новгр. I л. *стр. 81*.

ГЛАВА II-я.

Чисто мѣстная повальная болѣзнь въ Псковѣ была послѣдней до начала наиболѣе страшной эпидеміи, какую только знаетъ исторія человѣчества, черной смерти. Эта чума XIV в. и по силѣ и по распространенію не можетъ быть сравниваема ни съ однимъ обще-народнымъ бѣдствіемъ. Значеніе ея для исторіи культуры измѣряется и тѣмъ страхомъ, который былъ ею вызванъ въ умахъ современниковъ и тѣмъ интересомъ, съ которымъ вопросъ о черной смерти былъ разработанъ и въ медицинской и въ обще-исторической литературѣ. Если, между тѣмъ, исторія этой заразы подробно разработана для Западной Европы и даже Азіи, то нельзя сказать, чтобы тоже было сдѣлано и по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ насъ немного дольше остановиться на разсматриваемомъ вопросѣ.

Еще съ 1330 г. въ природѣ начались явленія, которыя, какъ бы, предсказывали наступавшую грозу. Хроники этого времени полны разсказами о различныхъ переворотахъ, совершавшихся въ различныхъ областяхъ земнаго шара. 1331 г. отличался дождями во всей Западной и Южной Европѣ. На островѣ Кипрѣ дождь шелъ въ продолженіи двадцати сутокъ, здѣсь отъ наводненія погибло около 8000 ч., въ Италіи же 1000, слѣдующая затѣмъ зима отличалась такою высокою температурою, что даже въ Богеміи поселяне были принуждены начать вспахивать поля. Въ Ирландіи въ тоже время господствовалъ неурожай, хотя рыба была, въ невиданномъ до сихъ поръ, изобиліи. Въ Китаѣ въ тоже время сильныя засухи причинили ужасный голодъ. Эти засухи смѣнились здѣсь такими дождями, что отъ наводненій погибло будто-бы 400,000 человѣкъ. Такія наводненія продолжались и въ слѣдующемъ году около Кантона, между тѣмъ какъ въ провинціи Тхэ, послѣ сильной засухи, распространилась зараза, стоившая жизни 5 милл. людей.[1]) Вскорѣ послѣ этого въ окрестностяхъ столицы Китая произошло землетрясеніе, сопровождавшееся обваломъ возвышенностей Ки-минг-шинъ, на мѣстѣ которыхъ образовалось громадное озеро. Въ то же время въ провинціяхъ Ху-Куанѣ и Хонанъ продолжалась засуха, появились несмѣтныя тучи саранчи, голодъ и моръ. Въ Европѣ въ 1333 г. произошли извер-

[1]) Это число также какъ и всѣ послѣдующія числовыя данныя, понятно, не имѣютъ полной достовѣрности.

женіе Этны. Въ 1337 г. въ провинціи Ксангъ мы встрѣчаемся съ 6-ти дневнымъ землетрясеніемъ, саранчей, наводненіями и голодомъ отъ котораго погибло 4 милл. людей. Въ томъ же и еще болѣе въ слѣдующемъ году саранча появляется во Франціи. Въ 1338 г. столица Китая испытала 10-ти дневное землетрясеніе и съ этого года вплоть до 1342 здѣсь послѣдовательно смѣнялись землетрясенія, наводненія, засухи и голодъ. Въ 1343 г. провалилась гора Хонi-Тшангъ, за этимъ послѣдовало наводненіе, которое послѣ трехъ-мѣсячныхъ дождей разрушило въ провинціяхъ Пинь-чу и Лэнг-чу семь городовъ. Въ 1344 г. землетрясеніе испытала провинція Вень-чу, а въ 1345 г. Кигу. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года сильныя землетрясенія чувствовались въ Кантонѣ и всѣ эти необыкновенныя явленія смѣнялись или чередовались голодомъ. Только послѣ 1347 г. въ Китаѣ, природа, какъ бы, успокоилась. Въ то же время въ Европѣ 1342 г. отличался сильными наводненіями, которыя нельзя было объяснить дождями, такъ какъ даже на вершинахъ горъ появились обильные ручьи и мѣстности, до сихъ поръ совершенно сухія, покрывались водой. Въ то же время Египетъ и Сирія страдали отъ сильныхъ землетрясеній. Такія возмущенія въ Европѣ сдѣлались еще болѣе частыми, начиная отъ 1348 г., въ которомъ сильное землетрясеніе поколебало островъ Кипръ. Это землетрясеніе предшествовалось вѣтромъ чрезвычайно зловоннаго запаха, отъ котораго умирали люди и сопровождалось ураганомъ, уничтожившимъ на островѣ все, что успѣло уцѣлѣть отъ предшествующихъ бѣдствій. Такое же сильное землетрясеніе разразилось въ Греціи, Италіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Едва ли не замѣчательнѣе упомянутыхъ явленій—зловонный туманъ, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки и который распространился, будто-бы, по Европѣ съ Востока.[1]) Если въ Китаѣ вышеупомянутыя необыкновенныя явленія сопровождались частымъ голодомъ, то въ Европѣ о немъ въ это время мы не встрѣчаемъ упоминаній.

При такихъ обстоятельствахъ въ Азіи зародилась эпидемія, вскорѣ опустошившая весь восточный материкъ. Историки этой эпидеміи не согласны въ томъ, гдѣ собственно въ первый разъ проявилась зараза: одни считаютъ ея очагомъ Индію, другіе Китай.[2]) Въ послѣдней странѣ жертвой болѣзни сдѣлалось 13 милл. людей. Какую бы страну мы не приняли за мѣста перваго проявленія чумы—несомненно то, что

---

[1]) О всѣхъ упомянутыхъ явленіяхъ см. Hecker, die gr. Volksks des Mittelalt, *стр. 34—40*; Schnurrer *стр. 314* и сл.; v. Hoff, Gesch. d. Veränd. d. Erdoberfl. т. II, *стр. 264* и сл. и Häser Lehrb. d. Geschich. d. Medicin, т. II *стр. 105* и сл.

[2]) Индію—родиной чумы считаетъ Fracastaro, Китай же Deguignes. См. Deguignes Histoire des Huns., 1758. IV, *стр. 223* и сл.

она скоро распространилась по всей Азіи, вѣроятно, слѣдуя здѣсь по караваннымъ путямъ.[1])

Относительно дальнѣйшаго пути распространенія эпидеміи изъ Азіи въ Европу, изслѣдователи не согласны между собою. Здѣсь намѣчается три главныхъ направленія: 1) Изъ Китая черезъ Бухару, Кипчакъ, Каффу (въ Крыму) въ Константинополь. 2) Черезъ Гератъ, Арменію, Малую Азію въ Константинополь. 3) Черезъ Багдадъ, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку въ Константинополь[2]). Всѣ три пути сходятся въ Константинополѣ и дѣйствительно здѣсь, а также въ Марсели, на островѣ Сициліи и Кипрѣ мы встрѣчаемъ заразу уже въ 1347 г. Отсюда, въ томъ же году, она распространилась по всѣмъ прибрежнымъ торговымъ городамъ Средиземнаго моря, и въ Январѣ 1348 г., мы встрѣчаемъ эпидемію въ Авиньонѣ и въ другихъ городахъ Сѣверной Италіи и Южной Франціи. Въ 1348 г. болѣзнь распространилась по Франціи и Германіи, въ Августѣ она появилась въ Англіи, а въ Ноябрѣ 1349 г. въ Швеціи. Въ Польшѣ эпидемія распространилась также въ 1349 г., вѣроятно, изъ Германіи.

Таковъ былъ путь болѣзни внѣ Россіи; прежде чѣмъ, однако, мы обратимся къ послѣдней, посмотримъ какими отличительными чертами характеризовалась болѣзнь Европейскими наблюдателями. Въ Германіи называли болѣзнь: „der schwarze Tod; въ Италіи—„La Mortalega grande"; во Франціи—„peste noire". Болѣзнь не всѣми наблюдателями описывается одинаково. Въ Византіи она проявлялась большими бубонами, наполненными пахучею матеріей, которые сопровождались тяжелыми явленіями со стороны нервной системы, (сонливость, бредъ, параличь языка). Языкъ и гортань у больныхъ дѣлались черными, тѣло у нѣкоторыхъ покрывалось петэхіями и больные умирали въ страшныхъ страданіяхъ, мучимые постоянной жаждой. Къ такимъ явленіямъ общимъ и обыкновенной чумѣ присоединялось пораженіе дыхательныхъ органовъ: у больныхъ болѣла грудь, они харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло зловонный запахъ. Во Франціи, въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ господства болѣзни, бубоны отсутствовали и больные умирали въ первые три дня, съ явленіями страданія только дыхательныхъ органовъ и нервной системы. Въ Италіи же болѣзнь

---

[1]) Впрочемъ постепенное распространеніе чумы, при посредствѣ переноса, принимается не всѣми историками медицины, такъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ Hecker—допускаетъ аутохтонное зарожденіе болѣзни въ разныхъ странахъ.

[2]) См. Dr. Carl Martin. Versuch einer geograph. Darstellung einiger Pestepidemien, въ Petermann's Mittheilungen 1879, т. XXV, № 7, *стр. 260*; также и Hecker, *стр. 43.*

[3]) Въ послѣдней наиболѣе сильно чума дѣйствовала лишь въ слѣдующемъ 1349 году.

проявлялась сначала „большими нарывами", въ пахахъ и подъ мышкой. Во всѣхъ странахъ вообще, по отношенію къ способности зараженія, не существовало различій, ни въ полѣ, ни въ возрастѣ. Смертность заболѣвшихъ и число заболѣваній было громадно. Мы говорили уже, что въ одномъ Китаѣ погибло, будто-бы, 12 милл. За исключеніемъ этой страны, во всей Азіи, какъ доносили папѣ, число жертвъ равнялось 23,840,000 ч. Эти цифры могутъ показаться невѣрными, если въ подтвержденіе ихъ мы не имѣли бы точныхъ данныхъ о смертности въ Западной Европѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ наиболѣе точныхъ цифръ, такъ во Флоренціи черною смертью умерло: 60,000 ч., въ Венеціи—100,000 ч., въ Парижѣ—50,000 ч., въ Авиньонѣ—тогдашнемъ мѣстопребываніи папъ 60,000 ч., въ Лондонѣ 100,000 ч.; однихъ францисканскихъ монаховъ—124,434 ч., изъ числа 60,000 миноритовъ—30,000; вообще можно, безъ преувеличеній, принять, что Европа потеряла $^1/_4$ часть своего населенія, или около 25 милліоновъ.[1]) Эпидемія обыкновенно продолжалась въ теченіи полугода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ напр. въ Англіи, сопровождалась падежемъ скота. Замѣчательно также, что до появленія болѣзни птицы улетали изъ мѣстъ, которымъ въ скоромъ времени приходилось испытывать заразу.

Мы въ краткихъ чертахъ обрисовали ужасную болѣзнь и ея распространеніе въ Азіи и Европѣ, теперь послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ обратиться къ Россіи и познакомиться съ ходомъ развитія черной смерти въ нашей странѣ.[2])

Какъ мы уже видѣли азіатскія и европейскія хроники полны указаніями на необыкновенныя физическія явленія, на возмущенія природы, которыя предшествовали заразѣ. Въ этомъ отношеніи русскія лѣтописи менѣе богаты такими указаніями. Въ 1328 году мы встрѣчаемъ землетрясеніе въ Новгородѣ,[3]) слѣдующій за тѣмъ годъ отличается засухами,[4]) а 1331 появленіемъ кометы.[5]) Въ 1336, 1338, 1346 г.г.

---

[1]) См. Hecker. *стр. 46, 47* и *55*; Schnurrer, *стр. 327*.

[2]) Если, выше, общій ходъ болѣзни въ Азіи и въ Европѣ, былъ обрисованъ въ общихъ чертахъ, то нельзя того же сказать объ описаніи симптомовъ болѣзни, мы привели всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у западно-европейскихъ писателей—врачей, историковъ и литераторовъ, и если эти описанія кратки и не вполнѣ удовлетворительны съ медицинской точки зрѣнія—то это вина источниковъ и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи, какъ увидимъ ниже, отличаются большими подробностями.

[3]) См. Тверск. лѣт. 417 и Ник. *стр. 140*. Землетрясеніе 1328 г. второе, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы; распространеніе ихъ въ такихъ областяхъ, которыя считаются гарантированными отъ нихъ—фактъ знаменательный и на него будетъ обращено вниманіе въ другой работѣ.

[4]) См. Ник. л. *стр. 155*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 75*; Новгр. III л. *стр. 225*. Новгр. IV, *стр. 52*; Воскр. л. *стр. 203*. и Соф. л. *стр. 219*.

были сильныя наводненія,[1]) а въ 1350 г. страшная южная буря.[2]) Голода—передъ эпидеміей мы не встрѣчаемъ въ Россіи. Только 1332 г. отличался неурожаемъ,[3]) обиліемъ же хлѣба 1341.[4]) Такимъ образомъ въ нашей странѣ не было такихъ грозныхъ предвѣстниковъ наступавшаго бѣдствія, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, хотя слухъ о заразѣ распространился по Россіи довольно рано. Къ сожалѣнію первый слухъ объ эпидеміи, въ различныхъ лѣтописяхъ, мы встрѣчаемъ не подъ однимъ годомъ и это различіе не можетъ быть объяснено разностью въ скорости распространенія извѣстія въ различныхъ областяхъ. Такъ въ Никоновской или патріаршей лѣтописи первое извѣстіе о черной смерти на Востокѣ и въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ 1345 году[5]). Эта лѣтопись, какъ извѣстно, сборникъ, составленный на основаніи болѣе старыхъ хроникъ и ошибка здѣсь очевидна безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Гораздо труднѣе примирить между собою данныя Новгородской IV, Псковской I и Воскресенской лѣтописи. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ ней дважды говорится о первомъ слухѣ о чумѣ, одинъ въ 1346 г., а другой въ 1350 г.,[6]) Воскресенская лѣтопись о морѣ на Востокѣ говоритъ въ 1346 году,[7]) а Псковская въ 1348 г.[8]) Послѣдній годъ имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, доказываемую и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ болѣзни въ Европѣ. Если Псковская лѣтопись вѣрнѣе другихъ обозначаетъ годъ, въ который Россія узнала о чумѣ, то Воскресенская дѣлаетъ самое подробное и точное описаніе мѣстъ, бывшихъ первою жертвою эпидеміи: „Того же лѣта, говорится здѣсь, казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь (при устьѣ Дона)[9]) и на Хазторокань, и на Сарай и на Бездежъ (на рукавѣ Волги, ниже Енотаевки), и на прочіи грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены (Хивинцы) и на Татары и на Ормены (Армяне), и на Обезы (Абазинцы), и на Жиды и на Фрязы (Генуэзцы и Венеціане въ колоніяхъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ) и на Черкасы, и на всѣхъ

---

[1]) См. Новгр. II *стр. 131*; Ник. *стр. 165* и *186*; Новгр. I *стр. 78*; Новгр. IV *стр. 53*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 59*; Ник. *стр. 191*.

[3]) См. Троиц. л., *230*; Соф. л., *220*; Твер. л., *стр. 418*.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 81*.

[5]) См. Ник. л., *стр. 183*.

[6]) См. Новгр. IV, *стр. 57* и *60*.

[7]) См. Воскр. лѣт., *стр. 210*.

[8]) См. Псковск. I л., *стр. 90*.

[9]) Такое опредѣленіе этого города даетъ Карамзинъ (см. примѣч. къ ист. Госуд. Рос. т. IV *стр. 238*, пр. 351) послѣдующія опредѣленія географическихъ терминовъ, встрѣчаемыхъ въ приводимомъ извѣстіи взяты оттуда-же.

печать смерти и печали на весь старый свѣтъ. Такъ мы встрѣчаемся съ эпидеміями въ 1265 г. „тогда же моръ бяше на людяхъ“,[1]) и въ 1278 г. „того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугами“.[2]) Отсутствіе голода и здѣсь заставляетъ предполагать какую-нибудь инфекціонную болѣзнь, причемъ первая изъ нихъ предшествовалась и сопровождалась появленіемъ кометъ.[3]) Западная Европа, въ это время была свободною отъ эпидеміи—если не принимать въ разсчетъ психопатію гейслерства, въ первый разъ упоминаемаго въ 1260 г.[4]) Эта странная, и безъ сомнѣнія эпидемическая болѣзнь, не коснулась Россіи, которая опередила своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей въ другомъ отношеніи. Невѣжество и варварство Среднихъ вѣковъ ярко иллюстрируется гоненіями на Евреевъ; это несчастное племя во всѣхъ странахъ Европы, подвергалось самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, будучи обвиняемо въ отравленіи христіанъ; ему приписывали происхожденіе эпидемій и не замѣчая, что Евреи на равнѣ съ христіанами дѣлаются ихъ жертвою; ихъ жгли, вѣшали, убивали въ ужасныхъ пыткахъ. Такія гоненія въ Германіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ начались въ концѣ XIII ст., послѣ 1296 г.[5]) Россія, въ этомъ случаѣ, не дѣлала заимствованій съ Запада, она сама пришла къ подобнымъ-же заключеніямъ и дѣйствіямъ, только обвиняемыми, мнимыми производителями заразъ здѣсь были не Евреи, а татары. „Многа же зла тогда сотвориша Татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: иземце бо сердце человѣческое мочаху во яду аспидномъ и полагахъ въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяще, абіе умираше, и отъ сею великій моръ бысть по всей Русской землѣ“.[6]) Это свидѣтельство относится къ 1286 г., слѣдовательно мысль объ отравленіи колодцевъ, игравшая такую значительную роль въ слѣдующемъ столѣтіи, явилась въ Россіи вполнѣ самостоятельно и на цѣлые десять лѣтъ раньше ея возникновенія на Западѣ. Моръ, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, былъ очевидно занесенъ къ намъ татарами и русскими воинами, которые въ 1286 г., вмѣстѣ совершили опустошительный набѣгъ на Польшу. Въ этой же странѣ повальная болѣзнь можетъ быть распространилась изъ Франціи и Богеміи, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ 1282 и 1283 году. Стоитъ упоминанья и тотъ фактъ, что одновременно съ господ-

---

[1]) См. Псковск. I лѣт. *стр. 181*,
[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 67*.
[3]) Комета являлась въ 1265 г. и въ 1264. См. приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 343* и *344*, Ипать. лѣт. *стр. 202*.
[4]) См. Schnurrer, *стр. 291*.
[5]) См. Schnurrer. *стр. 302* и сл.
[6]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 347*.

ствомъ заразы у насъ, въ Западной Европѣ, въ 1286 г., наблюдали рѣдкое явленіе: моръ птицъ, послѣ котораго сдѣлались чрезвычайно рѣдкими даже вороны и сороки.[1]) Послѣдняя эпидемія у насъ не предшествовалась никакими особыми физическими явленіями, хотя сильныя наводненія были въ Австріи. 1286 годъ, послѣдній въ XIII ст., въ которомъ упоминается о морѣ; съ нимъ мы опять встрѣчаемся лишь въ началѣ XIV вѣка.

Въ 1302 году, по извѣстіямъ Новгородскихъ лѣтописей въ Россіи, господствовалъ моръ людей и коней, сопровождаемый голодомъ. Вслѣдствіе существованія этихъ двухъ явленій, можно было бы принять, что большая смертность, упоминаемая въ источникахъ, была причинена неурожаемъ, но такое предположеніе не оправдывается точнымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. „Того же лѣта, говоритъ онъ, бысть моръ на люди и на кони, и на всякій скотъ, а жито всякое мышь поѣла; и того ради дороговь бысть велика и гладъ великъ бысть по всей земли Русской".[2]) Здѣсь ясно отдѣляются два рода явленій и между тѣмъ какъ для одного изъ нихъ указывается естественная причина: мыши, происхожденіе другого объясняется, какъ обыкновенно, гнѣвомъ Бога.[3]) Вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, находилась ли эпидемія 1308 г. въ связи съ оспенными эпидеміями, распространившимися въ Европѣ съ 1310 г., или же она должна быть поставлена въ одну группу съ неизвѣстными повальными болѣзнями, господствовавшими въ этой части свѣта около 1313 года.[4]) Мы не можемъ также ближе опредѣлить болѣзни, упоминаемыя въ 1318 и 1321 г. Первая изъ нихъ разразилась въ Твери: „Тое же зимы бысть моръ въ Твери на люди,"[5]) вторая же сопровождалась падежомъ лошадей: „Того же лѣта моръ бысть на люди и на кони."[6]) Періодъ времени отъ 1317 до 1321 г. въ лѣтописяхъ не отмѣченъ никакими необыкновенными физическими явленіями; въ эти годы мы не встрѣчаемся также ни съ голодомъ, ни съ какими либо повальными болѣзнями въ Западной Европѣ. Послѣ послѣдней эпидеміи, въ продолженіи двадцати лѣтъ Россія пользовалась, повидимому, полнымъ отдыхомъ и только въ 1341 г. мы снова встрѣчаемъ сильную эпидемію въ Псковѣ и Изборскѣ. Послѣ осады послѣдняго города Ливонскими рыцарями въ немъ и въ Псковѣ „грѣхъ ради нашихъ, бяше моръ золъ на людехъ во Псковѣ и въ Избор-

---

[1]) См. Schnurrer, *стр. 297* и *299*.
[2]) См. Воскр. л. *стр. 185*; Новгр. III л. *стр. 223*; Новгр. IV, *стр. 47*; Никон. л. *стр. 202*.
[3]) См. Новгр. III л. *стр. 223*; „Того же лѣта бысть казнь отъ Бога".
[4]) См. Schnurrer, *стр. 309* и *310*.
[5]) См. Ник. лѣт., *стр. 115*.
[6]) См. Троицк. лѣт. *стр. 229*; Новгр. II лѣт. *стр.* 131; и Новгр. IV *стр. 49*.

скѣ: мряху бо старыя и молодые люди, и черньци и черчницы, мужи и жены и малыя дѣтки, не бы бо ихъ гдѣ погребати, все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; и гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или жены, и ту съ нимъ положать малыхъ дѣтокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ"![1]) Судя по этому описанію число умершихъ дѣтей въ семь или даже въ восемь разъ превосходило число взрослыхъ. Эпидемія сопровождалась падежемъ скота, между тѣмъ какъ урожаи этого года были обильные: „Семъ же лѣтѣ хлѣбъ бысть дешевъ, а скотъ рогатый помре".[2])

---

[1]) См. Псковск. I л. *стр. 188* и *189*, Псковск. II л. *стр. 13*.

[2]) См. Новгр. I л. *стр. 81*.

ГЛАВА II-я.

Чисто мѣстная повальная болѣзнь въ Псковѣ была послѣдней до начала наиболѣе страшной эпидеміи, какую только знаетъ исторія человѣчества, черной смерти. Эта чума XIV в. и по силѣ и по распространенію не можетъ быть сравниваема ни съ однимъ обще-народнымъ бѣдствіемъ. Значеніе ея для исторіи культуры измѣряется и тѣмъ страхомъ, который былъ ею вызванъ въ умахъ современниковъ и тѣмъ интересомъ, съ которымъ вопросъ о черной смерти былъ разработанъ и въ медицинской и въ обще-исторической литературѣ. Если, между тѣмъ, исторія этой заразы подробно разработана для Западной Европы и даже Азіи, то нельзя сказать, чтобы тоже было сдѣлано и по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ насъ немного дольше остановиться на разсматриваемомъ вопросѣ.

Еще съ 1330 г. въ природѣ начались явленія, которыя, какъ бы, предсказывали наступавшую грозу. Хроники этого времени полны разсказами о различныхъ переворотахъ, совершавшихся въ различныхъ областяхъ земнаго шара. 1331 г. отличался дождями во всей Западной и Южной Европѣ. На островѣ Кипрѣ дождь шелъ въ продолженіи двадцати сутокъ, здѣсь отъ наводненія погибло около 8000 ч., въ Италіи же 1000, слѣдующая затѣмъ зима отличалась такою высокою температурою, что даже въ Богеміи поселяне были принуждены начать вспахивать поля. Въ Ирландіи въ тоже время господствовалъ неурожай, хотя рыба была, въ невиданномъ до сихъ поръ, изобиліи. Въ Китаѣ въ тоже время сильныя засухи причинили ужасный голодъ. Эти засухи смѣнились здѣсь такими дождями, что отъ наводненій погибло будто-бы 400,000 человѣкъ. Такія наводненія продолжались и въ слѣдующемъ году около Кантона, между тѣмъ какъ въ провинціи Тхэ, послѣ сильной засухи, распространилась зараза, стоившая жизни 5 милл. людей.[1]) Вскорѣ послѣ этого въ окрестностяхъ столицы Китая произошло землетрясеніе, сопровождавшееся обваломъ возвышенностей Ки-минг-шинъ, на мѣстѣ которыхъ образовалось громадное озеро. Въ то же время въ провинціяхъ Ху-Куанѣ и Хонанъ продолжалась засуха, появились несмѣтныя тучи саранчи, голодъ и моръ. Въ Европѣ въ 1333 г. произошли извер-

[1]) Это число также какъ и всѣ послѣдующія числовыя данныя, понятно, не имѣютъ полной достовѣрности.

женіе Этны. Въ 1337 г. въ провинціи Ксангъ мы встрѣчаемся съ 6-ти дневнымъ землетрясеніемъ, саранчей, наводненіями и голодомъ отъ котораго погибло 4 милл. людей. Въ томъ же и еще болѣе въ слѣдующемъ году саранча появляется во Франціи. Въ 1338 г. столица Китая испытала 10-ти дневное землетрясеніе и съ этого года вплоть до 1342 здѣсь послѣдовательно смѣнялись землетрясенія, наводненія, засухи и голодъ. Въ 1343 г. провалилась гора Хоні-Тшангъ, за этимъ послѣдовало наводненіе, которое послѣ трехъ-мѣсячныхъ дождей разрушило въ провинціяхъ Пиньчу и Лэнг-чу семь городовъ. Въ 1344 г. землетрясеніе испытала провинція Веньчу, а въ 1345 г. Кигу. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года сильныя землетрясенія чувствовались въ Кантонѣ и всѣ эти необыкновенныя явленія смѣнялись или чередовались голодомъ. Только послѣ 1347 г. въ Китаѣ, природа, какъ бы, успокоилась. Въ то же время въ Европѣ 1342 г. отличался сильными наводненіями, которыя нельзя было объяснить дождями, такъ какъ даже на вершинахъ горъ появились обильные ручьи и мѣстности, до сихъ поръ совершенно сухія, покрывались водой. Въ то же время Египетъ и Сирія страдали отъ сильныхъ землетрясеній. Такія возмущенія въ Европѣ сдѣлались еще болѣе частыми, начиная отъ 1348 г., въ которомъ сильное землетрясеніе поколебало островъ Кипръ. Это землетрясеніе предшествовалось вѣтромъ чрезвычайно зловоннаго запаха, отъ котораго умирали люди и сопровождалось ураганомъ, уничтожившимъ на островѣ все, что успѣло уцѣлѣть отъ предшествующихъ бѣдствій. Такое же сильное землетрясеніе разразилось въ Греціи, Италіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Едва ли не замѣчательнѣе упомянутыхъ явленій—зловонный туманъ, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки и который распространился, будто-бы, по Европѣ съ Востока.[1]) Если въ Китаѣ вышеупомянутыя необыкновенныя явленія сопровождались частымъ голодомъ, то въ Европѣ о немъ въ это время мы не встрѣчаемъ упоминаній.

При такихъ обстоятельствахъ въ Азіи зародилась эпидемія, вскорѣ опустошившая весь восточный материкъ. Историки этой эпидеміи не согласны въ томъ, гдѣ собственно въ первый разъ проявилась зараза: одни считаютъ ея очагомъ Индію, другіе Китай.[2]) Въ послѣдней странѣ жертвой болѣзни сдѣлалось 13 милл. людей. Какую бы страну мы не приняли за мѣста перваго проявленія чумы—несомненно то, что

---

[1]) О всѣхъ упомянутыхъ явленіяхъ см. Hecker, die gr. Volksks des Mittelalt, *стр. 34—40*; Schnurrer *стр. 314* и сл.; v. Hoff, Gesch. d. Veränd. d. Erdoberfl. т. II, *стр. 264* и сл. и Häser Lehrb. d. Geschich. d. Medicin, т. II *стр. 105* и сл.

[2]) Индію—родиной чумы считаетъ Fracastaro, Китай же Deguignes. См. Deguignes Histoire des Huns., 1758. IV, *стр. 223* и сл.

она скоро распространилась по всей Азіи, вѣроятно, слѣдуя здѣсь по караваннымъ путямъ.[1])

Относительно дальнѣйшаго пути распространенія эпидеміи изъ Азіи въ Европу, изслѣдователи не согласны между собою. Здѣсь намѣчается три главныхъ направленія: 1) Изъ Китая черезъ Бухару, Кипчакъ, Каффу (въ Крыму) въ Константинополь. 2) Черезъ Гератъ, Арменію, Малую Азію въ Константинополь. 3) Черезъ Багдадъ, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку въ Константинополь[2]). Всѣ три пути сходятся въ Константинополѣ и дѣйствительно здѣсь, а также въ Марсели, на островѣ Сициліи и Кипрѣ мы встрѣчаемъ заразу уже въ 1347 г. Отсюда, въ томъ же году, она распространилась по всѣмъ прибрежнымъ торговымъ городамъ Средиземнаго моря, и въ Январѣ 1348 г., мы встрѣчаемъ эпидемію въ Авиньонѣ и въ другихъ городахъ Сѣверной Италіи и Южной Франціи. Въ 1348 г. болѣзнь распространилась по Франціи и Германіи, въ Августѣ она появилась въ Англіи, а въ Ноябрѣ 1349 г. въ Швеціи. Въ Польшѣ эпидемія распространилась также въ 1349 г., вѣроятно, изъ Германіи.

Таковъ былъ путь болѣзни внѣ Россіи; прежде чѣмъ, однако, мы обратимся къ послѣдней, посмотримъ какими отличительными чертами характеризовалась болѣзнь Европейскими наблюдателями. Въ Германіи называли болѣзнь: „der schwarze Tod; въ Италіи—„La Mortalega grande"; во Франціи—„peste noire". Болѣзнь не всѣми наблюдателями описывается одинаково. Въ Византіи она проявлялась большими бубонами, наполненными пахучею матеріей, которые сопровождались тяжелыми явленіями со стороны нервной системы, (сонливость, бредъ, параличъ языка). Языкъ и гортань у больныхъ дѣлались черными, тѣло у нѣкоторыхъ покрывалось петэхіями и больные умирали въ страшныхъ страданіяхъ, мучимые постоянной жаждой. Къ такимъ явленіямъ общимъ и обыкновенной чумѣ присоединялось пораженіе дыхательныхъ органовъ: у больныхъ болѣла грудь, они харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло зловонный запахъ. Во Франціи, въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ господства болѣзни, бубоны отсутствовали и больные умирали въ первые три дня, съ явленіями страданія только дыхательныхъ органовъ и нервной системы. Въ Италіи же болѣзнь

---

[1]) Впрочемъ постепенное распространеніе чумы, при посредствѣ переноса, принимается не всѣми историками медицины, такъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ Hecker—допускаетъ аутохтонное зарожденіе болѣзни въ разныхъ странахъ.

[2]) См. Dr. Carl Martin. Versuch einer geograph. Darstellung einiger Pestepidemien, въ Petermann's Mittheilungen 1879, т. XXV, № 7, *стр. 260*; также и Hecker, *стр. 43*.

[3]) Въ послѣдней наиболѣе сильно чума дѣйствовала лишь въ слѣдующемъ 1349 году.

проявлялась сначала „большими нарывами", въ пахахъ и подъ мышкой. Во всѣхъ странахъ вообще, по отношенію къ способности зараженія, не существовало различій, ни въ полѣ, ни въ возрастѣ. Смертность заболѣвшихъ и число заболѣваній было громадно. Мы говорили уже, что въ одномъ Китаѣ погибло, будто-бы, 12 милл. За исключеніемъ этой страны, во всей Азіи, какъ доносили папѣ, число жертвъ равнялось 23,840,000 ч. Эти цифры могутъ показаться невѣрными, если въ подтвержденіе ихъ мы не имѣли бы точныхъ данныхъ о смертности въ Западной Европѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ наиболѣе точныхъ цифръ, такъ во Флоренціи черною смертью умерло: 60,000 ч., въ Венеціи—100,000 ч., въ Парижѣ—50,000 ч., въ Авиньонѣ—тогдашнемъ мѣстопребываніи папъ 60,000 ч., въ Лондонѣ 100,000 ч.; однихъ францисканскихъ монаховъ—124,434 ч., изъ числа 60,000 минноритовъ—30,000; вообще можно, безъ преувеличеній, принять, что Европа потеряла $^1/_4$ часть своего населенія, или около 25 милліоновъ.[1]) Эпидемія обыкновенно продолжалась въ теченіи полугода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ напр. въ Англіи, сопровождалась падежемъ скота. Замѣчательно также, что до появленія болѣзни птицы улетали изъ мѣстъ, которымъ въ скоромъ времени приходилось испытывать заразу.

Мы въ краткихъ чертахъ обрисовали ужасную болѣзнь и ея распространеніе въ Азіи и Европѣ, теперь послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ обратиться къ Россіи и познакомиться съ ходомъ развитія черной смерти въ нашей странѣ.[2])

Какъ мы уже видѣли азіатскія и европейскія хроники полны указаніями на необыкновенныя физическія явленія, на возмущенія природы, которыя предшествовали заразѣ. Въ этомъ отношеніи русскія лѣтописи менѣе богаты такими указаніями. Въ 1328 году мы встрѣчаемъ землетрясеніе въ Новгородѣ,[3]) слѣдующій за тѣмъ годъ отличается засухами,[4]) а 1331 появленіемъ кометы.[5]) Въ 1336, 1338, 1346 г.г.

---

[1]) См. Hecker. *стр. 46, 47 и 55*; Schnurrer, *стр. 327*.

[2]) Если, выше, общій ходъ болѣзни въ Азіи и въ Европѣ, былъ обрисованъ въ общихъ чертахъ, то нельзя того же сказать объ описаніи симптомовъ болѣзни, мы привели всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у западно-европейскихъ писателей—врачей, историковъ и литераторовъ, и если эти описанія кратки и не вполнѣ удовлетворительны съ медицинской точки зрѣнія—то это вина источниковъ и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи, какъ увидимъ ниже, отличаются большими подробностями.

[3]) См. Тверск. лѣт. 417 и Ник. *стр. 140*. Землетрясеніе 1328 г. второе, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы; распространеніе ихъ въ такихъ областяхъ, которыя считаются гарантированными отъ нихъ—фактъ знаменательный и на него будетъ обращено вниманіе въ другой работѣ.

[4]) См. Ник. л. *стр. 155*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 75*; Новгр. III л. *стр. 225*. Новгр. IV, *стр. 52*; Воскр. л. *стр. 203*. и Соф. л. *стр. 219*.

были сильныя наводненія,[1]) а въ 1350 г. страшная южная буря.[2]) Голода—передъ эпидеміей мы не встрѣчаемъ въ Россіи. Только 1332 г. отличался неурожаемъ,[3]) обиліемъ же хлѣба 1341.[4]) Такимъ образомъ въ нашей странѣ не было такихъ грозныхъ предвѣстниковъ наступавшаго бѣдствія, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, хотя слухъ о заразѣ распространился по Россіи довольно рано. Къ сожалѣнію первый слухъ объ эпидеміи, въ различныхъ лѣтописяхъ, мы встрѣчаемъ не подъ однимъ годомъ и это различіе не можетъ быть объяснено разностью въ скорости распространенія извѣстія въ различныхъ областяхъ. Такъ въ Никоновской или патріаршей лѣтописи первое извѣстіе о черной смерти на Востокѣ и въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ 1345 году[5]). Эта лѣтопись, какъ извѣстно, сборникъ, составленный на основаніи болѣе старыхъ хроникъ и ошибка здѣсь очевидна безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Гораздо труднѣе примирить между собою данныя Новгородской IV, Псковской I и Воскресенской лѣтописи. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ ней дважды говорится о первомъ слухѣ о чумѣ, одинъ въ 1346 г., а другой въ 1350 г.,[6]) Воскресенская лѣтопись о морѣ на Востокѣ говоритъ въ 1346 году,[7]) а Псковская въ 1348 г.[8]) Послѣдній годъ имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, доказываемую и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ болѣзни въ Европѣ. Если Псковская лѣтопись вѣрнѣе другихъ обозначаетъ годъ, въ который Россія узнала о чумѣ, то Воскресенская дѣлаетъ самое подробное и точное описаніе мѣстъ, бывшихъ первою жертвою эпидеміи: „Того же лѣта, говорится здѣсь, казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь (при устьѣ Дона)[9]) и на Хазторокань, и на Сарай и на Бездежъ (на рукавѣ Волги, ниже Енотаевки), и на прочіи грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены (Хивинцы) и на Татары и на Ормены (Армяне), и на Обезы (Абазинцы), и на Жиды и на Фрязы (Генуэзцы и Венеціане въ колоніяхъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ) и на Чернасы, и на всѣхъ

---

[1]) См. Новгр. II *стр. 131*; Ник. *стр. 165* и *186*; Новгр. I *стр. 78*; Новгр. IV *стр. 53*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 59*; Ник. *стр. 191*.

[3]) См. Троиц. л., *230*; Соф. л, *220*; Твер. л., *стр. 418*.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 81*.

[5]) См. Ник. л., *стр. 183*.

[6]) См. Новгр. IV, *стр. 57* и *60*.

[7]) См. Воскр. лѣт., *стр. 210*.

[8]) См. Псковск. I л., *стр. 90*.

[9]) Такое опредѣленіе этого города даетъ Карамзинъ (см. примѣч. къ ист. Госуд. Рос. т. IV *стр. 238*, пр. 351) послѣдующія опредѣленія географическихъ терминовъ, встрѣчаемыхъ въ приводимомъ извѣстіи взяты оттуда-же.

тамо живущихъ, яко не бы кому ихъ погребати.[1]) Это извѣстіе нашей лѣтописи о томъ, что черная смерть свирѣпствовала по Сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей вполнѣ согласуются съ данными Западно-европейскихъ историковъ, также какъ съ этими данными согласуется и годъ появленія болѣзни: 1346. Зато здѣсь является другое затрудненіе, не объясненное и даже въ большинствѣ случаевъ незамѣченное изслѣдователями, разработывавшими этотъ вопросъ. Richter, а за нимъ Hecker принимаютъ, что въ Россіи черная смерть появилась въ 1351 г.[2]), Martin—въ 1350 г.[3]); Карамзинъ же и Соловьевъ принимаютъ 1352 г. за начало эпидеміи.[4]) Всѣ эти данныя, кромѣ 1350 г., подтверждаются и лѣтописными свидѣтельствами. Въ Псковской II лѣт., и въ Никоновской—болѣзнь упоминается въ 1351 г., въ Псковской же I лѣт., Новгородской I и IV въ 1352 г.[5]) Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ начало черной смерти въ Россіи нельзя принимать ранѣе 1351 г., но какимъ образомъ согласить тогда этотъ фактъ съ тѣмъ, что въ Польшѣ и Швеціи зараза господствовала уже въ 1349 г., какъ разъ въ то время, когда сношенія съ этими странами Пскова и Новгорода отличались особенною оживленностью. Неужели для эпидеміи требовался цѣлый годъ, чтобы переступить нашу западную границу, когда она почти постоянно переступалась и войсками и мирными посольствами? Если трудно объяснить это явленіе, то еще болѣе трудно понять, какимъ образомъ только спустя пять лѣтъ послѣ появленія черной смерти въ Золотой Ордѣ и на берегахъ Чернаго моря, она явилась въ Россію съ Запада. Если бы Крымъ и устье Волги совершенно не посѣщалось Русскими—то упомянутую странность можно бы было еще объяснить;—но въ дѣйствительности этого небыло: они должны были посѣщать ханскія ставки—не только для торговли, но и какъ зависимые отъ татаръ. Такое противорѣчіе можетъ быть объяснено или тѣмъ, что черная смерть была не контагіозна, что и противорѣчило бы всѣмъ научнымъ даннымъ, или предположеніемъ, что хронологія лѣтописей не точна въ этомъ случаѣ. Быть можетъ рѣшеніе этого вопроса зависитъ и отъ того краткаго извѣстія, которое сообщаетъ намъ Никоновская лѣтопись подъ 1348 г. „Того же лѣта, читаемъ мы въ ней, моръ бысть на люди въ Полотцкѣ“.[6]) Къ сожалѣнію это извѣстіе слишкомъ кратко для того, чтобы строить на немъ какое-либо предположеніе.[7])

---

[1]) См. Воскр. л., *стр. 210*; Ник. л., *стр. 183* и Новгр. VI л., *стр. 57*.

[2]) См. Richter, *стр. 205*; Hecker, *стр. 44*.

[3]) См. Martin, *стр. 260*.

[4]) См. Карамзинъ, ист. т. IV, *стр. 278*; Соловьевъ ист. т. 3, *стр. 312*.

[5]) См. Псков. II, *стр. 14*; Ник. *стр. 196*; Новгр. I *стр. 85*; Новгр. IV *стр. 60*; и Пск. I *стр. 190*.

[6]) См. Ник. *стр. 192*.

[7]) Въ виду приведенныхъ фактовъ, путь чумы черезъ Сѣверныя берега Каспійскаго и Чернаго моря въ зап. Европу и оттуда уже въ Россію подлежитъ сомнѣнію и болѣе вѣроятнымъ кажется путь изъ Малой Азіи и Константинополя на Западъ; Richter затронутый вопросъ также не рѣшаетъ.

Не будучи въ состояніи рѣшить предположенный вопросъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ объ исторіи XIV вѣка, послѣдуемъ за нашими источниками въ описаніи распространенія и господства черной смерти въ Россіи. Самыя подробныя извѣстія о заразѣ мы встрѣчаемъ въ Новгородской IV-й лѣтописи, причемъ эти извѣстія вполнѣ согласуются съ данными Новгородской I-й, Псковской и Никоновской лѣтописи.

Эпидемія прежде другихъ областей появилась въ Псковѣ, съ чѣмъ вполнѣ согласуются торговыя сношенія этого города съ Польшей, Прибалтійскими областями и Западной Европой. „Того же лѣта бысть моръ золъ въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи инози; мроша бо люди, мужи и жены, старыи и младыи, и дѣти, и попове, и черници и черници“[1]). Псковитяне, испуганные неслыханнымъ бѣдствіемъ, обратились съ просьбой о благословленіи къ Новгородскому Владыкѣ Василію. Престарѣлый архіепископъ отправился въ Псковъ, но на возвратномъ пути умеръ отъ заразы на рѣкѣ Узѣ, 3-го Іюля.[2]) Въ то время мысль о предосторожностяхъ противъ распространенія эпидеміи не зародилась еще въ умахъ современниковъ, что и показываетъ тотъ фактъ, что Новгородцы умершаго Василія, съ почестями, привезли въ свой городъ и схоронили здѣсь въ церкви Св. Софіи. Результаты такихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться и скоро чума появилась въ Новгородѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. „Той же осени бысть моръ силенъ въ Новѣгородѣ и въ Ладозѣ; вниде смерть въ люди тяжка и напрасна, отъ Госпожина дни паче же до Велика дни“[3]). Въ Псковѣ, такимъ образомъ, черная смерть свирѣпствовала лѣтомъ, въ Новгородѣ же осенью и зимой, отъ 15 Августа до Пасхи. Остальная Россія также сдѣлалась скоро жертвой заразы.... „Того же лѣта бысть моръ силенъ зело въ Смоленскѣ и въ Кіевѣ и въ Черниговѣ и въ Суздале и во всей землѣ рустей смерть люта и напрасна и скора“[4]). Отвѣтить опредѣленно, откуда проникла чума въ центральную Россію, изъ Пскова ли, или черезъ Смоленскъ непосредственно, мы не можемъ, хотя и вѣроятно, что Смоленскъ былъ передаточнымъ пунктомъ по пути эпидеміи къ Востоку. Болѣзнь, въ періодъ своего перваго проявленія въ нашихъ областяхъ, характеризуется симптомами совершенно одинаковыми съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ и во Франціи. „Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: хракнетъ человѣкъ кровью, и до 3 дній

---

[1]) См. Новгр. IV, *стр. 60*; Новгр. I *стр. 85*; Ник. лѣт. *стр. 196*; Псковск. II *л. стр. 14* Псковск. I, *стр. 190*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 62*.

[3]) См. Тамъ же.

[4]) См. Никон. лѣт. *стр. 198*.

печать смерти и печали на весь старый свѣтъ. Такъ мы встрѣчаемся съ эпидеміями въ 1265 г. „тогда же моръ бяше на людяхъ“,[1]) и въ 1278 г. „того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугами“.[2]) Отсутствіе голода и здѣсь заставляетъ предполагать какую-нибудь инфекціонную болѣзнь, причемъ первая изъ нихъ предшествовалась и сопровождалась появленіемъ кометъ.[3]) Западная Европа, въ это время была свободною отъ эпидеміи—если не принимать въ разсчетъ психопатію гейслерства, въ первый разъ упоминаемаго въ 1260 г.[4]) Эта странная, и безъ сомнѣнія эпидемическая болѣзнь, не коснулась Россіи, которая опередила своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей въ другомъ отношеніи. Невѣжество и варварство Среднихъ вѣковъ ярко иллюстрируется гоненіями на Евреевъ; это несчастное племя во всѣхъ странахъ Европы, подвергалось самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, будучи обвиняемо въ отравленіи христіанъ; ему приписывали происхожденіе эпидемій и не замѣчая, что Евреи на равнѣ съ христіанами дѣлаются ихъ жертвою; ихъ жгли, вѣшали, убивали въ ужасныхъ пыткахъ. Такія гоненія въ Германіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ начались въ концѣ XIII ст., послѣ 1296 г.[5]) Россія, въ этомъ случаѣ, не дѣлала заимствованій съ Запада, она сама пришла къ подобнымъ-же заключеніямъ и дѣйствіямъ, только обвиняемыми, мнимыми производителями заразъ здѣсь были не Евреи, а татары. „Многа же зла тогда сотвориша Татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: иземце бо сердце человѣческое мочаху во яду аспидномъ и полагахъ въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяще, абіе умираше, и отъ сею великій моръ бысть по всей Русской землѣ“.[6]) Это свидѣтельство относится къ 1286 г., слѣдовательно мысль объ отравленіи колодцевъ, игравшая такую значительную роль въ слѣдующемъ столѣтіи, явилась въ Россіи вполнѣ самостоятельно и на цѣлые десять лѣтъ раньше ея возникновенія на Западѣ. Моръ, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, былъ очевидно занесенъ къ намъ татарами и русскими воинами, которые въ 1286 г., вмѣстѣ совершили опустошительный набѣгъ на Польшу. Въ этой же странѣ повальная болѣзнь можетъ быть распространилась изъ Франціи и Богеміи, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ 1282 и 1283 году. Стоитъ упоминанья и тотъ фактъ, что одновременно съ господ-

---

[1]) См. Псковск. I лѣт. *стр. 181*,
[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 67*.
[3]) Комета являлась въ 1265 г. и въ 1264. См. приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 343* и *344*, Ипать. лѣт. *стр. 202*.
[4]) См. Schnurrer, *стр. 291*.
[5]) См. Schnurrer. *стр. 302* и сл.
[6]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 347*.

ствомъ заразы у насъ, въ Западной Европѣ, въ 1286 г., наблюдали рѣдкое явленіе: моръ птицъ, послѣ котораго сдѣлались чрезвычайно рѣдкими даже вороны и сороки.[1]) Послѣдняя эпидемія у насъ не предшествовалась никакими особыми физическими явленіями, хотя сильныя наводненія были въ Австріи. 1286 годъ, послѣдній въ XIII ст., въ которомъ упоминается о морѣ; съ нимъ мы опять встрѣчаемся лишь въ началѣ XIV вѣка.

Въ 1302 году, по извѣстіямъ Новгородскихъ лѣтописей въ Россіи, господствовалъ моръ людей и коней, сопровождаемый голодомъ. Вслѣдствіе существованія этихъ двухъ явленій, можно было бы принять, что большая смертность, упоминаемая въ источникахъ, была причинена неурожаемъ, но такое предположеніе не оправдывается точнымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. „Того же лѣта, говоритъ онъ, бысть моръ на люди и на кони, и на всякій скотъ, а жито всякое мышь поѣла; и того ради дороговь бысть велика и гладъ великъ бысть по всей земли Русской".[2]) Здѣсь ясно отдѣляются два рода явленій и между тѣмъ какъ для одного изъ нихъ указывается естественная причина: мыши, происхожденіе другого объясняется, какъ обыкновенно, гнѣвомъ Бога.[3]) Вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, находилась ли эпидемія 1308 г. въ связи съ оспенными эпидеміями, распространившимися въ Европѣ съ 1310 г., или же она должна быть поставлена въ одну группу съ неизвѣстными повальными болѣзнями, господствовавшими въ этой части свѣта около 1313 года.[4]) Мы не можемъ также ближе опредѣлить болѣзни, упоминаемыя въ 1318 и 1321 г. Первая изъ нихъ разразилась въ Твери: „Тое же зимы бысть моръ въ Твери на люди,"[5]) вторая же сопровождалась падежомъ лошадей: „Того же лѣта моръ бысть на люди и на кони."[6]) Періодъ времени отъ 1317 до 1321 г. въ лѣтописяхъ не отмѣченъ никакими необыкновенными физическими явленіями; въ эти годы мы не встрѣчаемся также ни съ голодомъ, ни съ какими либо повальными болѣзнями въ Западной Европѣ. Послѣ послѣдней эпидеміи, въ продолженіи двадцати лѣтъ Россія пользовалась, повидимому, полнымъ отдыхомъ и только въ 1341 г. мы снова встрѣчаемъ сильную эпидемію въ Псковѣ и Изборскѣ. Послѣ осады послѣдняго города Ливонскими рыцарями въ немъ и въ Псковѣ „грѣхъ ради нашихъ, бяше моръ золъ на людехъ во Псковѣ и въ Избор-

---

[1]) См. Schnurrer, *стр. 297* и *299*.
[2]) См. Воскр. л. *стр. 185*; Новгр. III л. *стр. 223*; Новгр. IV, *стр. 47*; Никон. л. *стр. 202*.
[3]) См. Новгр. III л. *стр. 223*; „Того же лѣта бысть казнь отъ Бога".
[4]) См. Schnurrer, *стр. 309* и *310*.
[5]) См. Ник. лѣт., *стр. 115*.
[6]) См. Троицк. лѣт. *стр. 229*; Новгр. II лѣт. *стр.* 131; и Новгр. IV *стр. 49*.

скѣ: мряху бо старыя и молодые люди, и черньци и черчницы, мужи и жены и малыя дѣтки, не бы бо ихъ гдѣ погребати, все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; и гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или жены, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ"![1]) Судя по этому описанію число умершихъ дѣтей въ семь или даже въ восемь разъ превосходило число взрослыхъ. Эпидемія сопровождалась падежемъ скота, между тѣмъ какъ урожаи этого года были обильные: „Семъ же лѣтѣ хлѣбъ бысть дешевъ, а скотъ рогатый помре".[2])

---

[1]) См. Псковск. I *л. стр. 188* и *189*, Псковск. II *л. стр. 13.*

[2]) См. Новгр. I *л. стр. 81.*

ГЛАВА II-я.

Чисто мѣстная повальная болѣзнь въ Псковѣ была послѣдней до начала наиболѣе страшной эпидеміи, какую только знаетъ исторія человѣчества, черной смерти. Эта чума XIV в. и по силѣ и по распространенію не можетъ быть сравниваема ни съ однимъ обще-народнымъ бѣдствіемъ. Значеніе ея для исторіи культуры измѣряется и тѣмъ страхомъ, который былъ ею вызванъ въ умахъ современниковъ и тѣмъ интересомъ, съ которымъ вопросъ о черной смерти былъ разработанъ и въ медицинской и въ обще-исторической литературѣ. Если, между тѣмъ, исторія этой заразы подробно разработана для Западной Европы и даже Азіи, то нельзя сказать, чтобы тоже было сдѣлано и по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ насъ немного дольше остановиться на разсматриваемомъ вопросѣ.

Еще съ 1330 г. въ природѣ начались явленія, которыя, какъ бы, предсказывали наступавшую грозу. Хроники этого времени полны разсказами о различныхъ переворотахъ, совершавшихся въ различныхъ областяхъ земнаго шара. 1331 г. отличался дождями во всей Западной и Южной Европѣ. На островѣ Кипрѣ дождь шелъ въ продолженіи двадцати сутокъ, здѣсь отъ наводненія погибло около 8000 ч., въ Италіи же 1000, слѣдующая затѣмъ зима отличалась такою высокою температурою, что даже въ Богеміи поселяне были принуждены начать вспахивать поля. Въ Ирландіи въ тоже время господствовалъ неурожай, хотя рыба была, въ невиданномъ до сихъ поръ, изобиліи. Въ Китаѣ въ тоже время сильныя засухи причинили ужасный голодъ. Эти засухи смѣнились здѣсь такими дождями, что отъ наводненій погибло будто-бы 400,000 человѣкъ. Такія наводненія продолжались и въ слѣдующемъ году около Кантона, между тѣмъ какъ въ провинціи Тхэ, послѣ сильной засухи, распространилась зараза, стоившая жизни 5 милл. людей.[1]) Вскорѣ послѣ этого въ окресностяхъ столицы Китая произошло землетрясеніе, сопровождавшееся обваломъ возвышенностей Ки-минг-шинъ, на мѣстѣ которыхъ образовалось громадное озеро. Въ то же время въ провинціяхъ Ху-Куанѣ и Хонанъ продолжалась засуха, появились несмѣтныя тучи саранчи, голодъ и моръ. Въ Европѣ въ 1333 г. произошли извер-

[1]) Это число также какъ и всѣ послѣдующія числовыя данныя, понятно, не имѣютъ полной достовѣрности.

женіе Этны. Въ 1337 г. въ провинціи Ксангъ мы встрѣчаемся съ 6-ти дневнымъ землетрясеніемъ, саранчей, наводненіями и голодомъ отъ котораго погибло 4 милл. людей. Въ томъ же и еще болѣе въ слѣдующемъ году саранча появляется во Франціи. Въ 1338 г. столица Китая испытала 10-ти дневное землетрясеніе и съ этого года вплоть до 1342 здѣсь послѣдовательно смѣнялись землетрясенія, наводненія, засухи и голодъ. Въ 1343 г. провалилась гора Хоні-Тшангъ, за этимъ послѣдовало наводненіе, которое послѣ трехъ-мѣсячныхъ дождей разрушило въ провинціяхъ Пинь-чу и Лонг-чу семь городовъ. Въ 1344 г. землетрясеніе испытала провинція Вень-чу, а въ 1345 г. Кигу. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года сильныя землетрясенія чувствовались въ Кантонѣ и всѣ эти необыкновенныя явленія смѣнялись или чередовались голодомъ. Только послѣ 1347 г. въ Китаѣ, природа, какъ бы, успокоилась. Въ то же время въ Европѣ 1342 г. отличался сильными наводненіями, которыя нельзя было объяснить дождями, такъ какъ даже на вершинахъ горъ появились обильные ручьи и мѣстности, до сихъ поръ совершенно сухія, покрывались водой. Въ то же время Египетъ и Сирія страдали отъ сильныхъ землетрясеній. Такія возмущенія въ Европѣ сдѣлались еще болѣе частыми, начиная отъ 1348 г., въ которомъ сильное землетрясеніе поколебало островъ Кипръ. Это землетрясеніе предшествовалось вѣтромъ чрезвычайно зловоннаго запаха, отъ котораго умирали люди и сопровождалось ураганомъ, уничтожившимъ на островѣ все, что успѣло уцѣлѣть отъ предшествующихъ бѣдствій. Такое же сильное землетрясеніе разразилось въ Греціи, Италіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Едва ли не замѣчательнѣе упомянутыхъ явленій—зловонный туманъ, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки и который распространился, будто-бы, по Европѣ съ Востока.[1]) Если въ Китаѣ вышеупомянутыя необыкновенныя явленія сопровождались частымъ голодомъ, то въ Европѣ о немъ въ это время мы не встрѣчаемъ упоминаній.

При такихъ обстоятельствахъ въ Азіи зародилась эпидемія, вскорѣ опустошившая весь восточный материкъ. Историки этой эпидеміи не согласны въ томъ, гдѣ собственно въ первый разъ проявилась зараза: одни считаютъ ея очагомъ Индію, другіе Китай.[2]) Въ послѣдней странѣ жертвой болѣзни сдѣлалось 13 милл. людей. Какую бы страну мы не приняли за мѣста перваго проявленія чумы—несомненно то, что

---

[1]) О всѣхъ упомянутыхъ явленіяхъ см. Hecker, die gr. Volksks des Mittelalt, *стр. 34—40*; Schnurrer *стр. 314* и сл.; v. Hoff, Gesch. d. Veränd. d. Erdoberfl. т. II, *стр. 264* и сл. и Häser Lehrb. d. Geschich. d. Medicin, т. II *стр. 105* и сл.

[2]) Индію—родиной чумы считаетъ Fracastaro, Китай же Deguignes. См. Deguignes Histoire des Huns., 1758. IV, *стр. 223* и сл.

она скоро распространилась по всей Азіи, вѣроятно, слѣдуя здѣсь по караваннымъ путямъ.[1])

Относительно дальнѣйшаго пути распространенія эпидеміи изъ Азіи въ Европу, изслѣдователи не согласны между собою. Здѣсь намѣчается три главныхъ направленія: 1) Изъ Китая черезъ Бухару, Кипчакъ, Каффу (въ Крыму) въ Константинополь. 2) Черезъ Гератъ, Арменію, Малую Азію въ Константинополь. 3) Черезъ Багдадъ, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку въ Константинополь[2]). Всѣ три пути сходятся въ Константинополѣ и дѣйствительно здѣсь, а также въ Марсели, на островѣ Сициліи и Кипрѣ мы встрѣчаемъ заразу уже въ 1347 г. Отсюда, въ томъ же году, она распространилась по всѣмъ прибрежнымъ торговымъ городамъ Средиземнаго моря, и въ Январѣ 1348 г., мы встрѣчаемъ эпидемію въ Авиньонѣ и въ другихъ городахъ Сѣверной Италіи и Южной Франціи. Въ 1348 г. болѣзнь распространилась по Франціи и Германіи, въ Августѣ она появилась въ Англіи, а въ Ноябрѣ 1349 г. въ Швеціи. Въ Польшѣ эпидемія распространилась также въ 1349 г., вѣроятно, изъ Германіи.

Таковъ былъ путь болѣзни внѣ Россіи; прежде чѣмъ, однако, мы обратимся къ послѣдней, посмотримъ какими отличительными чертами характеризовалась болѣзнь Европейскими наблюдателями. Въ Германіи называли болѣзнь: „der schwarze Tod; въ Италіи—„La Mortalega grande"; во Франціи—„peste noire". Болѣзнь не всѣми наблюдателями описывается одинаково. Въ Византіи она проявлялась большими бубонами, наполненными пахучею матеріей, которые сопровождались тяжелыми явленіями со стороны нервной системы, (сонливость, бредъ, параличъ языка). Языкъ и гортань у больныхъ дѣлались черными, тѣло у нѣкоторыхъ покрывалось петехіями и больные умирали въ страшныхъ страданіяхъ, мучимые постоянной жаждой. Къ такимъ явленіямъ общимъ и обыкновенной чумѣ присоединялось пораженіе дыхательныхъ органовъ: у больныхъ болѣла грудь, они харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло зловонный запахъ. Во Франціи, въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ господства болѣзни, бубоны отсутствовали и больные умирали въ первые три дня, съ явленіями страданія только дыхательныхъ органовъ и нервной системы. Въ Италіи же болѣзнь

---

[1]) Впрочемъ постепенное распространеніе чумы, при посредствѣ переноса, принимается не всѣми историками медицины, такъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ Hecker—допускаетъ аутохтонное зарожденіе болѣзни въ разныхъ странахъ.

[2]) См. Dr. Carl Martin. Versuch einer geograph. Darstellung einiger Pestepidemien, въ Petermann's Mittheilungen 1879, т. XXV, № 7, *стр. 260*; также и Hecker, *стр. 43*.

[3]) Въ послѣдней наиболѣе сильно чума дѣйствовала лишь въ слѣдующемъ 1349 году.

проявлялась сначала „большими нарывами", въ пахахъ и подъ мышкой. Во всѣхъ странахъ вообще, по отношенію къ способности зараженія, не существовало различій, ни въ полѣ, ни въ возрастѣ. Смертность заболѣвшихъ и число заболѣваній было громадно. Мы говорили уже, что въ одномъ Китаѣ погибло, будто-бы, 12 милл. За исключеніемъ этой страны, во всей Азіи, какъ доносили папѣ, число жертвъ равнялось 23,840,000 ч. Эти цифры могутъ показаться невѣрными, если въ подтвержденіе ихъ мы не имѣли бы точныхъ данныхъ о смертности въ Западной Европѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ наиболѣе точныхъ цифръ, такъ во Флоренціи черною смертью умерло: 60,000 ч., въ Венеціи—100,000 ч., въ Парижѣ—50,000 ч., въ Авиньонѣ—тогдашнемъ мѣстопребываніи папъ 60,000 ч., въ Лондонѣ 100,000 ч.; однихъ францисканскихъ монаховъ—124,434 ч., изъ числа 60,000 минноритовъ—30,000; вообще можно, безъ преувеличеній, принять, что Европа потеряла $^1/_4$ часть своего населенія, или около 25 милліоновъ.[1]) Эпидемія обыкновенно продолжалась въ теченіи полугода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ напр. въ Англіи, сопровождалась падежемъ скота. Замѣчательно также, что до появленія болѣзни птицы улетали изъ мѣстъ, которымъ въ скоромъ времени приходилось испытывать заразу.

Мы въ краткихъ чертахъ обрисовали ужасную болѣзнь и ея распространеніе въ Азіи и Европѣ, теперь послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ обратиться къ Россіи и познакомиться съ ходомъ развитія черной смерти въ нашей странѣ.[2])

Какъ мы уже видѣли азіатскія и европейскія хроники полны указаніями на необыкновенныя физическія явленія, на возмущенія природы, которыя предшествовали заразѣ. Въ этомъ отношеніи русскія лѣтописи менѣе богаты такими указаніями. Въ 1328 году мы встрѣчаемъ землетрясеніе въ Новгородѣ,[3]) слѣдующій за тѣмъ годъ отличается засухами,[4]) а 1331 появленіемъ кометы.[5]) Въ 1336, 1338, 1346 г.г.

---

[1]) См. Hecker. *стр. 46, 47* и *55*; Schnurrer, *стр. 327*.

[2]) Если, выше, общій ходъ болѣзни въ Азіи и въ Европѣ, былъ обрисованъ въ общихъ чертахъ, то нельзя того же сказать объ описаніи симптомовъ болѣзни, мы привели всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у западно-европейскихъ писателей—врачей, историковъ и литераторовъ, и если эти описанія кратки и не вполнѣ удовлетворительны съ медицинской точки зрѣнія—то это вина источниковъ и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи, какъ увидимъ ниже, отличаются большими подробностями.

[3]) См. Тверск. лѣт. 417 и Ник. *стр. 140*. Землетрясеніе 1328 г. второе, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы; распространеніе ихъ въ такихъ областяхъ, которыя считаются гарантированными отъ нихъ—фактъ знаменательный и на него будетъ обращено вниманіе въ другой работѣ.

[4]) См. Ник. л. *стр. 155*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 75*; Новгр. III л. *стр. 225*. Новгр. IV, *стр. 52*; Воскр. л. *стр. 203*. и Соф. л. *стр. 219*.

были сильныя наводненія,[1]) а въ 1350 г. страшная южная буря.[2]) Голода—передъ эпидеміей мы не встрѣчаемъ въ Россіи. Только 1332 г. отличался неурожаемъ,[3]) обиліемъ же хлѣба 1341.[4]) Такимъ образомъ въ нашей странѣ не было такихъ грозныхъ предвѣстниковъ наступавшаго бѣдствія, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, хотя слухъ о заразѣ распространился по Россіи довольно рано. Къ сожалѣнію первый слухъ объ эпидеміи, въ различныхъ лѣтописяхъ, мы встрѣчаемъ не подъ однимъ годомъ и это различіе не можетъ быть объяснено разностью въ скорости распространенія извѣстія въ различныхъ областяхъ. Такъ въ Никоновской или патріаршей лѣтописи первое извѣстіе о черной смерти на Востокѣ и въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ 1345 году[5]). Эта лѣтопись, какъ извѣстно, сборникъ, составленный на основаніи болѣе старыхъ хроникъ и ошибка здѣсь очевидна безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Гораздо труднѣе примирить между собою данныя Новгородской IV, Псковской I и Воскресенской лѣтописи. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ ней дважды говорится о первомъ слухѣ о чумѣ, одинъ въ 1346 г., а другой въ 1350 г.,[6]) Воскресенская лѣтопись о морѣ на Востокѣ говоритъ въ 1346 году,[7]) а Псковская въ 1348 г.[8]) Послѣдній годъ имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, доказываемую и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ болѣзни въ Европѣ. Если Псковская лѣтопись вѣрнѣе другихъ обозначаетъ годъ, въ который Россія узнала о чумѣ, то Воскресенская дѣлаетъ самое подробное и точное описаніе мѣстъ, бывшихъ первою жертвою эпидеміи: „Того же лѣта, говорится здѣсь, казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь (при устьѣ Дона)[9]) и на Хазторокань, и на Сарай и на Бездежъ (на рукавѣ Волги, ниже Енотаевки), и на прочіи грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены (Хивинцы) и на Татары и на Ормены (Армяне), и на Обезы (Абазинцы), и на Жиды и на Фрязы (Генуэзцы и Венеціане въ колоніяхъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ) и на Черкасы, и на всѣхъ

---

[1]) См. Новгр. II *стр. 131*; Ник. *стр. 165* и *186*; Новгр. I *стр. 78*; Новгр. IV *стр. 53*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 59*; Ник. *стр. 191*.

[3]) См. Троиц. л., *230*; Соф. л, *220*; Твер. л., *стр. 418*.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 81*.

[5]) См. Ник. л., *стр. 183*.

[6]) См. Новгр. IV, *стр. 57* и *60*.

[7]) См. Воскр. лѣт., *стр. 210*.

[8]) См. Псковск. I л., *стр. 90*.

[9]) Такое опредѣленіе этого города даетъ Карамзинъ (см. примѣч. къ ист. Госуд. Рос. т. IV *стр. 238*, пр. 351) послѣдующія опредѣленія географическихъ терминовъ, встрѣчаемыхъ въ приводимомъ извѣстіи взяты оттуда-же.

тамо живущихъ, яко не бы кому ихъ погребати.[1]) Это извѣстіе нашей лѣтописи о томъ, что черная смерть свирѣпствовала по Сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей вполнѣ согласуются съ данными Западно-европейскихъ историковъ, также какъ съ этими данными согласуется и годъ появленія болѣзни: 1346. Зато здѣсь является другое затрудненіе, не объясненное и даже въ большинствѣ случаевъ незамѣченное изслѣдователями, разработывавшими этотъ вопросъ. Richter, а за нимъ Hecker принимаютъ, что въ Россіи черная смерть появилась въ 1351 г.[2]), Martin—въ 1350 г.[3]); Карамзинъ же и Соловьевъ принимаютъ 1352 г. за начало эпидеміи.[4]) Всѣ эти данныя, кромѣ 1350 г., подтверждаются и лѣтописными свидѣтельствами. Въ Псковской II лѣт., и въ Никоновской—болѣзнь упоминается въ 1351 г., въ Псковской же I лѣт., Новгородской I и IV въ 1352 г.[5]) Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ начало черной смерти въ Россіи нельзя принимать ранѣе 1351 г., но какимъ образомъ согласить тогда этотъ фактъ съ тѣмъ, что въ Польшѣ и Швеціи зараза господствовала уже въ 1349 г., какъ разъ въ то время, когда сношенія съ этими странами Пскова и Новгорода отличались особенною оживленностью. Неужели для эпидеміи требовался цѣлый годъ, чтобы переступить нашу западную границу, когда она почти постоянно переступалась и войсками и мирными посольствами? Если трудно объяснить это явленіе, то еще болѣе трудно понять, какимъ образомъ только спустя пять лѣтъ послѣ появленія черной смерти въ Золотой Ордѣ и на берегахъ Чернаго моря, она явилась въ Россію съ Запада. Если бы Крымъ и устье Волги совершенно не посѣщалось Русскими—то упомянутую странность можно бы было еще объяснить;—но въ дѣйствительности этого небыло: они должны были посѣщать ханскія ставки—не только для торговли, но и какъ зависимые отъ татаръ. Такое противорѣчіе можетъ быть объяснено или тѣмъ, что черная смерть была не контагіозна, что и противорѣчило бы всѣмъ научнымъ даннымъ, или предположеніемъ, что хронологія лѣтописей не точна въ этомъ случаѣ. Быть можетъ рѣшеніе этого вопроса зависитъ и отъ того краткаго извѣстія, которое сообщаетъ намъ Никоновская лѣтопись подъ 1348 г. „Того же лѣта, читаемъ мы въ ней, моръ бысть на люди въ Полотцкѣ".[6]) Къ сожалѣнію это извѣстіе слишкомъ кратко для того, чтобы строить на немъ какое-либо предположеніе.[7])

---

[1]) См. Воскр. л., *стр. 210*; Ник. л., *стр. 183* и Новгр. VI л., *стр. 57*.

[2]) См. Richter, *стр. 205*; Hecker, *стр. 44*.

[3]) См. Martin, *стр. 260*.

[4]) См. Карамзинъ, ист. т. IV, *стр. 278*; Соловьевъ ист. т. 3, *стр. 312*.

[5]) См. Псков. II, *стр. 14*; Ник. *стр. 196*; Новгр. I *стр. 85*; Новгр. IV *стр. 60*; и Пск. I *стр. 190*.

[6]) См. Ник. *стр. 192*.

[7]) Въ виду приведенныхъ фактовъ, путь чумы черезъ Сѣверныя берега Каспійскаго и Чернаго моря въ зап. Европу и оттуда уже въ Россію подлежитъ сомнѣнію и болѣе вѣроятнымъ кажется путь изъ Малой Азіи и Константинополя на Западъ; Richter затронутый вопросъ также не рѣшаетъ.

Не будучи въ состояніи рѣшить предположенный вопросъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ объ исторіи XIV вѣка, послѣдуемъ за нашими источниками въ описаніи распространенія и господства черной смерти въ Россіи. Самыя подробныя извѣстія о заразѣ мы встрѣчаемъ въ Новгородской IV-й лѣтописи, причемъ эти извѣстія вполнѣ согласуются съ данными Новгородской I-й, Псковской и Никоновской лѣтописи.

Эпидемія прежде другихъ областей появилась въ Псковѣ, съ чѣмъ вполнѣ согласуются торговыя сношенія этого города съ Польшей, Прибалтійскими областями и Западной Европой. „Того же лѣта бысть моръ золъ въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи многи; мроша бо люди, мужи и жены, старыи и младыи, и дѣти, и попове, и черници и черници“[1]). Псковитяне, испуганные неслыханнымъ бѣдствіемъ, обратились съ просьбой о благословленіи къ Новгородскому Владыкѣ Василію. Престарѣлый архіепископъ отправился въ Псковъ, но на возвратномъ пути умеръ отъ заразы на рѣкѣ Узѣ, 3-го Іюля.[2]) Въ то время мысль о предосторожностяхъ противъ распространенія эпидеміи не зародилась еще въ умахъ современниковъ, что и показываетъ тотъ фактъ, что Новгородцы умершаго Василія, съ почестями, привезли въ свой городъ и схоронили здѣсь въ церкви Св. Софіи. Результаты такихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться и скоро чума появилась въ Новгородѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. „Той же осени бысть моръ силенъ въ Новѣгородѣ и въ Ладозѣ; вниде смерть въ люди тяжка и напрасна, отъ Госпожина дни паче же до Велика дни“[3]). Въ Псковѣ, такимъ образомъ, черная смерть свирѣпствовала лѣтомъ, въ Новгородѣ же осенью и зимой, отъ 15 Августа до Пасхи. Остальная Россія также сдѣлалась скоро жертвой заразы.... „Того же лѣта бысть моръ силенъ зело въ Смоленскѣ и въ Кіевѣ и въ Черниговѣ и въ Суздале и во всей землѣ рустей смерть люта и напрасна и скора“[4]). Отвѣтить опредѣленно, откуда проникла чума въ центральную Россію, изъ Пскова ли, или черезъ Смоленскъ непосредственно, мы не можемъ, хотя и вѣроятно, что Смоленскъ былъ передаточнымъ пунктомъ по пути эпидеміи къ Востоку. Болѣзнь, въ періодъ своего перваго проявленія въ нашихъ областяхъ, характеризуется симптомами совершенно одинаковыми съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ и во Франціи. „Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: хракнетъ человѣкъ кровью, и до 3 дній

---

[1]) См. Новгр. IV, *стр. 60*; Новгр. I *стр. 85*; Ник. лѣт. *стр. 196*; Псковск. II л. *стр. 14* Псковск. I, *стр. 190*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 62*.

[3]) См. Тамъ же.

[4]) См. Никон. лѣт. *стр. 198*.

печать смерти и печали на весь старый свѣтъ. Такъ мы встрѣчаемся съ эпидеміями въ 1265 г. „тогда же моръ бяше на людяхъ“,[1]) и въ 1278 г. „того же лѣта мнози человѣци умираху различными недугами“.[2]) Отсутствіе голода и здѣсь заставляетъ предполагать какую-нибудь инфекціонную болѣзнь, причемъ первая изъ нихъ предшествовалась и сопровождалась появленіемъ кометъ.[3]) Западная Европа, въ это время была свободною отъ эпидеміи—если не принимать въ разсчетъ психопатію гейслерства, въ первый разъ упоминаемаго въ 1260 г.[4]) Эта странная, и безъ сомнѣнія эпидемическая болѣзнь, не коснулась Россіи, которая опередила своихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей въ другомъ отношеніи. Невѣжество и варварство Среднихъ вѣковъ ярко иллюстрируется гоненіями на Евреевъ; это несчастное племя во всѣхъ странахъ Европы, подвергалось самымъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, будучи обвиняемо въ отравленіи христіанъ; ему приписывали происхожденіе эпидемій и не замѣчая, что Евреи на равнѣ съ христіанами дѣлаются ихъ жертвою; ихъ жгли, вѣшали, убивали въ ужасныхъ пытвахъ. Такія гоненія въ Германіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ начались въ концѣ XIII ст., послѣ 1296 г.[5]) Россія, въ этомъ случаѣ, не дѣлала заимствованій съ Запада, она сама пришла къ подобнымъ-же заключеніямъ и дѣйствіямъ, только обвиняемыми, мнимыми производителями заразъ здѣсь были не Евреи, а татары. „Многа же зла тогда сотвориша Татаре Русской землѣ, аще не мечемъ и не огнемъ, но чарами своими: изящше бо сердце человѣческое мочаху во яду аспидиномъ и полагахъ въ водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяще, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ“.[6]) Это свидѣтельство относится къ 1286 г., слѣдовательно мысль объ отравленіи колодцевъ, игравшая такую значительную роль въ слѣдующемъ столѣтіи, явилась въ Россіи вполнѣ самостоятельно и на цѣлые десять лѣтъ раньше ея возникновенія на Западѣ. Моръ, о которомъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ, былъ очевидно занесенъ къ намъ татарами и русскими воинами, которые въ 1286 г., вмѣстѣ совершили опустошительный набѣгъ на Польшу. Въ этой же странѣ повальная болѣзнь можетъ быть распространилась изъ Франціи и Богеміи, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ 1282 и 1283 году. Стоитъ упоминанья и тотъ фактъ, что одновременно съ господ-

---

[1]) См. Псковск. I лѣт. *стр. 181*,
[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 67*.
[3]) Комета являлась въ 1265 г. и въ 1264. См. приб. къ Ипат. лѣт. *стр. 343* и *344*, Ипать. лѣт. *стр. 202*.
[4]) См. Schnurrer, *стр. 291*.
[5]) См. Schnurrer. *стр. 302* и сл.
[6]) См. приб. къ Ипат. лѣт., *стр. 347*.

ствомъ заразы у насъ, въ Западной Европѣ, въ 1286 г., наблюдали рѣдкое явленіе: моръ птицъ, послѣ котораго сдѣлались чрезвычайно рѣдкими даже вороны и сороки.[1]) Послѣдняя эпидемія у насъ не предшествовалась никакими особыми физическими явленіями, хотя сильныя наводненія были въ Австріи. 1286 годъ, послѣдній въ XIII ст., въ которомъ упоминается о морѣ; съ нимъ мы опять встрѣчаемся лишь въ началѣ XIV вѣка.

Въ 1302 году, по извѣстіямъ Новгородскихъ лѣтописей въ Россіи, господствовалъ моръ людей и коней, сопровождаемый голодомъ. Вслѣдствіе существованія этихъ двухъ явленій, можно было бы принять, что большая смертность, упоминаемая въ источникахъ, была причинена неурожаемъ, но такое предположеніе не оправдывается точнымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. „Того же лѣта, говоритъ онъ, бысть моръ на люди и на кони, и на всякій скотъ, а жито всякое мышь поѣла; и того ради дороговь бысть велика и гладъ великъ бысть по всей земли Русской".[2]) Здѣсь ясно отдѣляются два рода явленій и между тѣмъ какъ для одного изъ нихъ указывается естественная причина: мыши, происхожденіе другого объясняется, какъ обыкновенно, гнѣвомъ Бога.[3]) Вслѣдствіе недостатка дальнѣйшихъ данныхъ, мы не можемъ утверждать, находилась ли эпидемія 1308 г. въ связи съ оспенными эпидеміями, распространившимися въ Европѣ съ 1310 г., или же она должна быть поставлена въ одну группу съ неизвѣстными повальными болѣзнями, господствовавшими въ этой части свѣта около 1313 года.[4]) Мы не можемъ также ближе опредѣлить болѣзни, упоминаемыя въ 1318 и 1321 г. Первая изъ нихъ разразилась въ Твери: „Тое же зимы бысть моръ въ Твери на люди,"[5]) вторая же сопровождалась падежомъ лошадей: „Того же лѣта моръ бысть на люди и на кони."[6]) Періодъ времени отъ 1317 до 1321 г. въ лѣтописяхъ не отмѣченъ никакими необыкновенными физическими явленіями; въ эти годы мы не встрѣчаемся также ни съ голодомъ, ни съ какими либо повальными болѣзнями въ Западной Европѣ. Послѣ послѣдней эпидеміи, въ продолженіи двадцати лѣтъ Россія пользовалась, повидимому, полнымъ отдыхомъ и только въ 1341 г. мы снова встрѣчаемъ сильную эпидемію въ Псковѣ и Изборскѣ. Послѣ осады послѣдняго города Ливонскими рыцарями въ немъ и въ Псковѣ „грѣхъ ради нашихъ, бяше моръ золъ на людехъ во Псковѣ и въ Избор-

---

[1]) См. Schnurrer, *стр. 297* и *299*.
[2]) См. Воскр. л. *стр. 185*; Новгр. III л. *стр. 223*; Новгр. IV, *стр. 47*; Никон. л. *стр. 202*.
[3]) См. Новгр. III л. *стр. 223*; „Того же лѣта бысть казнь отъ Бога".
[4]) См. Schnurrer, *стр. 309* и *310*.
[5]) См. Ник. лѣт., *стр. 115*.
[6]) См. Троицк. лѣт. *стр. 229*; Новгр. II лѣт. *стр.* 131; и Новгр. IV *стр. 49*.

скѣ: мряху бо старыя и молодые люди, и черпци и черпницы, мужи и жены и малыя дѣтки, не бы бо ихъ гдѣ погребати, все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; и гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или жены, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ, семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ"![1]) Судя по этому описанію число умершихъ дѣтей въ семь или даже въ восемь разъ превосходило число взрослыхъ. Эпидемія сопровождалась падежемъ скота, между тѣмъ какъ урожаи этого года были обильные: „Семъ же лѣтѣ хлѣбъ бысть дешевъ, а скотъ рогатый помре".[2])

---

[1]) См. Псковск. I л. *стр. 188* и *189*, Псковск. II л. *стр. 12*.
[2]) См. Новгр. I л. *стр. 81*.

ГЛАВА II-я.

Чисто мѣстная повальная болѣзнь въ Псковѣ была послѣдней до начала наиболѣе страшной эпидеміи, какую только знаетъ исторія человѣчества, черной смерти. Эта чума XIV в. и по силѣ и по распространенію не можетъ быть сравниваема ни съ однимъ обще-народнымъ бѣдствіемъ. Значеніе ея для исторіи культуры измѣряется и тѣмъ страхомъ, который былъ ею вызванъ въ умахъ современниковъ и тѣмъ интересомъ, съ которымъ вопросъ о черной смерти былъ разработанъ и въ медицинской и въ обще-исторической литературѣ. Если, между тѣмъ, исторія этой заразы подробно разработана для Западной Европы и даже Азіи, то нельзя сказать, чтобы тоже было сдѣлано и по отношенію къ Россіи. Это и заставляетъ насъ немного дольше остановиться на разсматриваемомъ вопросѣ.

Еще съ 1330 г. въ природѣ начались явленія, которыя, какъ бы, предсказывали наступавшую грозу. Хроники этого времени полны разсказами о различныхъ переворотахъ, совершавшихся въ различныхъ областяхъ земнаго шара. 1331 г. отличался дождями во всей Западной и Южной Европѣ. На островѣ Кипрѣ дождь шелъ въ продолженіи двадцати сутокъ, здѣсь отъ наводненія погибло около 8000 ч., въ Италіи же 1000, слѣдующая затѣмъ зима отличалась такою высокою температурою, что даже въ Богеміи поселяне были принуждены начать вспахивать поля. Въ Ирландіи въ тоже время господствовалъ неурожай, хотя рыба была, въ невиданномъ до сихъ поръ, изобиліи. Въ Китаѣ въ тоже время сильныя засухи причинили ужасный голодъ. Эти засухи смѣнились здѣсь такими дождями, что отъ наводненій погибло будто-бы 400,000 человѣкъ. Такія наводненія продолжались и въ слѣдующемъ году около Кантона, между тѣмъ какъ въ провинціи Тхэ, послѣ сильной засухи, распространилась зараза, стоившая жизни 5 милл. людей.[1]) Вскорѣ послѣ этого въ окрестностяхъ столицы Китая произошло землетрясеніе, сопровождавшееся обваломъ возвышенностей Ки-минг-шинъ, на мѣстѣ которыхъ образовалось громадное озеро. Въ то же время въ провинціяхъ Ху-Куанѣ и Хонанъ продолжалась засуха, появились несмѣтныя тучи саранчи, голодъ и моръ. Въ Европѣ въ 1333 г. произошли извер-

[1]) Это число также какъ и всѣ послѣдующія числовыя данныя, понятно, не имѣютъ полной достовѣрности.

женіе Этны. Въ 1337 г. въ провинціи Ксанъ мы встрѣчаемся съ 6-ти дневнымъ землетрясеніемъ, саранчей, наводненіями и голодомъ отъ котораго погибло 4 милл. людей. Въ томъ же и еще болѣе въ слѣдующемъ году саранча появляется во Франціи. Въ 1338 г. столица Китая испытала 10-ти дневное землетрясеніе и съ этого года вплоть до 1342 здѣсь послѣдовательно смѣнялись землетрясенія, наводненія, засухи и голодъ. Въ 1343 г. провалилась гора Хонг-Тшанъ, за этимъ послѣдовало наводненіе, которое послѣ трехъ-мѣсячныхъ дождей разрушило въ провинціяхъ Пинь-чу и Лонг-чу семь городовъ. Въ 1344 г. землетрясеніе испытала провинція Вень-чу, а въ 1345 г. Кигу. Въ два слѣдующихъ затѣмъ года сильныя землетрясенія чувствовались въ Кантонѣ и всѣ эти необыкновенныя явленія смѣнялись или чередовались голодомъ. Только послѣ 1347 г. въ Китаѣ, природа, какъ бы, успокоилась. Въ то же время въ Европѣ 1342 г. отличался сильными наводненіями, которыя нельзя было объяснить дождями, такъ какъ даже на вершинахъ горъ появились обильные ручьи и мѣстности, до сихъ поръ совершенно сухія, покрывались водой. Въ то же время Египетъ и Сирія страдали отъ сильныхъ землетрясеній. Такія возмущенія въ Европѣ сдѣлались еще болѣе частыми, начиная отъ 1348 г., въ которомъ сильное землетрясеніе поколебало островъ Кипръ. Это землетрясеніе предшествовалось вѣтромъ чрезвычайно зловоннаго запаха, отъ котораго умирали люди и сопровождалось ураганомъ, уничтожившимъ на островѣ все, что успѣло уцѣлѣть отъ предшествующихъ бѣдствій. Такое же сильное землетрясеніе разразилось въ Греціи, Италіи и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Едва ли не замѣчательнѣе упомянутыхъ явленій—зловонный туманъ, о которомъ упоминаютъ нѣмецкіе историки и который распространился, будто-бы, по Европѣ съ Востока.[1]) Если въ Китаѣ вышеупомянутыя необыкновенныя явленія сопровождались частымъ голодомъ, то въ Европѣ о немъ въ это время мы не встрѣчаемъ упоминаній.

При такихъ обстоятельствахъ въ Азіи зародилась эпидемія, вскорѣ опустошившая весь восточный материкъ. Историки этой эпидеміи не согласны въ томъ, гдѣ собственно въ первый разъ проявилась зараза: одни считаютъ ея очагомъ Индію, другіе Китай.[2]) Въ послѣдней странѣ жертвой болѣзни сдѣлалось 13 милл. людей. Какую бы страну мы не приняли за мѣста перваго проявленія чумы—несомненно то, что

---

[1]) О всѣхъ упомянутыхъ явленіяхъ см. Hecker, die gr. Volksks des Mittelalt, *стр. 34—40*; Schnurrer *стр. 314* и сл.; v. Hoff, Gesch. d. Veränd. d. Erdoberfl. т. II, *стр. 264* и сл. и Häser Lehrb. d. Geschich. d. Medicin, т. II *стр. 105* и сл.

[2]) Индію—родиной чумы считаетъ Fracastaro, Китай же Deguignes. См. Deguignes Histoire des Huns., 1758. IV, *стр. 223* и сл.

она скоро распространилась по всей Азіи, вѣроятно, слѣдуя здѣсь по караваннымъ путямъ.[1])

Относительно дальнѣйшаго пути распространенія эпидеміи изъ Азіи въ Европу, изслѣдователи не согласны между собою. Здѣсь намѣчается три главныхъ направленія: 1) Изъ Китая черезъ Бухару, Кипчакъ, Каффу (въ Крыму) въ Константинополь. 2) Черезъ Гератъ, Арменію, Малую Азію въ Константинополь. 3) Черезъ Багдадъ, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку въ Константинополь[2]). Всѣ три пути сходятся въ Константинополѣ и дѣйствительно здѣсь, а также въ Марсели, на островѣ Сициліи и Кипрѣ мы встрѣчаемъ заразу уже въ 1347 г. Отсюда, въ томъ же году, она распространилась по всѣмъ прибрежнымъ торговымъ городамъ Средиземнаго моря, и въ Январѣ 1348 г., мы встрѣчаемъ эпидемію въ Авиньонѣ и въ другихъ городахъ Сѣверной Италіи и Южной Франціи. Въ 1348 г. болѣзнь распространилась по Франціи и Германіи, въ Августѣ она появилась въ Англіи, а въ Ноябрѣ 1349 г. въ Швеціи. Въ Польшѣ эпидемія распространилась также въ 1349 г., вѣроятно, изъ Германіи.

Таковъ былъ путь болѣзни внѣ Россіи; прежде чѣмъ, однако, мы обратимся къ послѣдней, посмотримъ какими отличительными чертами характеризовалась болѣзнь Европейскими наблюдателями. Въ Германіи называли болѣзнь: „der schwarze Tod; въ Италіи—„La Mortalega grande"; во Франціи—„peste noire". Болѣзнь не всѣми наблюдателями описывается одинаково. Въ Византіи она проявлялась большими бубонами, наполненными пахучею матеріей, которые сопровождались тяжелыми явленіями со стороны нервной системы, (сонливость, бредъ, параличь языка). Языкъ и гортань у больныхъ дѣлались черными, тѣло у нѣкоторыхъ покрывалось петэхіями и больные умирали въ страшныхъ страданіяхъ, мучимые постоянной жаждой. Къ такимъ явленіямъ общимъ и обыкновенной чумѣ присоединялось пораженіе дыхательныхъ органовъ: у больныхъ болѣла грудь, они харкали кровью и дыханіе ихъ распространяло зловонный запахъ. Во Франціи, въ продолженіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ господства болѣзни, бубоны отсутствовали и больные умирали въ первые три дня, съ явленіями страданія только дыхательныхъ органовъ и нервной системы. Въ Италіи же болѣзнь

---

[1]) Впрочемъ постепенное распространеніе чумы, при посредствѣ перевоза, принимается не всѣми историками медицины, такъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ Hecker—допускаетъ аутохтонное зарожденіе болѣзни въ разныхъ странахъ.

[2]) См. Dr. Carl Martin. Versuch einer geograph. Darstellung einiger Pestepidemien, въ Petermann's Mittheilungen 1879, т. XXV, № 7, *стр. 260*; также и Hecker, *стр. 43.*

[3]) Въ послѣдней наиболѣе сильно чума дѣйствовала лишь въ слѣдующемъ 1349 году.

проявлялась сначала „большими нарывами", въ пахахъ и подъ мышкой. Во всѣхъ странахъ вообще, по отношенію къ способности зараженія, не существовало различій, ни въ полѣ, ни въ возрастѣ. Смертность заболѣвшихъ и число заболѣваній было громадно. Мы говорили уже, что въ одномъ Китаѣ погибло, будто-бы, 12 милл. За исключеніемъ этой страны, во всей Азіи, какъ доносили папѣ, число жертвъ равнялось 23,840,000 ч. Эти цифры могутъ показаться невѣрными, если въ подтвержденіе ихъ мы не имѣли бы точныхъ данныхъ о смертности въ Западной Европѣ. Здѣсь мы приведемъ только нѣкоторыя изъ наиболѣе точныхъ цифръ, такъ во Флоренціи черною смертью умерло: 60,000 ч., въ Венеціи—100,000 ч., въ Парижѣ—50,000 ч., въ Авиньонѣ—тогдашнемъ мѣстопребываніи папъ 60,000 ч., въ Лондонѣ 100,000 ч.; однихъ францисканскихъ монаховъ—124,434 ч., изъ числа 60,000 минноритовъ—30,000; вообще можно, безъ преувеличеній, принять, что Европа потеряла $^1/_4$ часть своего населенія, или около 25 милліоновъ.[1]) Эпидемія обыкновенно продолжалась въ теченіи полугода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ напр. въ Англіи, сопровождалась падежемъ скота. Замѣчательно также, что до появленія болѣзни птицы улетали изъ мѣстъ, которымъ въ скоромъ времени приходилось испытывать заразу.

Мы въ краткихъ чертахъ обрисовали ужасную болѣзнь и ея распространеніе въ Азіи и Европѣ, теперь послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ обратиться къ Россіи и познакомиться съ ходомъ развитія черной смерти въ нашей странѣ.[2])

Какъ мы уже видѣли азіатскія и европейскія хроники полны указаніями на необыкновенныя физическія явленія, на возмущенія природы, которыя предшествовали заразѣ. Въ этомъ отношеніи русскія лѣтописи менѣе богаты такими указаніями. Въ 1328 году мы встрѣчаемъ землетрясеніе въ Новгородѣ,[3]) слѣдующій за тѣмъ годъ отличается засухами,[4]) а 1331 появленіемъ кометы.[5]) Въ 1336, 1338, 1346 г.г.

---

[1]) См. Hecker. *стр. 46, 47 и 55*; Schnurrer, *стр. 327*.

[2]) Если, выше, общій ходъ болѣзни въ Азіи и въ Европѣ, былъ обрисованъ въ общихъ чертахъ, то нельзя того же сказать объ описаніи симптомовъ болѣзни, мы привели всѣ тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у западно-европейскихъ писателей—врачей, историковъ и литераторовъ, и если эти описанія кратки и не вполнѣ удовлетворительны съ медицинской точки зрѣнія—то это вина источниковъ и въ этомъ отношеніи наши лѣтописи, какъ увидимъ ниже, отличаются большими подробностями.

[3]) См. Тверск. лѣт. 417 и Ник. *стр. 140*. Землетрясеніе 1328 г. второе, о которомъ упоминаютъ лѣтописцы; распространеніе ихъ въ такихъ областяхъ, которыя считаются гарантированными отъ нихъ—фактъ знаменательный и на него будетъ обращено вниманіе въ другой работѣ.

[4]) См. Ник. л. *стр. 155*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 75*; Новгр. III л. *стр. 225*. Новгр. IV, *стр. 52*; Воскр. л. *стр. 203*. и Соф. л. *стр. 219*.

были сильныя наводненія,[1]) а въ 1350 г. страшная южная буря.[2]) Голода—передъ эпидеміей мы не встрѣчаемъ въ Россіи. Только 1332 г. отличался неурожаемъ,[3]) обиліемъ же хлѣба 1341.[4]) Такимъ образомъ въ нашей странѣ не было такихъ грозныхъ предвѣстниковъ наступавшаго бѣдствія, какія мы встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ, хотя слухъ о заразѣ распространился по Россіи довольно рано. Къ сожалѣнію первый слухъ объ эпидеміи, въ различныхъ лѣтописяхъ, мы встрѣчаемъ не подъ однимъ годомъ и это различіе не можетъ быть объяснено разностью въ скорости распространенія извѣстія въ различныхъ областяхъ. Такъ въ Никоновской или патріаршей лѣтописи первое извѣстіе о черной смерти на Востокѣ и въ Европѣ мы встрѣчаемъ въ 1345 году[5]). Эта лѣтопись, какъ извѣстно, сборникъ, составленный на основаніи болѣе старыхъ хроникъ и ошибка здѣсь очевидна безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Гораздо труднѣе примирить между собою данныя Новгородской IV, Псковской I и Воскресенской лѣтописи. Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: въ ней дважды говорится о первомъ слухѣ о чумѣ, одинъ въ 1346 г., а другой въ 1350 г.,[6]) Воскресенская лѣтопись о морѣ на Востокѣ говоритъ въ 1346 году,[7]) а Псковская въ 1348 г.[8]) Послѣдній годъ имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, доказываемую и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ болѣзни въ Европѣ. Если Псковская лѣтопись вѣрнѣе другихъ обозначаетъ годъ, въ который Россія узнала о чумѣ, то Воскресенская дѣлаетъ самое подробное и точное описаніе мѣстъ, бывшихъ первою жертвою эпидеміи: „Того же лѣта, говорится здѣсь, казнь бысть отъ Бога на люди подъ восточною страною на городъ Орначь (при устьѣ Дона)[9]) и на Хазторокань, и на Сарай и на Бездежъ (на рукавѣ Волги, ниже Енотаевки), и на прочіи грады во странахъ ихъ; бысть моръ силенъ на Бесермены (Хивинцы) и на Татары и на Ормены (Арияне), и на Обезы (Абазинцы), и на Жиды и на Фрязы (Генуэзцы и Венеціане въ колоніяхъ при Черномъ и Азовскомъ моряхъ) и на Черкасы, и на всѣхъ

---

[1]) См. Новгр. II *стр. 131*; Ник. *стр. 165* и *186*; Новгр. I *стр. 78*; Новгр. IV *стр. 53*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 59*; Ник. *стр. 191*.

[3]) См. Троиц. л., *230*; Соф. л, *220*; Твер. л., *стр. 418*.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 81*.

[5]) См. Ник. л., *стр. 183*.

[6]) См. Новгр. IV, *стр. 57* и *60*.

[7]) См. Воскр. лѣт., *стр. 210*.

[8]) См. Псковск. I л., *стр. 90*.

[9]) Такое опредѣленіе этого города даетъ Карамзинъ (см. примѣч. къ ист. Госуд. Рос. т. IV *стр. 238*, пр. 351) послѣдующія опредѣленія географическихъ терминовъ, встрѣчаемыхъ въ приводимомъ извѣстіи взяты оттуда-же.

тамо живущихъ, яко не бы кому ихъ погребати.[1]) Это извѣстіе нашей лѣтописи о томъ, что черная смерть свирѣпствовала по Сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей вполнѣ согласуются съ данными Западно-европейскихъ историковъ, также какъ съ этими данными согласуется и годъ появленія болѣзни: 1346. Зато здѣсь является другое затрудненіе, не объясненное и даже въ большинствѣ случаевъ незамѣченное изслѣдователями, разработывавшими этотъ вопросъ. Richter, а за нимъ Hecker принимаютъ, что въ Россіи черная смерть появилась въ 1351 г.[2]), Martin—въ 1350 г.[3]); Карамзинъ же и Соловьевъ принимаютъ 1352 г. за начало эпидеміи.[4]) Всѣ эти данныя, кромѣ 1350 г., подтверждаются и лѣтописными свидѣтельствами. Въ Псковской II лѣт., и въ Никоновской—болѣзнь упоминается въ 1351 г., въ Псковской же I лѣт., Новгородской I и IV въ 1352 г.[5]) Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ начало черной смерти въ Россіи нельзя принимать ранѣе 1351 г., но какимъ образомъ согласить тогда этотъ фактъ съ тѣмъ, что въ Польшѣ и Швеціи зараза господствовала уже въ 1349 г., какъ разъ въ то время, когда сношенія съ этими странами Пскова и Новгорода отличались особенною оживленностью. Неужели для эпидеміи требовался цѣлый годъ, чтобы переступить нашу западную границу, когда она почти постоянно переступалась и войсками и мирными посольствами? Если трудно объяснить это явленіе, то еще болѣе трудно понять, какимъ образомъ только спустя пять лѣтъ послѣ появленія черной смерти въ Золотой Ордѣ и на берегахъ Чернаго моря, она явилась въ Россію съ Запада. Если бы Крымъ и устье Волги совершенно не посѣщалось Русскими—то упомянутую странность можно бы было еще объяснить;—но въ дѣйствительности этого небыло: они должны были посѣщать ханскія ставки—не только для торговли, но и какъ зависимые отъ татаръ. Такое противорѣчіе можетъ быть объяснено или тѣмъ, что черная смерть была не контагіозна, что и противорѣчило бы всѣмъ научнымъ даннымъ, или предположеніемъ, что хронологія лѣтописей не точна въ этомъ случаѣ. Быть можетъ рѣшеніе этого вопроса зависитъ и отъ того краткаго извѣстія, которое сообщаетъ намъ Никоновская лѣтопись подъ 1348 г. „Того же лѣта, читаемъ мы въ ней, моръ бысть на люди въ Полотцкѣ".[6]) Къ сожалѣнію это извѣстіе слишкомъ кратко для того, чтобы строить на немъ какое-либо предположеніе.[7])

---

[1]) См. Воскр. л., *стр. 210*; Ник. л., *стр. 183* и Новгр. VI л., *стр. 57*.

[2]) См. Richter, *стр. 205*; Hecker, *стр. 44*.

[3]) См. Martin, *стр. 260*.

[4]) См. Карамзинъ, ист. т. IV, *стр. 278*; Соловьевъ ист. т. 3, *стр. 312*.

[5]) См. Псков. II, *стр. 14*; Ник. *стр. 196*; Новгр. I *стр. 85*; Новгр. IV *стр. 60*; и Пск. I *стр. 190*.

[6]) См. Ник. *стр. 192*.

[7]) Въ виду приведенныхъ фактовъ, путь чумы черезъ Сѣверныя берега Каспійскаго и Чернаго моря въ зап. Европу и оттуда уже въ Россію подлежитъ сомнѣнію и болѣе вѣроятнымъ кажется путь изъ Малой Азіи и Константинополя на Западъ; Richter затронутый вопросъ также не рѣшаетъ.

Не будучи въ состояніи рѣшить предположенный вопросъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыми мы обладаемъ объ исторіи XIV вѣка, послѣдуемъ за нашими источниками въ описаніи распространенія и господства черной смерти въ Россіи. Самыя подробныя извѣстія о заразѣ мы встрѣчаемъ въ Новгородской IV-й лѣтописи, причемъ эти извѣстія вполнѣ согласуются съ данными Новгородской I-й, Псковской и Никоновской лѣтописи.

Эпидемія прежде другихъ областей появилась въ Псковѣ, съ чѣмъ вполнѣ согласуются торговыя сношенія этого города съ Польшей, Прибалтійскими областями и Западной Европой. „Того же лѣта бысть моръ золъ въ градѣ Псковѣ и по селамъ, смерти належащи многи; мроша бо люди, мужи и жены, старыи и младыи, и дѣти, и попове, и черници и черници“[1]). Псковитяне, испуганные неслыханнымъ бѣдствіемъ, обратились съ просьбой о благословленіи къ Новгородскому Владыкѣ Василію. Престарѣлый архіепископъ отправился въ Псковъ, но на возвратномъ пути умеръ отъ заразы на рѣкѣ Узѣ, 3-го Іюля.[2]) Въ то время мысль о предосторожностяхъ противъ распространенія эпидеміи не зародилась еще въ умахъ современниковъ, что и показываетъ тотъ фактъ, что Новгородцы умершаго Василія, съ почестями, привезли въ свой городъ и схоронили здѣсь въ церкви Св. Софіи. Результаты такихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться и скоро чума появилась въ Новгородѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. „Той же осени бысть моръ силенъ въ Новѣгородѣ и въ Ладозѣ; виде смерть въ люди тяжка и напрасна, отъ Госпожина дни паче же до Велика дни“[3]). Въ Псковѣ, такимъ образомъ, черная смерть свирѣпствовала лѣтомъ, въ Новгородѣ же осенью и зимой, отъ 15 Августа до Пасхи. Остальная Россія также сдѣлалась скоро жертвой заразы.... „Того же лѣта бысть моръ силенъ зело въ Смоленскѣ и въ Кіевѣ и въ Черниговѣ и въ Суздале и во всей землѣ рустей смерть люта и напрасна и скора“[4]). Отвѣтить опредѣленно, откуда проникла чума въ центральную Россію, изъ Пскова ли, или черезъ Смоленскъ непосредственно, мы не можемъ, хотя и вѣроятно, что Смоленскъ былъ передаточнымъ пунктомъ по пути эпидеміи къ Востоку. Болѣзнь, въ періодъ своего перваго проявленія въ нашихъ областяхъ, характеризуется симптомами совершенно одинаковыми съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ и во Франціи. „Бяше бо тогда знаменіе смертное сице: хрякнетъ человѣкъ кровью, и до 3 дній

---

[1]) См. Новгр. IV, *стр. 60*; Новгр. I *стр. 85*; Ник. лѣт. *стр. 196*; Псковск. II *л. стр. 14* Псковск. I, *стр. 190*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 62*.

[3]) См. Тамъ же.

[4]) См. Никон. лѣт. *стр. 198*.

бывъ да умретъ“ [1]). Очевидно, что заболѣваніе не сопровождалось бубонами, иначе, что мы и встрѣчаемъ впослѣдствіи, лѣтописецъ непремѣнно упомянулъ бы объ этомъ явленіи [2]). Какъ мы уже видѣли, смертность не ограничивалась ни поломъ, ни возрастомъ; число жертвъ заразы было громадно; въ Псковѣ „попове бо не можаху проводити по единому изъ дворовъ за множество умирающихъ, не успѣвающимъ бо имъ, но веляху комуждо мертвыя своя на церковный дворъ приважывать,, объ нощь бо умершимъ утрѣ обрѣташеся до 30, или и болѣ скопится у единой церкви; а всѣмъ тѣмъ единъ проводъ, отпѣваху надгробную пѣснь, токмо душевную молитву раздрѣшеную комуждо особь измолвливаху, или мужу, или жены, или дѣтямъ, и тако пологаху и по три или по пяти головъ въ единъ гробъ; такоже бяше по всѣмъ церквамъ и негдѣ уже бяше погребати умершихъ, все бо могилье въскопано бяше, ини и подалѣ отъ церкви и опрочь церкви могилье на цѣлыхъ мѣстѣхъ въскопавши погребаху“ [3]). Такую же смертность мы встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ „въ Глухове же тогда ни единъ человѣкъ не остася, вси изомроша, аще же и на Бѣлѣозерѣ“ [4]). Въ эту же эпидемію въ Москвѣ умеръ митрополитъ Ѳеогностъ, великій князь Симеонъ Гордый, братъ его Иванъ Андреевичъ и два сына Іоаннъ и Семеонъ [5]). Въ современной медицинѣ черная смерть,—или что тоже индѣйская чума, относится къ числу сильныхъ, несомнѣнно контагіозныхъ болѣзней, [6]) убѣжденіе въ крайней прилипчивости этой болѣзни, убѣжденіе, которое не трудно было вынести изъ самаго поверхностнаго наблюденія, мы встрѣчаемъ и въ XIV ст. слѣдовательно и въ эпоху современную эпидеміи. Описывая ужасъ, овладѣвшій всѣми, при общемъ бѣдствіи, лѣтописецъ говоритъ: „видяще другъ друга скора умирающе и сами на себя то же ожидающе, имѣнія своя даяху убогимъ и нищимъ, и никтоже не взимаше; аще бо кто что у кого возметъ, въ той часъ неизцелно умираху,“ или „но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣтей, то и тѣ такоже мнози на борзѣ раз-

---

[1]) См. Ник. лѣт. *стр. 198*; Новгр. IV л., *стр. 60*.

[2]) Мнѣніе Heckera (*стр. 30*) не совсѣмъ точно, онъ, основываясь на показаніяхъ Карамзина, полагаетъ, что въ Россіи и въ 1-ю эпидемію появлялись бубоны; у Карамзина такихъ указаній мы не встрѣчаемъ, а если они и есть, то относятся къ послѣдующимъ заболѣваніямъ.

[3]) См. Новгр. IV л. *стр. 61*.

[4]) См. Никон. л. *стр. 198*.

[5]) Подробнаго описанія господства эпидеміи въ Москвѣ нѣтъ. Митрополитъ умеръ 11-го Марта и на той же недѣли сыновья вел. князя Симеонъ и Іоаннъ, самъ вел. князь скончался 26 Апрѣля, а братъ его Іоаннъ 6-го Іюня. (См. Карамз. Прим. къ ист. т. IV, *стр. 243*, пр. 362). Годъ смерти вел. князя, если онъ только вѣренъ, и если мы будемъ считать за начало заразы въ Россіи 1351 г., показываетъ, что черная смерть господствовала во всей странѣ, по крайней мѣрѣ два года.

[6]) См. Hirsch, въ Virchow. Arch f. path. Anat. V. *стр. 508* и его же Handbuch d. Hist.—geogr. Path. I *стр. 109*. Напротивъ Hecker, *стр. 40* и *41*, защищаетъ самостоятельное зарожденіе чумы въ разныхъ мѣстностяхъ.

болѣвшеся умираху. Си же видяще иніи бояхуся преимати отъ умершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившися безумніи, своихъ сродникъ отвращахуся тогда"[1]). Кромѣ убѣжденія въ контагіозности болѣзни, мы встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ еще одно интересное указаніе: „Нѣціи же рѣша: той моръ пошелъ изъ Индѣйскія страны, отъ Солнца града"[2]).

Сильная заразительность, громадная смертность—должны были дѣйствовать поражающимъ образомъ на современниковъ. Оставляя пока въ сторонѣ разсмотрѣніе слѣдствій эпидеміи, обратимся къ исторіи ея дальнѣйшаго господства. Въ Европѣ зараза не прекратилась однимъ появленіемъ. Начиная съ 1358 г. до 1386 г. чума, съ незначительными перерывами, господствовала въ Турціи, Германіи, Италіи, Франціи, Англіи и Испаніи. Одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ изслѣдователей исторіи повальныхъ болѣзней, Hecker, не признаетъ тождественности этихъ эпидемій, которыя онъ считаетъ обыкновенной чумой, съ черною смертью[3]).

Такое воззрѣніе, отчасти какъ бы подтверждаемое обще-Европейскими источниками, самымъ блистательнымъ образомъ опровергается нашими—въ этомъ отношеніи чрезвычайно важными—свидѣтельствами. Въ 1360 г. эпидемія сново появилась въ Псковѣ. „Бысть во Псковѣ вторый моръ лютъ зѣло; бяше тогда се знаменіе: егда кому гдѣ выложится железа, то вскорѣ умираше; мнози же умираху тою болѣзнію, много же время той смерти палежащи на людехъ. Тогда же и Остафей князь преставися, и дѣти его 2 сына Карпъ и Алексѣй"[4]). Очевидно въ этотъ разъ болѣзнь отличалась въ своихъ симптомахъ отъ перваго раза—присутствіемъ бубоновъ, которые встрѣчались, какъ мы знаемъ, въ Италіи и Турціи и въ первую эпидемію; присутствіе опухшихъ и воспаленныхъ железъ не можетъ, такимъ образомъ, считаться признакомъ, отсутствующимъ у черной смерти, такъ какъ и въ эпидеміи 1360 г., мы встрѣчаемъ главный ея признакъ: пораженіе дыхательныхъ органовъ. Въ этотъ разъ зараза вторгнулась въ Россію опять съ Запада, но повидимому ограничилась одною Псковскою областью, за то слѣдующая за тѣмъ эпидемія избрала другой путь, по которому, неизвѣстно по какимъ причинамъ, она не проникла къ нимъ ранѣе, во

---

[1]) См. Никон. лѣт. *стр. 197*; Новгр. IV, *стр. 61*.

[2]) См. тамъ же. Какой городъ разумѣетъ лѣтописецъ сказать трудно. Рихтеръ (*стр. 208*), думаетъ, что градъ Солнца—Heliopolis, вѣроятнѣе, что съ этимъ названіемъ вообще не соединялось какого либо опредѣленнаго понятія.

[3]) См. Hecker, *стр. 52*.

[4]) См. Псковск. лѣт., *стр. 191*; Псковск. II, *стр. 14*; Новгр. IV, *стр. 63*; Никон. *стр. 217*; гдѣ ошибочно эта болѣзнь отнесена къ 1359 году.

время своего перваго опустошительнаго шествія. 1363 г. въ лѣтописяхъ характеризуется засухами и сильными жарами. Болота, лѣса и земля горѣли, рѣки пересохли, мѣста влажныя также[1]). Слѣдующій затѣмъ годъ отличался такими же жарами и бездождіемъ, и въ это-то время на Восточныхъ окраинахъ государства появилась разрушительная болѣзнь. Помимо своего пути, эта эпидемія замѣчательна тѣмъ, что лѣтопись обстоятельно описываетъ признаки заболѣванія и постепеннаго распространенія болѣзни. „Бысть моръ великъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ: хракаху людіе кровію, а иніи желѣзою боляху и не долго боляху, но два дни или три, а иніи единъ день болѣвше умираху, и толико множество бѣ мертвыхъ яко не успѣваху живые мертвыхъ погребати... Тое же осени и той зимы бысть на люди моръ великъ: въ Переславлѣ на день умираше человѣкъ 20 или 30, иногда же 60 и 70, а иногда и до 100 и болѣ. Болѣсть же бѣ сице: преже яко рогатиною ударитъ за лопатку, или подъ груди, или межъ крилъ, и тако разболѣвся человѣкъ начнетъ кровію хракати и огнь зажжетъ, а потомъ потъ, таже дрожъ, и полежавъ единъ день или два, а рѣтко того кои три дни, и тако умираху; а иніи желѣзою умираху, желѣза же не у всякаго бываше въ единомъ мѣстѣ: но овому на шеѣ, а иному подъ скулою, а иному подъ пазухою, другому за лопаткою, прочимъ же на стегнехъ. Бысть се не токмо во единомъ градѣ Переславлѣ, но и во всѣхъ предѣлахъ его. Приде же сіа казнь, послана отъ Бога на люди, съ низу, отъ Бездежа къ Новугороду къ Нижнему и оттолѣ къ Коломнѣ, таже къ Переславлю, потомъ же на другое лѣто къ Москвѣ; таже и по всѣмъ градамъ и странамъ бысть моръ великъ и страшенъ, не успѣваху бо живые мертвыхъ опрятывати, вездѣ бо бѣ мертвіи: въ градехъ и въ селѣхъ, въ домехъ и у церквей, и бѣ туга и скорбь и плачь неутѣшимъ; мало бо бѣ живыхъ, но все мертви, и погребаху же въ едину яму 5 или 6 мертвыхъ, а индѣ 10 и болѣ; а дворы мнози пусти быша, а въ иныхъ единъ остася или два, или женескъ полъ, или мужескъ, или отроча мало“[2]). По приведенному свидѣтельству оказывается, что чума въ 1364 г. распространилась по Нижегородской и Переславской области; изъ другихъ лѣтописей мы узнаемъ, что въ томъ же году эпидемія свирѣпствовала въ Костромѣ, Ярославлѣ и Ростовѣ[3]). Въ 1365 г. зараза явилась

---

[1]) См. Ник. лѣт., *стр. 6.*

[2]) См. Воскр. лѣт. *стр. 12*; тоже мы встрѣчаемъ и въ Ник., *стр. 6* и *7* Richter, слѣдуя послѣдней, относитъ первое появленіе болѣзни въ Нижнемъ Новгородѣ къ 1363 г. Этотъ годъ въ Никоновской лѣтописи поставленъ ошибочно, что доказывается сличеніемъ ея съ другими. Оттого то у Richter'a излагаемая эпидемія распространилась по Россіи отъ 1363 до 1366 г., промежутокъ времени слишкомъ большой даже и для тогдашнихъ средствъ сообщенія.

[3]) См. Троицк. лѣт. *стр. 231*; Софійск. лѣт. *стр. 230*, Ник. лѣт. *стр. 8* и *11.*

въ Торжкѣ, Псковѣ и Москвѣ[1]). „Того же лѣта (т. е. въ 1365 г.) биетъ моръ великъ во градѣ Москвѣ, и по всемъ властемъ Московскимъ. Того же лѣта биетъ моръ на Волоцѣ великъ зело. Того же лѣта биетъ моръ въ Литвѣ великъ зело. Того же лѣта бысть сухмень и зной великъ и воздухъ вурятеся, и земля горитъ, и бысть хлѣбная дороговь по всюду, и гладъ велій по всей землѣ и съ того люди мряху“[2]). Въ два года чума 1364 г. проникла изъ Нижняго-Новгорода въ Литву и сопровождалась 3-хъ-лѣтними засухами, причинившими наконецъ голодъ въ странѣ, который увеличилъ, и безъ того ужасное, бѣдствіе. Эта эпидемія, несмотря на присутствіе бубоновъ, вполнѣ совпадаетъ съ признаками черной смерти, такъ какъ и здѣсь мы встрѣчаемъ кровохарканіе, пораженіе дыхательныхъ органовъ, быстрое теченіе болѣзни и громадную смертность, хотя болѣзнь и представляетъ уже нѣкоторые признаки ослабленія. Если въ первый разъ теченіе ея было на столько бурнымъ, что дѣло не доходило до ясно-выраженнаго пораженія лимфатическихъ путей—то теперь мы встрѣчаемъ этотъ симптомъ, посредствомъ котораго черная смерть связывается со всѣми послѣдующими чумными эпидеміями конца XIV и XV вѣка[3]).

Послѣ мора 1364 и 65 гг. нашъ историкъ медицины Richter упоминаетъ въ XIV в. лишь одну Смоленскую эпидемію 1386 г.[4]). Между тѣмъ въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ указанія, что около 1375 г. зараза снова посѣтила, на этотъ разъ преимущественно южную, Россію. Если прежде, при изложеніи исторіи эпидемій XI, XII и XIII вв., мы имѣли сравнительно мало извѣстій о физическихъ явленіяхъ, предшествовавшихъ появленію болѣзни, то теперь эти извѣстія дѣлаются болѣе обстоятельными. Хотя въ настоящее время связь между послѣдними и эпидемическими заболѣваніями, едвали можетъ быть твердо установлена, но въ видахъ возможно обстоятельнаго изложенія предмета, мы должны здѣсь, хотя вкратцѣ, познакомиться съ данными лѣтописей въ этомъ отношеніи. Въ 1368 г. явилась комета, весна отличалась сильными грозами, жители же страдали отъ голода[5]). Осенью 1369 г. мы встрѣчаемъ сильные дожди и наводненія, быть можетъ въ связи съ послѣдними можетъ быть поставленъ обвалъ горы въ Нижнемъ Новгородѣ[6]). Еще большими особенно-

---

[1]) См. Новгр. II, *стр. 133*; Новгр. IV, *стр. 65*; Ник. *л. стр. 12*. Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ года перепутаны—вѣрный выходъ мы можемъ получить лишь сличая всѣ лѣтописи въ совокупности.

[2]) См. Никон. лѣт. *стр. 13*.

[3]) Въ видахъ этого, едвали справедливо раздѣленіе, которое дѣлаетъ современныхъ чумныхъ эпидемій XIV в. Guido a Cauliaco, различая черную смерть отъ бубонной чумы.

[4]) См. Richter, *стр. 910*, также Martin, *стр. 960*.

[5]) См. Никон. *л. стр. 18* и *23*. Воскр. *л. стр. 14* и *15*.

[6]) См. Софійск. I *л. стр. 231*; Ник. *л. стр. 25*.

стями отличался 1370 годъ. Во всей сторонѣ были сильныя сѣверныя сіянія, снѣгъ покрылся краснымъ налетомъ, зима была очень теплая, весна ранняя; на солнцѣ лѣтописецъ замѣчаетъ темныя пятна „аки звезди," лѣто же было обильно туманами и мглой, „яко за едину сажень передъ собою не видѣти." Эта мгла сопровождалась засухами: „сухмень же бысть тогда велика и зной, жаръ много, яко устрашитесь и вострепетати людемъ; рѣки многа просохша и озера и болота, лѣса и боры горяху, и болота высохши горяху, и земля горяще... и бысть тогда дороговь хлѣбная велика и глядъ вельми по всей земли"[1]). Въ тоже время Россія вела борьбу съ татарами и съ Литвою. Въ 1373 г. „быша зной велицы и жары, и дождя сверху ни едина капля не была во все лѣто, а на кони и на коровы и на овцы и на всякъ скотъ былъ моръ великъ. Потомъ же пріиде моръ великъ по всей землѣ русской"[2]). Этотъ моръ, о которомъ упоминается въ Никоновскомъ Сборникѣ, вѣроятно, тожественъ съ эпидеміей, встрѣчаемой въ немъ въ 1375 г. „тогожъ лѣта моръ бысть въ Кыевѣ" и съ той, о которой говоритъ Новгородская IV лѣтопись подъ 1377 г. „Моръ бысть въ Смоленскѣ"[3]). Въ этихъ краткихъ извѣстіяхъ не дается никакихъ дальнѣйшихъ опредѣленій болѣзни, хотя на основаніи того, что чума и въ это время встрѣчается въ Европѣ[4]), можно предполагать, что Кіевская и Смоленская эпидеміи были, какъ бы, отголоскомъ черной смерти. 1377 г., кромѣ появленія заразы на нашихъ западныхъ окраинахъ, замѣчателенъ и сильными морозами. „Тое же зимы быша мрози велици и студень безпрестанна, изомроша мнози человѣци и скоты и вналехъ мѣстехъ вода обрѣташесь; иссякла вода отъ многихъ мразовъ и въ болотахъ и въ озерахъ и въ рѣкахъ"[5]). Въ 1380 и 1382 г. являлись кометы[6]),—послѣдній изъ нихъ замѣчателенъ еще продолжительной зимой: „тое же весны Благовѣщеніе было въ среду свѣтлые недѣли, а снѣгъ по Благовѣщеніи лежалъ четыре недѣли (слѣдовательно до 20 Апрѣля) и мразы были велицы, и всюду люди ездили с возы на санѣхъ якожъ на крещеніи; толикъ былъ путь крѣпокъ и студенъ и мразы велицы"[7]). Лѣтомъ 1384 г. въ атмосферѣ произошло странное явленіе: „Въ то же лѣто бысть

---

[1]) См. Ник. л. *стр. 26*, *28* и *30*; Троицк. *стр. 231*; Тверск. *стр. 429* и *430*; Воскр. *стр. 17* и *18*.

[2]) См. Ник. л. *стр. 40*.

[3]) См. Ник. *стр. 48* и Новгр. IV *стр. 73*.

[4]) См. Schnurrer т. I, *стр. 344*.

[5]) См. Ник. л. *стр. 54*.

[6]) См. Ник. л. *стр. 130*, гдѣ появленіе кометы ошибочно отнесено къ 1381 г., такъ же какъ и въ Воскр. л. *стр. 42*; Прибл. къ Соф. л. *стр. 98*; Тверск. *стр. 441*; Новгр. IV, *стр. 81*.

[7]) См. Ник. л. *стр. 110*.

помраченіе на многи дни и нощи и птицы падаху на землю, и по водѣ не видяху, камо летѣти, а люди не смѣяху ѣздити по озерамъ и по рѣкамъ"[1]). Голода, въ это время въ Россіи, мы не встрѣчаемъ, хотя внутреннія междоусобія и борьба съ татарами продолжались. Къ этому времени относится разрушительное нашествіе на Россію Тохтамыша. Еще болѣе, чѣмъ отъ татарскаго погрома, странѣ вскорѣ пришлось испытать отъ вновь распространившейся сильной эпидеміи. 1386 г. отличался ранними осенними морозами и вѣтрами, дождями и наводненіями[2]). Въ 1387 г. разразилась повальная болѣзнь. Такъ какъ и въ этотъ разъ она появилась сначала на Западѣ Россіи, то необходимо бросить бѣглый взглядъ на состояніе Европы въ это время. Здѣсь въ 1382 г. сильныя повальныя болѣзни господствовали въ Греціи, Италіи, Франціи, Англіи и Германіи. Въ 1386 г. всю сѣверную Германію охватила „Influenza." Эта болѣзнь поражала $^{9}/_{10}$ населенія, сопровождаемая кашлемъ и катарромъ, она характеризовалась также опухолью миндалевидныхъ железъ и сильными вступительными припадками (сильный жаръ съ бредомъ, часто до 5 дней[3]) Въ Россіи моръ 1387 г. проявился сначала въ Смоленскѣ. „А въ Смолѣнскѣ моръ бысть великъ и около города по волости, только выидеша изъ города 5 человѣкъ и городъ затвориша"[4]).

Въ слѣдующемъ году эпидемія распространилась на Псковъ и Новгородъ. „Той зимы бысть моръ великъ въ Псковѣ, а знаменіе железою; и ѣзди владыка Иванъ въ Псковъ, и молитвою его преста моръ въ Псковѣ. Тогда бысть въ Влудкинѣ городкѣ моръ, и по всему залѣсью железою;" „той же осени бысть моръ силенъ вельми въ Новѣгородѣ; то случися пріити на нѣ по грѣхомъ нашимъ, великое множество христіанъ умре по всимъ улицамъ. Сице бысть знаменіе на людѣхъ: при смерти явится железа, пребывъ три дни абіе умираше"[5]). Эти извѣстія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ встрѣчаются подъ 1388 г., въ другихъ подъ 1389 или наконецъ подъ 1390, 1391

---

[1]) См. Новгор. I л. *стр. 93*, Ник. л. *стр. 144* и *145*.

[2]) См. Ник. л. *стр. 152* и *156*. „Тое же осени быша мрази велицы, вси рѣки и озеры сташа и снѣгъ паде". „Того же лѣта бысть наводь велика врекахъ отъ великихъ дождей".

[3]) См. Schnurrer, т. I, *стр. 350* и *352*.

[4]) См. Новгор. IV л., *стр. 95*; Новгор. II, *стр. 133*; Прод. Воскр. л. *стр. 50* и Ник. лѣт. *стр. 154*; въ послѣднихъ двухъ лѣтописяхъ, эпидемія въ Смоленскѣ, ошибочно отнесена къ 1386 году—чему слѣдуетъ и Richter (см. *стр. 210*), упоминающій только о морѣ въ Смоленскѣ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ послѣднемъ городѣ осталось не пять, а десять человѣкъ въ живыхъ. (Софійск. I лѣт. и Никон. лѣт.).

[5]) См. Новг. IV л. *стр. 96* и Новгр. I *стр. 95*; также Никон. *стр. 158* и *194*—гдѣ моръ отнесенъ къ 1389 г. Новгр. II, *стр. 134*, впрочемъ здѣсь моръ упомянутъ и подъ 1390 г., какъ и въ Пск. II *стр. 17*; Новгр. III *стр. 232*; и Новг. IV *стр. 97*.

и далѣе 1392 г.г. Между тѣмъ при сличеніи всѣхъ этихъ данныхъ оказывается, что рѣчь здѣсь идетъ не объ эпидеміи продолжавшейся въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, а о заразѣ, которая господствовала только въ продолженіи одного года, такъ какъ фактъ прекращенія болѣзни, въ различные годы, связывается съ постройкой въ Новгородѣ церкви въ честь Св. Аѳанасія. Бубоны, быстрые исходы и сильная смертность показываютъ, что чума продолжала господствовать и въ это время. Замѣчательно, что въ 1388 г., „тоя же осени мѣсяца Сентября отъ 5-го дни и до 9-го непрестани дождь шелъ, и потомъ поде снѣгъ и бысть мразъ и студень велія. Тоя-же зимы, отъ Николина дни и до крещенья бысть мразъ велицы безпрестани, и бысть нужа велия и человѣкомъ и скотомъ“ [1]). Такими же сильными морозами и продолжительными зимами отличались 1390 и 1393 г.г., 1394 же сильными наводненіями [2]). Падежемъ скота отличаются 1392 и 1394 гг. [3]). Въ 1395 году „тое же осени бывшу царю Темиръ-Аксаку на ордонскихъ мѣстѣхъ въ приморна и приди на него гнѣвъ Божій: моръ силенъ на люди и на скоты“ [4]). Этимъ извѣстіемъ оканчиваются въ лѣтописяхъ свѣдѣнія о повальныхъ болѣзняхъ въ XV в. Изъ перечня послѣднихъ мы видимъ, что бичъ человѣчества—черная смерть, появившаяся въ половинѣ столѣтія, не ограничилась однимъ опустошительнымъ шествіемъ, но черезъ болѣе или менѣе продолжительные перерывы, все снова появляется въ Европѣ и дѣлается, какъ бы, эндемической. Если это дѣлается очевиднымъ уже изъ исторіи разсмотрѣннаго періода, то тоже подтверждается еще болѣе XV вѣкомъ, отдѣлять который отъ предъидущаго мы, понятно, не имѣемъ никакихъ основаній.

Въ западной Европѣ чума продолжаетъ господствовать во всей силѣ и въ XV столѣтіи. Съ 1401 г. она распространяется изъ Калабріи по Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи и въ 1402 г. по Исландіи. Жертвой болѣзни дѣлаются дѣти, взрослые и старики; въ Испаніи она характеризуется бубонами [5]). У насъ 1401 г. отличается сильными бурями, осенью того же года, лѣтописецъ описываетъ явленіе, напоминающее сѣверное сіяніе „того же лѣта мѣсяца Августа въ нощи в повечери Успенія Пречистые Богородицы отъ полунощія и досвѣта явишась сталпы, а конецъ ихъ в верху яки кровь“ [6]). Въ 1402 г. явилась комета, а съ нею моръ въ Смо-

---

[1]) См. Ник. *стр. 158.*

[2]) См. Новгр. IV *л. стр. 98*; Соф. II *стр. 123*; Воскр. *стр. 64*; Ник. *стр. 255* и *256.*

[3]) См. Ник. *стр. 252*, Соф. II *стр. 123*; Воскр. *стр. 64.*

[4]) См. Никон. *лѣт. стр. 265.*

[5]) См. Schnurrer т. I. *стр. 355* и *356.*

[6]) См. Псковск. II *л. стр. 18.* Ник. *стр. 305.*

ленскѣ[1]). Источники не даютъ описанія болѣзни въ этомъ городѣ, хотя, на основаніи ихъ дальнѣйшихъ извѣстій о заразѣ въ Псковѣ, и изъ того, что мы знаемъ о ея распространеніи въ Западной Европѣ, можно предположить, что этотъ моръ—была чума, которая появилась въ Псковѣ въ 1403 году. Весна этого года отличалась сухостью,[2]) но зато лѣтомъ „бысть много дождевья велми, наполнишася рѣки аки въ весне, и хлѣба Богъ умножи. Того же лѣта бысть моръ во Псковѣ, съ Спасова Дни: ряху перво малые дѣти, потомъ старыя и младыя мужескъ полъ и женескъ и знадѣа бяше такова, а кому явится гдѣ железа, на два или на третей день умираше, а рѣдкой воставаше въ той болѣзни; а пришелъ бяше той моръ изъ Нѣмецъ изъ Юрьева“[3]). Замѣчательно, что эта эпидемія изъ Смоленска и Пскова не распространилась по остальной Россіи, и въ особенности не коснулась Новгорода, который находился съ послѣднимъ городомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Нельзя не обратить вниманія и на тотъ фактъ, что въ эпидемію 1403 г., въ первый разъ говорится о выздоравливающихъ отъ чумы. Когда она прекратилась въ этотъ разъ въ нашихъ пограничныхъ городахъ, мы не знаемъ; перерывъ, свободный отъ заразы, между тѣмъ, не былъ великъ, такъ какъ въ 1406 г., мы снова встрѣчаемъ чуму въ Псковѣ. Зима 1405 г. была безъ снѣгу, весна началась рано, лѣто же отличалось сильными дождями и бурями, также какъ и лѣто 1406 года[4]). „Тое же осени бысть моръ великъ во Псковѣ и по пригородамъ и по волости: мроша и мужи и жены и малыя дѣти железою. Тое же осени бысть дождя много“.[5]) Эта эпидемія, также чисто мѣстная, прекратилась въ слѣдующемъ 1407 г., отличавшимся обиліемъ урожаевъ. 1408 г. замѣчателенъ продолжительной ясной погодой и сильными бурями лѣтомъ, въ Августѣ же „засуха бысть и мрази велици,“[6]) того же лѣта моръ бысть на люди и по многимъ странамъ коркотою: въ волостехъ Ржевскихъ, Можайскихъ, Дмитровьскихъ, Звенигородскихъ, Переяславскихъ, Воладимерскихъ, Юріевьскихъ, Рязанскихъ, Торускихъ, было же индѣ въ Московскихъ волостехъ[7]). Что понимаетъ лѣтописецъ подъ „моромъ корко-

---

[1]) См. Соф. I л. *стр. 252.* Новгр. IV, *стр. 105* и Ник. *стр. 305.* Во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ выставлены различные года для появленія эпидеміи: 1400, 1401, 1402—послѣдній, какъ наиболѣе вѣроятный мы принимаемъ. Странно, что объ этой сильной эпидеміи не упоминаетъ Richter.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 144.* Ник. *стр. 308.* „тоже весны засуха бысть, и вода отнюдь мала зело, и рвы вси сухи быша“.

[3]) См. Новгр. I, *стр. 102.* Новгр. IV, *стр. 106* и прибавл. къ ней *стр. 144*; Псков. II, *стр. 18* и Псков. I *стр. 146*; въ Новгородскихъ лѣтописяхъ эпидемія относится къ 1403 году, въ Псковскихъ же въ 1404 году.

[4]) См. Воскр. *стр. 77.* Ник. лѣт. *стр. 314* и др.

[5]) См. Псков. I, *стр. 197*, Псков. II, *стр. 19*, Новгр. I, *стр. 103.*

[6]) См. Ник. л. *стр. 16*, Воскр. *стр. 82.*

[7]) См. Воскр. *стр. 82*; Соф. I, *стр. 257*; Ник. *стр. 16.*

тою", сказать трудно; въ видахъ большей смертности, о чемъ мы сейчасъ узнаемъ, едвали можно предположить, что это былъ простой бронхитъ, зависѣвшій отъ атмосферныхъ условій, если же мы припомнимъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ черной смерти—было кровохарканіе,—то безъ особой натяжки, можно предположить, что эпидемія 1408 г. была чумной заразой, хотя лѣтописецъ и не упоминаетъ о ея характеристическомъ ея признакѣ, въ это время, бубонахъ. Что смертность въ послѣднихъ повальныхъ болѣзняхъ была очень значительной видно изъ того, что въ 1409 г., митрополитъ Фотій служилъ торжественныя молебны о сохраненіи Русской земли „быша бо тогда и глады мно і моры частыя. И тако убо послѣ Татаръ, і послѣ частыхъ многихъ моровъ начаша множитеся люди въ Русской землѣ"[1]).

Фактъ усиленной плодовитости, послѣ опустошительныхъ болѣзней, замѣченной западно-Европейскими хроникерами, не прошелъ безслѣдно и для нашего лѣтописца, объясняющаго его особенною милостью Бога, которая, для лѣтописца, очевидна и въ томъ, что послѣ молитвъ Фотія, заразы какъ-бы прекратились. Дѣйствительно, послѣ послѣдней эпидеміи 1408 г. мы встрѣчаемъ десятилѣтній промежутокъ, свободный отъ мора. Только подъ 1414 г. источники говорятъ „болѣзнь быша христіанамъ тяжка зело костоломъ, по всѣй землѣ рустей"[2]). Что это за болѣзнь,—мы не знаемъ; Западная Европа въ то время была свободна отъ эпидемій, поэтому и здѣсь мы не можемъ получить никакихъ данныхъ, объясняющихъ терминъ лѣтописца. Нельзя не обратить вниманія только на то, что „костоломъ" не называется моромъ, а просто болѣзнью, тяжкой болѣзнью; неизвѣстно также сопровождалась ли она значительной смертностью.

Новый періодъ въ развитіи чумныхъ эпидемій начинается у насъ въ 1417 г. и продолжается, почти безъ перерывовъ, вплоть до 1438 г. Замѣчательно, что дѣсятилѣтіе отдыха, предшествовавшее появленію вновь эпидемій, не страдало отъ голода и не выдѣлялось никакими необыкновенными физическими явленіями, только зима и лѣто 1417 г. отличались — первая морозами, второе грозами. Въ этомъ же году, въ Россіи появилась чума, въ описаніи которой у лѣтописца, мы встрѣчаемъ знакомыя уже намъ черты. „Тое же зимы мнози людіе отъ мраза изомроша: студена бо была зима вельми. Въ то же лѣто бысть моръ страшенъ въ людехъ въ Новѣгородѣ Великомъ, и въ Лодозѣ и въ Русѣ, и въ Порховѣ, и въ Псковѣ, и въ Торжку,

---

[1]) См. Ник. л. *стр. 33.*

[2]) См. Ник. л. *стр. 55*; Новгр. I, *стр. 105*, Новгр. IV, *стр. 114.*

и въ Твери, и въ Дмитровкѣ и по властемъ ихъ. И толь великъ бысть моръ, яко живіи не успѣваху мертвыхъ погребати, ниже доволни бяху здравіи больнымъ служити, но единъ здравій десятерымъ болемъ служаше; и мнози двори пусты быша, и въ иномъ единъ человѣкъ остася, или два, индѣ едино дѣтище. Болѣзнь же сицева бысть людемъ: преже яко рогатиною ударитъ за лопадку, или противу сердца, подъ груди и промежь крилъ, и разболѣвся начнетъ кровію харкати, и огнь разжетъ, по семъ потъ иметъ, потомъ дрожь иметъ, и иметъ ходити по всѣмъ съставомъ человѣчьимъ подугъ той; железа же не единаче: иному на шею, другому па стегнѣ, овому подъ пазухою или подъ скулою, или за лопадкою и въ паху и на иныхъ мѣстехъ. И въ болѣзни той полежавше отъ житія отхожаху“ [1]). Кровохарканія, бубоны, жаръ, боль въ груди, приводимые лѣтописцемъ какъ признаки заболѣванія, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ опредѣленіи болѣзни. Западная Европа въ тоже время была свободна отъ эпидеміи, которая встрѣчается здѣсь только въ 1418 и 1420 г.г., сопровождаемая обильными урожаями. Чума 1420 г. была особенно сильна въ Германіи, гдѣ въ одномъ Аугсбургѣ умерло 16000 человѣкъ [2]). Такъ какъ непосредственно передъ 1417 г. мы не встрѣчаемъ повальныхъ болѣзней въ странахъ сосѣднихъ съ Россіей, то заразу этого года слѣдуетъ признать чисто туземной, такъ какъ занесъ болѣзни не могъ произойти и съ Востока, иначе чума не могла бы разразится преимущественно въ нашихъ западныхъ областяхъ.

Если чума 1417 г. является изолированной въ Россіи, то ея проявленіе въ 1420 г., очевидно, находится въ зависимости отъ одновременнаго господства болѣзни въ другихъ странахъ, на что указываютъ и наши источники [3]). Между тѣмъ какъ на западѣ эпидемія сосуществуетъ съ обильными урожаями, у насъ съ 1419 г., замѣчательнаго сильными бурями, [4]) начинаются неурожаи „того же лѣта бысть хлѣбъ дорогъ вельми, по всей земли, по три года“ [5]). Въ 1420 г. „не на длъзѣ времени отъ

---

[1]) См. Воскр. II, *стр. 89*; Ник. *стр. 67*, *69* и *70*; Соф. I, *стр. 250*; Новгр. I, *стр. 107*; Новгр. II, *стр. 135* и *136*; Новгр. IV, *стр. 115*; Псков. I, *стр. 202*; Новгр. III, *стр. 236*. Этотъ же моръ ошибочно отнесенъ къ 1418 году.

[2]) См. Schnurrer; т. I, *стр. 365*.

[3]) Кромѣ Ник. лѣт., *стр. 73—76*, руководство этимъ сборникомъ можетъ ввести, въ данномъ случаѣ, изслѣдователя въ грубую ошибку. Составитель лѣтописи заимствовалъ безъ всякой системы свои свѣдѣнія изъ бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ и исторія болѣзни 1420 г. изложена здѣсь такъ, какъ будто еще съ 1419 г. она началась въ Кіевѣ и въ восточ. областяхъ Россіи, что не подтверждается другими лѣтописцами.

[4]) См. Новгр. I, *стр. 108*, Новгр. II, *стр. 138*, Ник. *стр. 73* и *74*. „Того же лѣта апрѣля 9, въ недѣлю, по вечерни, бысть буря велія вѣтряная, и туча, и дождь умноженъ: источницы потекоша воды, акы рѣка сильна, и мольніи и блистаніа и громъ страшенъ бысть“.

[5]) См. Псковск. I. *стр. 205*.

Спасова дни, начаша въ Псковѣ и по всѣмъ волостемъ мрети малыя дѣтины, и потомъ юноша и дѣвы и мужи и жены, и старыи мряху, но мало; и бысть моръ великъ зѣло... И мряху тогда жолезою, отъ Спасова дни и до Крещенія Господня, и тако милостію Божію преста моръ и пришло отъ Нѣмецъ изъ Юрьева“ [1]). Чума, появившаяся около 6 Августа въ Псковѣ, скоро распространилась по другимъ областямъ. „Моръ бысть силенъ на люди, начался на Успеніе Святыя Богородица, на Костромѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Галичѣ, и на Плесѣ, и въ Ростовѣ; и тако вымроша, яко и жита бы жати нѣкому. Того же лѣта снѣгъ палъ на землю, иде 3 дни и 3 нощи, и паде его на 4 пяди и потаялъ; а всякое жито подъ снѣгъ полегло, нѣкому жати, люди померли“ [2]). Не сжатыя нивы лучше всего свидѣтельствовали, какъ велика была потеря отъ заразы, охватившей всю Россію и въ соединеніи съ голодомъ, угрожавшей опустошить въ конецъ страну: „и мало людей по всѣй русской землѣ остася отъ мору и отъ меженины“ (голоду) [3]). Зима 1420 г. была замѣчательно теплая и „снѣжно вельми много, и потомъ на весну (т. е. 1421 г.) бысть вода велика и сильна зѣло, и наполнишася источница водній и озера, и въ Новѣгородѣ много города вода поятъ, и мостъ на Волховѣ снесе, и много поятъ святыхъ церквей и монастырей и иконъ святыхъ и книгъ много потопе, и бысть та вода чрезъ все лѣто велика велми“ [4]).

Въ тоже время чума не прекращалась; начавшись съ 1417 г., она продолжала господствовать безъ перерывовъ вплоть до 1528 г., хотя въ тоже время западная Европа и была свободной отъ эпидемій. 1421 годъ, отличавшійся, какъ мы видѣли, наводненіями, былъ не свободенъ и отъ голода и отъ заразы: „Въ си два лѣта бысть гладъ и моръ великъ, и наметаша мертвыхъ три скудельницы, одину у святыи Софіи за олтаремъ, и двѣ у Рождества на полѣ“ [5]). О болѣзни этого года, называя ее опять „коркотною“, говорятъ исключительно Новгородскія лѣтописи, почему и можно предполагать, что на этотъ разъ чума не распространилась по всей странѣ. Въ 1422 и 1423 гг., хотя лѣтописи и упоминаютъ о „морѣ и гладѣ“, но мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что эти упоминанья не должны относиться къ предъидущему или послѣдующему годамъ; напротивъ, провѣряя эти данныя, дѣлается почти несом-

---

[1]) См. Псковск. II л. *стр. 28*; Новгр. I л. *стр. 109*; Новгр. IV л. *стр. 119*.

[2]) См. Воскр. *стр. 90*. Софійск. I, *стр. 262*; Новгр. III *стр. 237*, Соф. II *стр. 141*. Замѣчательно, что въ послѣдней эпидемія 1420 г. называется „болѣзнь коркотная“. Это подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное выше, что зараза 1408 г. была чума.

[3]) См. Ник. л. *стр. 76*.

[4]) См. Псков. I л. *стр. 202* и *203*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 110*; Софійск. II, *стр. 142*; Воскр. *стр. 91*.

неполнымъ, что 1422 г. ошибочно поставленъ вмѣсто 1421, а 1423 вмѣсто 1424[1]). Въ послѣдній годъ чуму мы встрѣчаемъ во всей Россіи: „Тогожъ лѣта въ Нѣмцехъ і въ Литвѣ, і во Псковѣ, і въ Новградѣ, і въ Твери, і на Москвѣ, і во всей русской земле начаша моръ быти і железою и охракъ крови и умираху человѣци, и бысть туга и скорбь велия по всей земле“[2]). Изъ Тверской лѣтописи мы узнаемъ, что этотъ моръ былъ и въ Калинѣ, изъ Новгородскихъ же, что онъ распространился за Волокомъ, и въ Карѣльской землѣ. Всѣ лѣтописи согласны при этомъ въ томъ, что болѣзнь выражалась „железою,“ „охракомъ крови,“[3]) несомнѣнными признаками чумы, хотя странно, что Европейскіе источники, противорѣча въ этомъ случаѣ нашимъ, ничего не говорятъ о господствѣ чумной заразы вплоть до 1438 года.

Въ послѣднемъ отношеніи Россія была менѣе счастлива, чѣмъ ея западные сосѣди. Въ ней эпидемія продолжается и въ 1425 г., отмѣченномъ въ лѣтописяхъ болѣе обильнымъ урожаемъ: „Бысть въ Псковѣ хлѣбъ подешевле.... Того же лѣта съ Ильина дни бысть моръ въ Псковѣ и по пригородомъ и по всей волости Псковской и въ Новѣгородѣ и по всей волости ихъ, и вси ираху единою болѣзнью, железою, и ираху отъ Ильина дни и до Крещенія Господня; и тако преста моръ. А князь Ѳеодоръ Патрыкіевичь того мору убоявся, поѣха изъ Пскова со всею челядью своею на Москву, Августа въ 22, обаче и тамо смерти не убѣжа, не по многѣ времени умре на Москвѣ“[4]). Вѣрное князя Ѳеодора, первая попытка избѣжать заразительной болѣзни средствомъ болѣе раціональнымъ, чѣмъ однодневная постройка церкви; къ сожалѣнію этотъ первый шагъ кончился не удачно, что съ иронією замѣчаетъ лѣтописецъ. Моръ, между тѣмъ изъ Пскова и Новгорода, распространился по другимъ городамъ. Въ Твери онъ начался также съ Ильина дни,[5]) захватилъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Дмитровъ,[6]) скоро обнаружился въ Москвѣ и остальныхъ русскихъ областяхъ. Въ Москвѣ появленіе чумы объяснялось двоякимъ образомъ: сперва князя съ митрополитомъ Фотіемъ, вслѣдствіи которой, послѣдній призвалъ, будто бы, на городъ гнѣвъ Божій и второю, болѣе естественной, причиной: „А съ Трекинина дни моръ

[1]) См. Ник. *стр. 79* и *80*; Софійск. I л. *стр. 262*; Новгр. II л. *стр. 140*, Richter, слѣдуя Никоновской лѣтописи, говоритъ о распространеніи болѣзни въ 1422 и 1424 г.; См. l. c. *стр. 240*.

[2]) См. Ник. л. *стр. 81* и *82*.

[3]) См. Тверск. л. *стр. 488*; Новгр. I л. *стр. 110*; Новгр. II, *стр. 140*; Новгр. IV *стр. 120*; Richter (*стр. 240* и *242*) дѣлаетъ ошибочный выводъ, что лѣтописецъ приписываетъ распространеніе заразы—мѣднымъ деньгамъ.

[4]) См. Псковск. II л. *стр. 24* и *26*; Псковск. I, *стр. 203*.

[5]) См. Тверск. л. *стр. 488*.

[6]) См. Софійск. I, *стр. 263*.

великъ бысть на Москвѣ, и пришелъ отъ Нѣмецъ въ Псковъ, и оттоле въ Новгородъ вел. и до Тверь и на Москву доиде, и на всю землю русскую, по всѣхъ местехъ моръ бысть великъ зело"[1]).

Въ 1426 г. эпидемія продолжалась: „Тоеже осени бысть моръ великъ во Псковѣ, и въ Новгородѣ въ Великомъ, и въ Торжку и во Твери, и на Волоцѣ, и въ Димитровѣ, и на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Русскихъ и во властѣхъ и селыхъ"[2]). Жертвой заразы сдѣлались князь Иванъ Васильевичъ Ярославскій, Семенъ и Ярославъ Владиміровичи; болѣзнь, продолжаясь около шести мѣсяцевъ, на время прекратилась въ этомъ же году: „того же лѣта преста моръ, на зиму, во Псковѣ и по всей волости; а былъ той моръ во Псковѣ отъ Ильина дни и до Крещенія Господня;"[3]) за то въ слѣдующемъ 1427 г. эпидемія проявилась съ новою силою, хотя на этотъ разъ въ ея описаніи, мы видимъ нѣкоторыя видоизмѣненія: „Моръ бысть великъ во всѣхъ градехъ рускихъ по всѣмъ землямъ, и мерли прыщемъ, кому умереть ино прыщь синъ, и въ третій день умираше, а кому живу бытиї ино прыщъ черминъ да долго лежитъ дондеже выгниетъ и после того мору, какъ послѣ потопа, толико лѣтъ людї не почали жити, но маловѣчниї и худї и щадушниї начаша быти. Тогожъ лѣта въ тоижъ моръ преставися кн. Василій Владиміровичъ, внукъ Андреевъ"[4]). Въ этомъ описаніи, вмѣсто кровохарканія и бубоновъ, мы встрѣчаемъ „прыщи" черные и синіе, при чемъ продолжительность болѣзни, въ случаяхъ летальнаго исхода, ограничивалась тремя днями; въ случаѣ же выздоровленія—затягивалась на неопредѣленное время. Естественно здѣсь возникаетъ вопросъ: „прыщъ", какъ новый симптомъ, былъ ли признакомъ новаго рода болѣзни или это была все таже чума, перешедшая, послѣ своего проявленія кровохарканіемъ и затѣмъ бубонами, въ новую стадію развитія? Отвѣтъ на подобный вопросъ мы можемъ дать лишь впослѣдствіи, когда коснемся общихъ выводовъ и результатовъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ исторіи распространенія повальныхъ болѣзней въ нашей странѣ.

Послѣ послѣдней описанной заразы, мы встрѣчаемъ снова промежутокъ въ 14 лѣтъ, отъ 1428—1442, свободный отъ эпидемій, хотя въ тоже время въ физическихъ условіяхъ страны и замѣчалось много особенностей. Такъ въ 1430 г. въ Россіи были засухи, отъ обширныхъ лѣсныхъ пожаровъ, по странѣ распространился

---

[1]) См. Ник. л. *стр. 84* и *85*; Воскр. *стр. 85*.

[2]) См. Софійск. II, *стр. 143*; Софійск. I, *стр. 92*; Воскр. *стр. 93*.

[3]) См. Псковск. I, *стр. 203* и Новгр. IV, *стр. 121*.

[4]) См. Ник. *стр. 94*; Софійск. I, *стр. 263*, Софійск. II *стр. 143*; Воскр. *стр. 94*.

дымъ, между птицами и рыбами свирѣпствовала сильная смертность[1]). 1433 годъ былъ особенно обиленъ грозами[2]). 1434 годъ въ Россіи отличался урожаями, въ остальной же Европѣ голодомъ[3]). Въ 1435 г. рожь въ „Петрово говѣніе“ была побита морозомъ;[4]) 1436 годъ отличался ранними осенними морозами, сильными наводненіями и вслѣдствіи этого голодомъ[5]). Не смотря на такія разнообразныя условія, всѣ эти годы были свободны отъ повальныхъ болѣзней, обнаружившихся въ 1442 г., отличавшемся сильными морозами и весенними грозами[6]). „Тоя же зимы въ Псковѣ бысть моръ великъ зѣло: многи тогда ряху мужи и жены и младые дѣти, и аще кому явится железа, то наскоры умираше; а почале мерети канунъ Микулина дни зимняго, и почале изъ заулка изъ Пустынкя отъ каменной церкви Христовѣ, и ряху все лѣто“[7]). Въ приведенномъ отрывкѣ указывается мѣсто возникновенія болѣзни, не смотря на которое, мы принуждены связать и съ Западно-Европейскими эпидеміями. Тамъ чума началась еще съ 1438 г.; въ Германіи она достигла наибольшей силы въ слѣдующемъ году и продолжала господствовать еще въ продолженіи двухъ лѣтъ. Замѣчательно, что кромѣ быстраго теченія (были случаи, окончившіеся летально въ первые 24 часа), въ этотъ разъ болѣзнь характеризовалась сонливостью поражаемыхъ ею; больные нерѣдко спали трое сутокъ, причемъ насильственное пробужденіе угрожало смертью. Послѣ чумы людей, въ Германіи и Италіи, въ 1442 г. наступилъ сильный падежъ лошадей[8]). То же самое мы встрѣчаемъ и въ Россіи, гдѣ зараза прекратилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ 1443 г.: „преста моръ въ Псковѣ на Дмитріевъ день, и по пригородамъ и по волостемъ еще мерли и до Крещенія Господня,“[9]) и въ тоже время „бысть межемина по всей земли...скотъ померль, а люди (въ Твери) мерли по улицамъ“[10]). Этотъ падежъ скота, а въ особенности лошадей, встрѣчается и въ 1445 г.,[11]) когда отъ голода, въ особенности

---

[1]) См. Новгр. I, *стр. 3*, Ник. *стр. 96* и *97*; Софійск. I, *стр. 264*, Софійск. II *стр. 141*, Воскр. *стр. 95*.

[2]) См. Псковск. I л., *стр. 207*; Псковск. II *стр. 27*.

[3]) См. Псковск. I, *стр. 209*.

[4]) См. Псковск. I. *стр. 209*; Псковск. II, *стр. 28*.

[5]) См. Новгр. I, *стр. 121*· Псковск. I л., *стр. 210*; Ник, *стр. 126*.

[6]) См. Ник. л. *стр. 158*.

[7]) См. Псковск. II л., *стр. 30*; Псковск. I, *стр. 121*.

[8]) См. Schnurrer, *стр. 369*, *370* и *371*.

[9]) См. Псковск. I, *стр. 212*; Псковск. II л., *стр. 30*.

[10]) См. Тверск. лѣт. *стр. 492*.

[11]) Въ Ник. лѣт. (*стр. 191*, *193* и *194*) подъ 1444 г. мы читаемъ: „А зима была тогда люта и зла велми, а сѣно было дорого, и кони вымерли. А Новгородѣ восхотеща ср ки. Иваномъ Володим.

въ Новгородѣ, погибло много и людей[1]). Тоже самое произошло и въ 1448 г., въ которомъ голодъ былъ замѣненъ повальной болѣзнью, впрочемъ неособенно сильной: „А на лѣто бысть моръ на кони и на всяку животину, и на люди былъ, да не многъ“[2]).

Въ 1448 г. эпидеміи въ Россіи прекратились и мы ихъ не встрѣчаемъ опять, какъ это ни странно, въ продолженіи 14-ти-лѣтняго промежутка, который въ тоже время не чуждъ такихъ явленій изъ области физическаго міра, которыя были въ состояніи обратить на себя вниманіе лѣтописца. Этотъ промежутокъ и въ другихъ странахъ былъ свободенъ отъ повальныхъ болѣзней, которыя начались съ новою силою въ Германіи съ 1464 г., отличавшагося обильными урожаями. Эпидемія этого и слѣдующаго года, причинила обширныя опустошенія. Въ одномъ Аугсбургѣ умерло, будто бы, 11,000 ч., въ Эрфуртѣ 28,000; заразу называли: „черная немочь,“ и въ 1466 г. она распространилась по Франціи и Испаніи[3]). Наши лѣтописи, еще за годъ до распространенія болѣзни въ Германіи, подъ 1463 г., упоминаютъ о повальной болѣзни: „того же лѣта, отъ Сентября мѣсяца, до Филиппова заговѣнія, отъ коросты люди мерли мнозіе“[4]). Эта эпидемія, не носящая въ приведенномъ описаніи никакихъ признаковъ чумы, во всякомъ случаѣ не можетъ быть поставлена въ связь съ несомнѣнно чумными эпидеміями, начавшимися съ 1465 года. Не безъ интересно быть можетъ здѣсь замѣтить, что 1464 г.—отличался сильными лѣтними дождями и чрезвычайно обильными урожаями[5]). Въ слѣдующемъ году „бысть въ Псковѣ моръ силенъ, и почя мрети изъ Опочскаго конца отъ Ронатайловица у Ѳедорка у Царьска сына, пріѣхавъ изъ Юрьева преставися мѣсяца Іюля 23,—а былъ той моръ въ Псковѣ, и въ пригородѣхъ, и во всей волости Псковской и по 2 годы“[6]). Лѣтописецъ указываетъ на мѣсяцъ и число, въ которое началась эпидемія, указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣсто ея перваго проявленія и способъ заноса, хотя изъ этого

вти воевати нѣмецъ; и начаша вто время у Новгр. кони мерети много и во градехъ и въ властехъ, а люди почаше болезновати велми. Въ тоже время Псковичи послали были въ Новгр. послы своя — мира и любви покрѣпити, и услыша въ Новгр. на кони и на люди бодезнь велми, отъѣхаша изъ Новгр. безъ миру“. Мы не встрѣчаемъ подобнаго извѣстія подъ этимъ годомъ ни въ Псковскихъ, ни въ Новгородскихъ лѣтописяхъ—очевидно здѣсь говорится о событіяхъ 1445 г.

[1]) См. Новгр. III, *стр. 240* и Новгр. IV, *стр. 123* и *124*.

[2]) См. Новгр. IV, *стр. 146*; Софійск. I *л. стр. 369*; Ник. I, *стр. 215*; Воскр. *стр. 121*, въ послѣдней, впрочемъ, этотъ падежъ и моръ ошибочно отнесены къ 1449 г.

[3]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 10*, *11* и *19*.

[4]) См. Воскр. *стр. 150*.

[5]) Псковск. I, *стр. 222*.

[6]) См. Псковск. I лѣт., *стр. 229*; Софійск. I, *стр. 272*.

извѣстія мы не узнаемъ симптомовъ болѣзни, на которые та же самая лѣтопись указываетъ въ 1466 году. Изъ вышеприведенной выписки можно вывести заключеніе, что болѣзнь продолжалась въ Псковѣ непрерывно два года, между тѣмъ—это заключеніе не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ слѣдующемъ году источники снова говорятъ о проявленіи болѣзни. Въ 1466 году „Маіа 14, снѣгъ палъ чяди и лежа два дни. Того же мѣсяца 26 снѣгъ лежа день. И Августа мѣсяца 18 празъ былъ, и другій празъ былъ того же мѣсяца 27 и яръ побилъ“ [1]). Той же осени посла Богъ казнь на градъ и на люди, за умноженіе грѣхъ нашихъ, бысть моръ великъ въ Псковѣ и по пригородамъ и по всѣй волости Псковской: начатъ мерети по Сошествѣ дни лѣтопроводца, и бысть самъ напоръ и много надежа христіянъ на Рожественное говѣнію, въ одиу яму погребаши по 3 и больше, а во всякомъ концѣ по нозадѣ скудельницы ископаша и тамо кладоша мертвыя; а проша сице: аще у кого явится железа, то на другій или на третій день умираше... и потомъ (т. е. 8-го Декабря, когда въ одинъ день всѣмъ городомъ была построена церковь) нача поменьше мерети, и проша до великаго заговѣнья“ [2]). Эта бубонная чума свирѣпствовавшая въ Псковѣ зимою 1466 и 1467 гг., захватила Новгородъ, хотя у насъ нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, что она распространилась за предѣлы сѣверо-западнаго края [3]).

Послѣ тотчасъ описанной сильной чумной эпидеміи въ XV вѣкѣ, мы встрѣчаемся еще два раза съ повальными болѣзнями въ Россіи. Одна изъ нихъ свирѣпствовала въ Новгородѣ, другая въ Псковѣ. Въ 1478 г., послѣ борьбы перваго города съ Великимъ княземъ, „тоя же зимы, бысть моръ въ Великомъ Новгородѣ: мряху бо старые мужи и жены и молодыя дѣтки, выкопаютъ яму, ино въ тую яму положатъ 2 и 3 и 10 человѣкъ въ одну яму“ [4]). Этотъ же моръ, какъ мы узнаемъ изъ другой лѣтописи, продолжался и весною этого года, [5]) вслѣдствіи чего великій князь Иванъ Васильевичъ „не поѣхавъ въ Новгородъ того дня, понеже бо моръ бы у нихъ тогда“ [6]). Подобную же участь испыталъ Псковъ въ 1486 и 1487 гг.: „Того же лѣта (1486) бысть моръ въ Псковѣ: мряху мужи и жены и малыя дѣти,

---

[1]) См. Воскр. лѣт., *стр. 151.*

[2]) См. Псковск. I, *стр. 231*; Псковск. II, *стр. 35.*

[3]) См. Воскр., *стр. 151*; Новгр. II, *стр. 141*; Новгр. IV, *стр. 127* и *132*; Richter, слѣдуя Софійской лѣтописи, думаетъ (*стр. 244*) что только въ одной Новгородской области отъ эпидеміи 1466 и 1467 гг. погибло 230, 602 человѣка.

[4]) См. Псковск. I, *стр. 259* и *261*; Псковск. II, *стр. 38.*

[5]) См. Софійск. I л. *стр. 19.*

[6]) См. Софійск. II, *стр. 220*; Воскр., *стр. 198*; Ник., *стр. 106.*

по пригородамъ и по волостямъ“ [1]). Желая умилостивить Бога, Псковитяне 26 Августа въ одинъ день построили церковь [2]). Это средство оказалось, повидимому, недѣйствительнымъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году, была выстроена другая церковь для этой же цѣли; не смотря на то „князь Ярославъ преставися во Псковѣ въ моръ, и положиша его Псковичи во Святый Троицы; и преставися сынъ его, да и княгиня его, а положены быша на Завеличьи въ Иванѣ святымъ; а преставися князь и сынъ его мѣсяца Октября въ 4 день“ [3]). Изъ приведенныхъ здѣсь извѣстій лѣтописцевъ о двухъ эпидеміяхъ 1478 и 1486 гг. мы не можемъ вывести опредѣленія повальной болѣзни, хотя несомнѣнно, что эти болѣзни причинили большую смертность и во Псковѣ и въ Новгородѣ. Указанія на родъ данныхъ эпидемій мы можемъ получить изъ хроникъ Западной Европы, въ которой чума господствовала въ 1477 г., а въ 1485 г. явилась новая повальная болѣзнь „потная лихорадка“ (Febris miliaris [4]). Изъ этихъ свидѣтельствъ мы, безспорно, можемъ заключить, что моръ въ Новгородѣ въ 1478 г.—былъ той же чумой, между тѣмъ какъ такое-же заключеніе мы не можемъ сдѣлать о связи Псковской заразы и „Febris miliaris,“ такъ какъ послѣдняя болѣзнь въ 1485 г. проявилась только въ Англіи, на континентѣ же она распространилась гораздо позже и такъ какъ трудно предположить, чтобы лѣтописецъ ни одного слова не сказалъ о своеобразныхъ признакахъ этого заболѣванія. Поэтому-то гораздо проще принять, что и Псковская эпидемія была бубонная чума и если наши источники ни слова не говорятъ о ея симптомахъ, то объясняется это быть можетъ тѣмъ, что эта, нѣкогда столь страшная и удивительная, болѣзнь сдѣлалась обыкновенной, хотя и не менѣе опасной.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему столѣтію, мы должны сдѣлать указаніе еще на одно извѣстіе нашихъ лѣтописей, касающееся также эпидемической болѣзни, хотя и менѣе опустошительной, чѣмъ чума, но за то скоро сдѣлавшейся эндемической и продолжающей господствовать въ странѣ и до сихъ поръ. Въ концѣ XV в. въ Европѣ появилась новая болѣзнь „Die Französische“ „francese“ или, какъ ее называютъ въ новое время,—„сифилисъ“ [5]). Въ предѣлы нашей задачи не входитъ разсмотрѣніе исторіи возникновенія этой болѣзни на Западѣ; намъ интересны только пер-

---

[1]) См. Псковск. I, *стр. 267.*

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же Соф. I *стр. 23,*—гдѣ эпидемія и смерть князя ошибочно отнесены къ 1488.

[4]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 18, 23* и *24.*

[5]) О распространеніи сифилиса. См. Schnurrer, т. II, *стр. 33—47* и Richter, *стр. 250, 263.*

выя свѣдѣнія о ней въ Россіи, гдѣ мы и встрѣчаемъ первое упоминаніе о болѣзни въ 1433 году: „Явися, говоритъ лѣтописецъ, въ Полши новая немощь, глаголемая Франца, юже нѣкая жена, ходяще на отпусты, принесе оѳ зъ Риму до Кракова“. Объ этой же болѣзни приказываетъ навести справки своему посольству въ 1499 г. 30 Мая, вел. кн. Иванъ Васильевичъ: посолъ Мамоновъ долженъ былъ узнать въ Вязьмѣ, не прибывали-ли туда изъ Смоленска люди, больные накожными сыпями—Французской болѣзнью—и правда ли, что эта болѣзнь началась въ Вильнѣ[2]). Къ сожалѣнію, до насъ не сохранились отвѣты посольства Великому Князю. Появленіе сифилиса на западныхъ окраинахъ нашего государства заключаетъ собою исторію развитія эпидемій въ XV столѣтіи, которое передало слѣдующему вѣку не только новую форму болѣзни, но и заразу, уже опустошавшую Россію въ продолженіи 150 лѣтъ.

XVI вѣкъ, для исторіи Россіи, замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Весь онъ наполненъ царствованіемъ Василія III, Іоанна IV, Грознаго, Ѳеодора и Бориса Годунова. Хотя много-знаменательныя историческія событія и не могутъ остановить здѣсь нашего вниманія, однако мы должны указать на нѣкоторыя изъ нихъ, въ виду ихъ непосредственной связи съ исторіей медицины вообще. Западная Европа переживала въ то время глубокіе перевороты: паденіе Византіи, возрожденіе наукъ и искусствъ, открытіе Америки, пороха и книгопечатанія—должны были отразиться на развитіе всѣхъ наукъ и волна пробуждавшейся умственной жизни, хотя слабо, коснулась и Россіи. Въ этой странѣ появляются ученые доктора, приглашаемые на службу въ наше отечество изъ Западной Европы; вліяніе иностранныхъ медиковъ, усиливается въ особенности во время Іоанна IV, воображавшаго себя постоянно больнымъ и продолжается въ эпоху правленія Бориса Годунова. Въ то же время открываются сообщенія съ Англіей, при посредствѣ Бѣлаго моря и при помощи торговли незамѣтно въ страну проникаютъ и науки. Если между тѣмъ благосостояніе отдѣльныхъ частей общества увеличивается, то невыгодныя соціальныя условія большинства населенія, приводятъ страну къ смутной эпохи междуцарствія. Такіе факты не могли не отразиться косвенно, какъ мы это увидимъ, и на развитіе повальныхъ болѣзней, въ которыхъ не чувствуетъ недостатка и разсматриваемый періодъ.

Въ XVI в. первая эпидемія появляется въ 1506 г. и опять-таки все въ томъ же злополучномъ Псковѣ: „Того же лѣта бысть моръ въ Псковѣ золъ велии: иряху бо

---

[1]) См. приб. къ Ипатьев. лѣт., *стр. 360.*

[2]) См. Richter, *стр. 260.*

мужи и жены и малые дѣти, и по приходамъ и по волостемъ; и тотъ моръ безымянной, мряху бо людей много“ [1]). Моръ этотъ непосредственно связывается съ господствомъ чумы повсѣмѣстно въ Германіи отъ 1500—1505, и въ различныхъ мѣстностяхъ той же страны въ 1506, 1507 и 1508 г.г.[2]). Если бы мы даже не имѣли этихъ свѣдѣній, то изъ описаній повальной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Новгородѣ въ 1507 и 1508 г., мы могли бы безъ труда вывести вышеприведенное опредѣленіе болѣзни, вѣроятно уже въ 1506 г. распространившейся изъ Пскова на сосѣдніе городъ, о чемъ лѣтописецъ говоритъ такъ: „бысть моръ въ Великомъ Новѣгородѣ великъ зѣлѣемъ, паде же людей безчисленно, и той бысть моръ по три лѣта; въ послѣднюю же осень, въ лѣто 7016 (1508), помре людей мужеска полу и женьска тма (10,000) и 5000 душъ и 400 безъ четырехъ человѣкъ“ [3]). Эта эпидемія, какъ мы видимъ изъ приведеннаго свидѣтельства, прекратилась въ 1508 г. осенью; между тѣмъ какъ въ Августѣ этого же года были сильныя засухи: „а за много дней (т. е. до 20 Августа, когда большая половина Новгорода выгорѣла) бысть велiе водро и гремяше водро бысть страшно по небесѣхъ и на земли, страшнѣе же небеснаго труса“ [4]). Послѣ 1508 г. повальныя болѣзни не встрѣчаются вплоть до 1521 г., когда „моръ бысть во Псковѣ: мряхутъ бо мужи и жены и старыя и младыя, и отъ гостей и отъ лутшихъ людей безъ мала вси не изомроша, а Москвичамъ то бысть посѣщеніе Божіе моровое не обычно, а почали мерети отъ Ильина дни, а гостей кто пріидется у кого за животъ, и тотъ весь вымретъ; и первое почаша мерети на Петровской улицѣ, у Юрья у Тобулова у своднаго, и князь Михайло Кислица велѣлъ улицу Петровскую замкнути съ обѣю концовъ, а самъ князь побѣже на Руху въ Пастовище“ [5]). Распоряженіе князя Михаила, первый проблескъ у насъ карантинной системы, которую мы встрѣчаемъ въ Европѣ уже въ 1472 г.[6]) Не смотря на такое распоряженіе, въ народѣ еще жива была память о другомъ, по его мнѣнію, болѣе дѣйствительномъ средствѣ противъ заразы: это постройка церкви, къ которой и приступили Псковитяне, когда и въ слѣдующемъ 1522 г., моръ не прекратился: „того же лѣта бысть моръ во Псковѣ и много дворовъ вымерло и стояли пусты; и въ одну скудельницу мертвыхъ

---

[1]) См. Псковск. I, *стр. 291.*

[2]) См. Martin, *стр. 260.*

[3]) См. Новгр. IV, *стр. 136*; интересно, что здѣсь 10,000 называется тьмою; Новгр. III, *стр. 244*, гдѣ прямо говорится что умерло 15,396 чел., Псковск. I, *стр. 281*; Софійск. I, *стр. 24.*

[4]) См. Новгр. II *стр. 147.*

[5]) См. Соф. I, *29*; Псковск. I, *стр. 294.*

[6]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 16.*

положили десять тысячь и полторы тысячи“ [1]); тогда-то поставиша церковь святаго Вардама подлѣ Всемилостиваго Спаса, и моръ не преста. И паки поставиша другую церковь Покровъ Святѣй Богородицы, рекше у Мотыльной гридницы и преста моръ“ [2]). Какими симптомами сопровождался этотъ моръ, лѣтописецъ не говоритъ.

Принимая, между тѣмъ, во вниманіе, что бубонная чума въ 1519 г. господствовала въ южной, а въ 1520 г. въ Сѣверной Германіи, мы можемъ предполагать, что она же распространилась и въ Псковѣ въ 1521 г. Мы не имѣемъ также свѣдѣній о томъ, потерпѣлъ-ли отъ эпидеміи Новгородъ, въ которомъ въ слѣдующемъ 1523 г. вниманіе лѣтописца остановилось на падежѣ скота и птицъ: „Тое же весны, опосли Велика дни, на Троицинъ день пала туча снѣгу велика, да лежалъ снѣгъ на земли 4 дни, да много мерло живота, коней и коровъ и птицы по лѣсу мерли“ [3]). Послѣ этого упоминанія о повальныхъ болѣзняхъ мы встрѣчаемъ въ 1527 и 1530 г.г., въ первомъ: „бысть Великомъ Новѣградѣ моръ зѣло страшенъ въ Деревской пятинѣ въ деревняхъ,“ для уничтоженія котораго поставили церковь 21 Ноября [4]); во второмъ: „на Колываню моръ былъ“ [5]). Никакихъ подробностей ни о томъ, ни о другомъ мы не знаемъ.

Псковская и Новгородская области, между тѣмъ, отдыхали отъ повальныхъ болѣзней въ продолженіи 10 лѣтъ, когда въ 1532 и 1533 г.г. въ нихъ снова явилось моровое повѣтріе. „Того же лѣта (1532), Божіимъ попущеніемъ, бысть во Псковѣ моръ великъ, нача отъ мѣсяца Іюля и до Христова Рождества, яко и воеводамъ градскимъ и сановникамъ изъ града, плача ради людскаго и страха ради смертнаго, вонъ выѣхати, комюдо въ селѣхъ и мѣстихъ тайныхъ ирыскуя и жиляху (начали святить воду, совершать молебны) и оттолѣ по малѣ и повѣтріе преста“ [6]). Въ этомъ же году въ Псковѣ выстроили церковь, хотя моръ не только не переставалъ въ этомъ городѣ, но въ слѣдующемъ году распространился и на Новгородъ: „тое же весны (1523) бысть въ Великомъ Новѣгородѣ, мѣсяца Октября, нача являтися по человѣцѣхъ вредъ, яко прыщь, и тѣмъ начаше мнози человѣцы умирати, и бысть повѣтріе не мало..... а не стало отъ того повѣтріе мужеска полу и женска тысяща человѣкъ

---

[1]) См. Отрывокъ русск. лѣт. по Воскр. списку, *стр. 281.*
[2]) См. тамъ же и Псковск. I, *стр. 294.*
[3]) См. приб. къ Новгр. II, *стр. 198.*
[4]) См. Новгр. III, *стр. 248.*
[5]) См. Отр. Русск. лѣт., *стр. 288.*
[6]) См тамъ же *стр. 288* и *289;* Псковск. I, *238.*

и множая“ [1]). Изъ Новгородской III лѣтописи мы узнаемъ, что болѣзнь въ городѣ и по окрестнымъ селамъ началась „отъ Успенiева дни и архiепископъ Макарiй Великаго Новгорода и Пскова повелѣ всѣмъ православнымъ христiанамъ поститися, отъ маля и до велика, двѣ недѣли, отъ мяса и млека, по единаго днемъ ясти—и попущенiемъ Божiимъ не преста моръ.“ Тогда построили церковь. „И паки моръ нача преставати мѣсяца Генваря съ 6 числа, и потомъ бысть тишина православнымъ христiанамъ“ [2]). Такъ какъ во всей Германiи, Сѣверной Италiи, Францiи и Турцiи въ періодъ времени отъ 1530—1535 гг. безпрерывно свирѣпствовали повальныя болѣзни, по всѣмъ признакамъ походившiя на бубонную чуму, то, вѣроятно, къ послѣднему роду эпидемiй должна быть отнесена и тотчасъ разсмотрѣнная, характеризовавшаяся „воредомъ“ или „прыщемъ.“ Хотя лѣтописецъ и не говоритъ о занесѣ, при описанiи мора 1532 г., но онъ дѣлается, вслѣдствiи одновременнаго существованiя эпидемiи въ Германiи, болѣе чѣмъ вѣроятнымъ; странно только, что болѣзнь не распространилась по другимъ Московскимъ областямъ, которыя не были изолированы, ни отъ Новгорода, ни отъ Пскова.

Опустошенiя, производимыя бубонной чумой на нашихъ Сѣвѣро-Западныхъ окраинахъ были на столько значительны, что въ 1537 г. Новгородцы рѣшились выстроить каменную церковь: „Похвалы Пресвятыя Богородицы въ дѣтинцѣ, Октября въ 15 день, завѣтную отъ мора“ [3]). Такая, по мнѣнiю нашихъ предковъ, крайняя мѣра, не спасла страну отъ страшнаго бича. Хотя послѣ 1532 г. мы не встрѣчаемъ ни чумы, ни какой-либо другой повальной болѣзни въ продолженiи 20 лѣтъ, но за то въ 1552 году, эпидемiи являются съ новою силою и въ различныхъ мѣстахъ Россiи.

Iоаннъ IV, готовясь нанести рѣшительный ударъ Казани, основалъ крѣпость Свiяжскъ, форпостъ русскаго владычества въ непрiятельской странѣ. Въ 1552 г., посланцы изъ вновь построеннаго города донесли царю: „по грѣхомъ пришла немочь великая на государевы люди, цынга и язва, многие и померли и иные мрутъ и больны лежать дѣти боярские и стрельцы и казакi“ [4]). Между тѣмъ какъ на Востокѣ государства началась цынга, вызванная, безъ сомнѣнья, дурными съѣстными припасами Свiяжскаго гарнизона, на Западѣ, въ нѣкогда славныхъ вольныхъ городахъ Новго-

---

[1]) См. Отр. Русск. лѣт. *стр. 289.*
[2]) См. Новгр. III, *стр. 249.*
[3]) См Новгр. III, *стр. 249.*
[4]) См. Ник., *стр. 14* и *15.*

родѣ и Псковѣ появилась хорошо знакомая гостья—чума. „Въ лѣто 7060 (1552) Іюля въ день нача смертоносіе быти въ Великомъ Новѣгородѣ, и съ августа вельми сильные бысть; и Божіимъ попущеніемъ, таково бысть повѣтріе отъ Семена дни 7061 года, до Николина дни мѣсяца Декабря. Священнаго чина иноковъ преставися, и священниковъ и дьяконовъ, безчисленное множество, много еже овдовѣша и инози сами изомроша, яко многія церкви вседневныя безъ службы были многое время, а въ волостѣхъ въ дву или въ трехъ единъ священникъ, и въ велицѣй соборной церкви, во святѣй Софіи только остася шесть священниковъ да два діакона, а было у Святѣй Софіи протопопъ, да осмнадцать поповъ, протодьяконъ, четыре діакона, да архидіаконъ; яко инози человѣци древніи не запомнятъ такого повѣтрія на священническій чинъ; и всеи въ повѣтріе не стало смертоносною язвою, въ Великомъ Новѣградѣ, и по монастыремъ, и въ старой Русѣ и въ пригородѣхъ, и въ волостѣхъ Новгородскихъ, игуменовъ и священниковъ и инокинь и монашескаго чину, священниковъ и діаконовъ и всѣхъ православныхъ христіанъ двѣсти семдесятъ девять тысячь пятьсотъ девяносто четыре человѣки.... и поставиша двѣ церкви. „Октября въ 29 день, Новгородскій архіепископъ Сераніонъ Курцовъ преставися и преста моръ“[1]). Въ приведенномъ описаніи Новгородской эпидеміи замѣчательна большая смертность духовенства, которая бросилась въ глаза лѣтописцу, подобно тому какъ раньше, при описаніи Псковскаго мора, было уже обращено вниманіе на большую смертность „лутшихъ,“ или болѣе богатыхъ людей. Послѣднему городу и въ 1552 г. пришлось испытать участь своего старшаго брата. Здѣсь „бысть моръ великъ во градѣ Псковѣ и по волостемъ: съ седмого четверга Октября до 7 числа положиша въ скудельницу 4000, 8-сотъ и покопаша, и послѣ того въ мѣсяцъ и в 3 дни Ноября до 9 числа положиша въ новую скудельницу 2000 и 7-сотъ и покопаша; мряху бо многіе священники и діаконы младые, а старые Богъ соблюдаше, инози тогда священницы обовдовѣша, мроша тогда многіе простые люди железою. Бысть во градѣ плачь неутѣшный: отцы плакали по дѣтехъ, а дѣти по отцахъ и по матерехъ, а матери по чадѣ; жены же по мужахъ своихъ, а мужи по женахъ своихъ; и въ году положили въ скудельницахъ 25,000, а по буямъ не вѣмъ колько числомъ“[2]). Эта эпидемія въ Псковѣ и Новгородѣ прекратилась въ 1553 г., во время архіепископства преемника Сераніона—Леонида[3]). Изъ словъ Псковской лѣтописи „мроша железою,“ мы безъ труда

---

[1]) См. Новгр. III, *стр. 251* и *252*.

[2]) См. Псковск. I, *стр. 308*.

[3]) См. Ник., *стр. 164*; приб. къ Новгр. II, *стр. 186* и Новгр. III, *стр. 252*.

узнаемъ въ повальной болѣзни 1552 и 1553 гг.—бубонную чуму, которая въ это же время господствовала въ Венгріи, Германіи, Сѣверной Италіи и Франціи[1]).

Въ исторіи эпидемическихъ болѣзней въ Россіи, чума 1552 г.[2]), помимо значительной смертности, имѣетъ и другой громадный интересъ. При описаніи ея господствія, мы въ первый разъ встрѣчаемся съ примѣненіемъ у насъ правильной и весьма суровой карантинной системы, первые проблески которой мы встрѣчали и раньше: въ бѣгствѣ болѣе состоятельныхъ людей отъ заразы и въ распоряженіи Псковскаго намѣстника объ изолированіи улицъ, въ которыхъ проявилась болѣзнь[3]). Карантинныя мѣры 1552 г., описаны въ Новгородской II лѣтописи „того же лѣта мѣсяца Октября въ 16 день, въ пятокъ былъ кличь въ Новѣгородѣ о Псковичѣхъ, о гостѣхъ, чтобы всѣ они ѣхали вонъ, часа того изъ Новагорода, съ товаромъ съ какимъ нибудь: а поимаютъ гостя Псковитина назавтрѣе въ Новѣгородѣ съ товаромъ съ какимъ нибуди, ино его выведши за городъ сжечи и съ товаромъ; а въ Новѣгородѣ вымутъ во дворѣ Псковитина, ино дворника бити кнутомъ, а Псковитина сжечи. И быть застави на Псковской дороги, чтобъ гости съ товаромъ не ѣздили въ Псковъ, ни изъ Пскова въ Новгородъ. И быть во Псковѣ моръ великъ: и учаше являтися моръ втѣпоры и въ Новѣгороди, на Редятинѣ улици, и Новгородци того ради Псковичь изъ Новагорода выслали вонъ и пристолцовъ[4]). Если изъ этого описанія, съ одной стороны мы видимъ строгое проведеніе карантинныхъ мѣръ, то съ другой, оно же показываетъ наивное пониманіе, нашими предками, законовъ распространенія болѣзни: предупредительныя мѣры предпринимаются тогда, когда зараза уже показалась въ Новгородѣ. Если Новгородцы прибѣгали къ учрежденію заставъ, то они же вмѣстѣ съ тѣмъ предписываютъ всѣмъ жителямъ города постъ и строятъ, для избѣжанія эпидеміи, церковь.

Соединяя здоровыя воззрѣнія съ наивными вѣрованіями, лѣтописецъ высказываетъ иногда и такія воззрѣнія, которыя кажутся, какъ бы, заимствованными изъ языка современной науки. Такъ описывая, въ томъ же памятномъ 1552 г., осаду Казани, послѣ того какъ у осажденныхъ была перехвачена вода, лѣтописецъ говоритъ: „ини

---

[1]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 96*; Martin, *стр. 261*.

[2]) Эта эпидемія 1552 г. не предшествовалась никакими, достойными вниманія, необыкновенными физическими явленіями; лѣтописецъ упоминаетъ только (см. Новгр. II, *стр. 156* и Ник. *стр. 155*) о сильной бурѣ, разразившейся надъ Новгородомъ 20 Іюня.

[3]) Какъ видно изъ сообщеннаго, мнѣніе Richter,—о первыхъ карантинныхъ заставахъ лишь при царѣ Борисѣ Годуновѣ—невѣрно.

[4]) См. Новгр. II, *стр. 155*.

начаша воду копати, и не обрѣтоша, но токмо малъ потокъ довопашася сирадомъ, и до взятья взимаху воду с нужею, отъ тоѣ же воды болѣзнь бяше въ нихъ, пухли и умирали съ нея“ [1]).

Послѣ 1552 г. лѣтописецъ упоминаетъ объ эпидемической болѣзни въ Крыму въ 1556 г., смертность здѣсь была на столько сильна, что предполагаемый походъ противъ Москвы долженъ былъ быть отложенъ [2]). Какого рода была эта болѣзнь—мы не знаемъ, также какъ не знаемъ—опредѣленіе болѣзни, господствовавшей въ Полоцкѣ въ 1563 г. Этотъ городъ былъ взятъ Іоанномъ IV, который „въ городѣ оставилъ воеводъ и дѣтей боярскихъ, и бысть моръ, и много людей мерло и дѣтей боярскихъ“ [3]). Если при двухъ упомянутыхъ эпидеміяхъ, въ своихъ краткихъ описаніяхъ, лѣтописецъ не указываетъ никакихъ симптомовъ болѣзни, то при новой заразѣ, охватившей всю западную часть Россіи, мы можемъ дотадываться о родѣ болѣзни изъ исторіи Западно-Европейскихъ эпидемій. Въ періодъ времени отъ 1564—1566 гг. бубонная чума свирѣпствовала въ Испаніи, Франціи, Англіи, Швейцаріи и Германіи [4]). Въ концѣ послѣдняго года она появилась и въ предѣлахъ Россіи. „Тое же осени, былъ моръ въ Полоцку, много людей вымерло, и архіепископъ Трифонъ преставися Полоцкой, и былъ моръ до Николина дни до осенняго, да престалъ, а на весну (1567) прiиде моръ въ Озерища городокъ, и вымерло много, мало осталося; потомъ прiиде моръ на луки и въ Торопецъ, и въ Смоленскъ, и по иногимъ мѣстамъ гнѣвъ Божій былъ великъ.“ Въ то же время „Былъ моръ въ Великомъ Новѣгородѣ отъ Госпожина заговѣнья да до Николина дни осенняго и далѣе, а мерло многое множество людей, мужей и женъ и дѣтей и черницовъ и черницъ, такоже и по селамъ и въ Старой Русѣ; и во Псковѣ почало мерети тое же осени“ [5]). Оба года, въ которыхъ зараза господствовала въ Россіи, не ознаменованы въ лѣтописяхъ никакими замѣчательными физическими явленіями, за то большій интересъ для насъ имѣютъ нѣкоторыя подробности, передаваемыя въ нашихъ хроникахъ при описаніяхъ морового повѣтрія.

Заставы, которыя мы встрѣтили въ Новгородѣ еще въ 1552 г. были употреблены и въ описываемую эпидемію; что строгія мѣры на нихъ принимаемыя не были

---

[1]) См. Никон. лѣт., *стр. 164.*
[2]) См. Никон., *стр. 266.*
[3]) См. Псковск. I, *стр. 314.*
[4]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 108*; Martin, *стр. 261*
[5]) См. Псковск. I, *стр. 317.*

пустыми словами — доказываетъ разсказъ Новгородской III лѣтописи: „Бысть моровое повѣтріе въ Великомъ Новѣгородѣ, и много лѣдей помроша; а которые люди побѣгоша изъ града, и тѣхъ людей бѣглецовъ имаша и жгоша“ [1]). Сожженіе людей, какъ самая крайняя мѣра, быть можетъ, частью оправдывалась грубостью времени и тѣми потерями, которыя постоянно наносила чума нашимъ двумъ Сѣверо-Западнымъ городамъ. Потери эти были настолько чувствительными, что само правительство было принуждено обратиться къ серьезнымъ мѣрамъ для борьбы съ страшнымъ врагомъ. Упоминая о такихъ мѣрахъ, мы встрѣчаемъ въ Новгородской II лѣтописи подъ 1572 г. „Мѣсяца Октября 29, въ понедѣльникъ, въ Новѣгородѣ, которые люди есть на нихъ знамя смертносное у церквей погребати не велѣли, и велѣли ихъ изъ Новагородѣ выносити вонъ за городъ, въ деревню на Водопіаново, за 6 верстъ по Волхову внизъ. Спаскаго монастыря Хутынскаго не доѣзжаючи за версту, и поставиши заставу по улицамъ и сторожей, въ которой улицѣ человѣкъ умретъ знаменіемъ, и тѣ дворы запирали и съ людьми и кормили тѣхъ людей улицею, и отцомъ духовнымъ покаивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а учнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти, бояръ не доложа, ино тѣхъ священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людьми съ болными. Да мѣсяца Ноября въ 4, въ недѣлю, въ Новгородѣ на опричиной сторонѣ, государскій посланикъ Григорій Никитичь Борисова спрашивалъ игуменовъ и священниковъ и старцевъ всѣхъ монастырей про моръ, и сказали, мору нѣтъ нигдѣ.“

Говоря о тѣхъ же заставахъ и предупредительныхъ мѣрахъ, лѣтописецъ передаетъ намъ еще одинъ интересный фактъ, касающійся эпидемій психическихъ — если можно употребить этотъ терминъ. Въ западной Европѣ черная смерть произвела цѣлый рядъ явленій, относящихся болѣе къ психической жизни народовъ, которыя вслѣдствіи своей ненормальности, составляютъ предметъ патологіи духа. Народы, устрашенные грознымъ бичемъ смерти, искали спасенія въ гейслерствѣ, въ благочестивыхъ хожденіяхъ тысячь дѣтей и въ другихъ подобныхъ психо-патическихъ дѣствіяхъ. Въ Россіи мы не встрѣчаемся съ такими явленіями, хотя въ нашей прошлой исторіи есть факты и дѣйствія людей, очень близкіе къ эпидемическому умопомѣшательству. Такъ, разсказывая о повальной болѣзни 1567 г., Псковскій лѣтописецъ говоритъ: „Видѣши сторожи у Чересказо моста въ нощи свѣтъ и людей многое множество, вооружены воинскимъ обычаемъ и поидоша ко Пскову и стражіе устрашилися, страхъ великъ обыде ихъ, а стражи тѣ поставлены стеречи отъ мору“ [2]). Еще болѣе интересное явленіе

[1]) См. Новгр. III, *стр. 253.*

[2]) См. Псковск. I, *стр. 317.*

передаетъ Новгородская лѣтопись подъ 1571 годомъ. Извѣстно, какому дикому разрушенію подвергнулся древній вѣчевой городъ, благодаря подозрительности Іоанна IV, ужасъ, внушенный здѣсь этимъ разрушеніемъ выразился въ эпидемическомъ страхѣ, охватившемъ жителей: „Того-же года (1571), мая въ 25 день, бысть чудо страшно и ужаса исполнено, того дни въ Великомъ Новѣградѣ, на торговой сторонѣ, на Ярославли дворищи, въ церкви каменной святые великомученицы Параскевы, нарицаемые Пятницы: стоящу много народу у литургіи, и послѣ святыя литургія начаша звонити въ колокола, бысть въ то время смятеніе и страхъ велій, и побѣгоша людіе сѣмо и овамо; мужи и жены и всякъ возрастъ, по всѣмъ странамъ, другъ друга спирающе, и гонимы быша невидимою силою Божіею, не весть каме кто идетъ; въ то время купцы помѣтаху лавки своя незамирающе и товары своя отдающе руками своими незнающе; и того дни бысть, грѣхъ ради нашихъ, яко въ разратіи или во иныхъ страстѣхъ рыщуще, и едва удержастися отъ страха сего“ [1]). Заразительность психическихъ дѣйствій, изъ этого разсказа, болѣе чѣмъ очевидна.

Обращаясь къ дальнѣйшей исторіи эпидемій, мы встрѣчаемъ въ XVI в., кромѣ описанныхъ, только еще одну повальную болѣзнь [2]), въ 1592 г., „бысть моръ во Псковѣ, и по засадамъ и на Иванѣ-городѣ“ [3]), „начали мереть съ весны и до осени.“ Эта повальная болѣзнь, безъ сомнѣнья, была продолженіемъ чумной эпидеміи въ 1589 г., начавшейся въ Триполисѣ и Сиріи, въ 1590 г. захватившей Германію и Польшу. Эта эпидемія была въ Россіи послѣдней въ XVI столѣтіи

Новому вѣку соотвѣтствовали и новыя условія жизни. Прикрѣпленіе крестьянъ, Московская централизація, прекращеніе семьи Рюриковичей и многія другія обстоятельства вызвали смутное время, послѣ котораго на престолъ взошелъ домъ Романовыхъ. Послѣдовали измѣненія во всѣхъ сферахъ жизни, исчезла и тѣнь областной самостоятельности, и вмѣстѣ съ нею исчезли и лѣтописи, замѣнившіяся другими видами историческихъ сочиненій. Только одна лѣтопись Новгородская доходитъ до начала XVIII вѣка, и также прекращается съ наступленіемъ новой знаменательной эпохи Императора Петра, которая вызываетъ въ свѣтъ появленіе науки въ Россіи, а съ нею появляются и новыя данныя для исторіи эпидемическихъ болѣзней.

---

[1]) См. Новгр. III л., *стр. 262.*

[2]) Въ 1572 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ по дорогамъ и деревнямъ пали лошади и рогатый скотъ, лѣтомъ же было „ведрено добрѣ и тепло и зпойно.“ (См. Новгр. II, *стр. 142*).

[3]) См. Псковск. I. *стр. 321.*

Если, такимъ образомъ, XVIII вѣкомъ начинается совершенно новый періодъ для исторіи Россіи, то XVII столѣтіе является, какъ бы переходнымъ временемъ, матерьялы для исторіи котораго еще даже не всѣ изданы[1]). Понятно поэтому, что и свѣдѣнія объ эпидеміяхъ этого времени не такъ полны, какъ объ эпидеміяхъ предъидущихъ и послѣдующихъ вѣковъ. Такъ, мы знаемъ, что въ 1602 году Смоленскъ опустошался повальной болѣзнью: „въ то время бысть в Смоленское моровое повѣтрие, заставымъ была отъ Смоленска по всему Смоленскому рубежу. Царь же Борисъ наипаче повелѣ крепити заставы и прибавиша до Брянска, чтобъ никто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ“[2]). Была ли эта эпидемія чумой, сказать трудно, такъ какъ нашъ лѣтописецъ не дѣлаетъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было опредѣлить болѣзнь. За то такія указанія дѣлаютъ источники при описаніи другой повальной болѣзни, распространившейся между царскимъ войскомъ, стоявшимъ противъ Лжедимитрія I-го подъ Кромами: „Грѣхъ ради ниіиде подъ Кромы на ратныхъ людей скорбь велия мышь.... сіе несщастіе вскорѣ послѣдуемо было другимъ, то есть нашедшею болѣзнью поносомъ на воинство Россійское.... Царь же Борисъ это услыхавъ и о томъ оскорбися, и присла всякаго питья и всякаго зелья, кои пригодны къ болѣзнямъ и отъ того же имъ учини помощь велию“[3]). Эта эпидемія была въ 1605 г., въ слѣдующемъ же 1606 г., въ Новгородѣ „бысть моръ великии“[4]). Такъ какъ бубонная чума въ это же время господствовала въ Швейцаріи и Германіи, то мы съ полною достовѣрностью можемъ заключить, что она коснулась и Россіи[5]).

Послѣ 1606 г., въ нашей странѣ, мы не встрѣчаемъ эпидемическихъ болѣзней вплоть до 1630 г., когда моръ „бысть въ Печерахъ и умерло 1700 людей всякихъ, отъ Ильина дни на Рождество Христово“[6]). Если эта, чисто мѣстная, эпидемія не можетъ быть поставлена въ связь съ повальными болѣзнями, господствовавшими въ другихъ странахъ, то тѣмъ легче сдѣлать это съ заразой, обнаружившейся въ 1654 и 1656 гг. въ Астрахани и Москвѣ. Въ 1654 г. мы встрѣчаемъ бубонную чуму въ

---

[1]) Нѣкоторыми рукописными описаніями эпидемій пользовался Richter въ библіотекѣ Сергіево-Троицкой Лавры.

[2]) См. Ник., *стр. 59.*

[3]) См. Ник., *стр. 64*; также: Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ, *стр. 38*, у Richter'a *стр. 362*. Нужно замѣтить, что въ разсматриваемый періодъ въ Россіи существовалъ уже аптекарскій приказъ.

[4]) См. Ник., *стр. 79.*

[5]) См. Martin, *стр. 262.*

[6]) См. Псковск., *стр. 333.*

Египтѣ, Турціи, Венгріи, Даніи и Англіи и понятно, какъ легко эта же чума могла проникнуть съ разныхъ сторонъ въ Россію[1]). Въ Москвѣ смертность отъ этой эпидеміи была на столько сильна, что не доставало духовенства для отпѣванія мертвыхъ, богослуженіе совершалось только въ главныхъ церквахъ, а для того, чтобы воспрепятствовать распространенію болѣзни здѣсь предпринимаются строгія предупредительныя и карантинныя мѣры[2]).

Упоминаніемъ этой чумы оканчиваются извѣстія объ эпидеміяхъ въ XVII столѣтіи Новгородская лѣтопись упоминаетъ послѣ этого еще только одну повальную болѣзнь, по времени уже относящуюся къ эпохѣ Петра Великаго. „Того же года, (т. е. 1710) говорится въ ней, съ мѣсяца Августа, бысть моръ въ Ригѣ, и въ Ругодивѣ, во Псковѣ, въ Изборскѣ, въ Порховѣ, въ Гдавѣ, въ Торжку, и во всѣхъ уѣздахъ Псковскихъ и Новгородскихъ, сущихъ подъ Псковъ; и толикое множество помре людей въ Псковѣ, яко погрѣбати неуспѣваху и на всякъ день у всякой церкви погребутъ человѣкъ 40 или 50 или 60, и иногда и больше, и многіе церкви быше безъ пѣнія, яко священницы помроша; такожде и по волостемъ. И обдержатое смертоносное повѣтріе въ Псковѣ и во всѣхъ вышереченныхъ мѣстѣхъ до Рождества Христова 7219 (1711) года..... Слышавъ такое моровое повѣтріе во Псковѣ преосвященный Іовъ, митрополитъ Новгородскій, яко уже близь Великаго Новгорода не замного верстъ, повелѣ въ Новгородѣ всѣмъ людемъ, отъ мала и до велика и по монастыремъ и весемъ, въ среду и пятокъ на всякой недѣли поститися и ничто вкушати, ни хлѣба, ни воды, такожде и на торжищахъ не повелѣ ничего продавати отъ снѣдаемыхъ, ни хлѣба, ни рыбы.... И тако, милостью всесильнаго Бога не бысть въ Новѣградѣ морового повѣтрія, но въ весѣхъ, не за много верстъ, на Бронницѣ и на Хотиловскимъ Яму, по Московской дорогѣ, и во градѣ Торжку“[3]). Псковская зараза 1710 г. несомненно—бубонная чума, которая въ 1708 г. свирѣпствовала во всей Германіи и Польшѣ, а въ 1710 г.—въ Лифляндіи[4]).

Этой эпидеміей мы оканчиваемъ наше историческое обозрѣніе повальныхъ болѣзней въ Россіи. Съ Петра Вел., какъ уже было сказано, начинается новая эпоха,

---

[1]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 189, 190, 191*; Martin, *стр. 262.*
[2]) См. Richter, *стр. 153.*
[3]) См. Новгр. III, *стр. 277.*
[4]) См. Martin, *стр. 264.*

непосредственно связанная съ нашимъ временемъ, эпоха болѣе извѣстная и изслѣдованная: для желающихъ познакомиться съ нею нѣтъ недостатка въ матеріалахъ и пособіяхъ, предоставляемыхъ обширною литературою XVIII и XIX столѣтій[1]).

---

[1]) Желающіе ознакомиться съ дальнѣйшей исторіей эпидемическихъ болѣзней въ Россіи, могутъ найти много данныхъ въ сочиненіяхъ: Ист. медиц. въ царствов. Петра Великаго, сост. Н. Купріановъ; die Pest. von Dr. Peinlich. Graz. 1878; Dr. Schreiber, Pestilentia 1738—39 in Ukraina. Berlin 1744; Samoilowitz, Pest in Moskau, Leipzig 1785; Ист. очеркъ: Состояніе медиц. въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, сост. Н. Купріановъ; Mertens. Observ. med. Wien, 1778; Orraeus Descript. pest. Petersburg 1784 и мн. др.

ГЛАВА III-я.

„Есть три періода, грозящіе гибелью міру: періодъ язвы, всеобщей войны и уничтоженія словесныхъ договоровъ," говоритъ древне-Ирландскій кодексъ законовъ[1]). Для насъ, въ настоящемъ случаѣ, два послѣдніе момента не имѣютъ значенія, за то тѣмъ большій интересъ имѣетъ первый факторъ, которому народная мудрость приписываетъ такое разрушительное вліяніе на судьбу человѣчества. Замѣняя неопредѣленный терминъ „язва," болѣе широкимъ опредѣленіемъ: „эпидемическая болѣзнь," мы невольно наталкиваемся на вопросъ: что служитъ причиной тому, что повальныя болѣзни въ народной фантазіи играютъ болѣе значительную роль, чѣмъ тысячи другихъ дѣятелей, что даетъ имъ ихъ страшную силу?

Обращаясь къ разсмотрѣнію значенія эпидемическихъ болѣзней въ безконечномъ рядѣ естественныхъ явленій, мы должны опредѣлить ту роль, какую онѣ играютъ въ исторіи человѣчества или въ соціальной наукѣ и въ наукахъ естественно-историческихъ и медицинскихъ. До сихъ поръ большинство историковъ, не только русскихъ, но и западно-европейскихъ, болѣе говорятъ о вліяніи физическихъ условій на развитіе обществъ, чѣмъ всесторонне изучаютъ ихъ и въ этомъ отношеніи едва-ли не послѣднее мѣсто принадлежитъ изученію патологіи человѣчества. Насколько эта область, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма важная для исторіи культуры, чужда историкамъ—всего лучше видно изъ сочиненія первокласснаго историографа Россіи—Соловьева. Описывая княженіе Симеона, этотъ уважаемый историкъ говоритъ: „Если въ княженіе Симеона Русь не испытала ни кровавыхъ усобицъ, ни татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 г. явилась страшная язва—черная смерть; въ 1353 г. она поразила митрополита Ѳеогноста, самого великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея"[2]). Вотъ и все, что мы встрѣчаемъ въ самомъ обширномъ трудѣ, излагающемъ исторію Россіи, о самой сильной изъ числа когда-либо бывшихъ эпидемій. Неужели, между тѣмъ, повальныя болѣзни, руководствуясь въ этомъ случаѣ взгля-

---

[1]) См. С. Г. Мэнъ. „Древнѣйшая исторія учрежденій," *стр. 47.*

[2]) См. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. 3-й, *стр. 312.*

дами историковъ, имѣютъ такое незначительное вліяніе на судьбу государствъ, что о нихъ едва-ли стоитъ упоминать? Самое простое разсужденіе показываетъ ошибочность такихъ мнѣній.

Возьмемъ для примѣра ту же черную смерть, которая такъ кратко описана у Соловьева. Конечно, какъ по смертности, такъ и по широкому распространенію, эта эпидемія не можетъ быть сравниваема ни съ какою другою народною болѣзнью, но за то результаты извѣстныхъ явленій всего легче познаются, когда послѣднія находятся въ наибольшей степени дѣятельности. Такъ и въ нашемъ примѣрѣ. Мы говорили уже, что по счету Hecker'a[1]) въ одной Европѣ отъ чумы XIV ст. погибло около 25 милліоновъ человѣкъ. Хотя историки и указываютъ на усиленную плодовитость человѣческаго рода послѣ черной смерти, но это явленіе могло пополнить убыль лишь въ слѣдующемъ поколѣніи, для современнаго же эпидеміи, потеря $^1/_4$ части всего населенія была неизгладима. Принимая, что чумой жизнь каждаго умершаго индивидуума была укорочена minimum на 10 лѣтъ,[2]) мы видимъ, что XIV вѣкъ, въ общей своей экономіи, потерялъ годовую работу 250 милліоновъ людей, достаточную для того, что бы срыть всѣ горныя цѣпи и изгладить всѣ неровности Европы. Этому, чисто матерьяльному ущербу, понесенному цивилизаціей, соотвѣтствовали и тѣ нравственныя и умственныя слѣдствія, которыя причинила черная смерть. Напрасно историки указываютъ на быстрый прогрессъ въ XV и XVI вв., на эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, на открытіе Америки, книгопечатанія, пороха, на реформацію и другія явленія, наступившія въ исторіи Европы послѣ чумы XIV ст. Никто такого прогресса не оспариваетъ, но изъ того что было, нельзя еще дѣлать выводовъ о томъ, что могло бы быть,—если бы страшная эпидемія не задержала ходъ культуры. Такую задержку мы и встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Вполнѣ справедливо Hecker[3]) указываетъ на то, что въ Западной Европѣ, послѣ черной смерти, съ одной стороны усилился авторитетъ представителей церкви, съ другой же, что ея основнымъ ученіямъ грозила серьезная опасность, такъ какъ начались варварскія преслѣдованія Евреевъ, вызванныя дикимъ фанатизмомъ, и появились толпы флагелантовъ и кающихся, угрожавшихъ пріобрѣсти надъ умами большее вліяніе, чѣмъ догматы католичества. Въ нашей исторіи мы не встрѣчаемся съ послѣднимъ родомъ

---

[1]) См. Hecker, *стр. 55.*

[2]) Такое предположеніе едва-ли вызоветъ противорѣчіе; черною смертью поражались всѣ возрасты и если изъ этаго не составляли исключенія старцы, то также часто умирали и дѣти.

[3]) См. Hecker, *стр. 56 - 75.*

явленій, за то тѣмъ большее значеніе имѣла черная смерть въ исторіи усиленія власти нашего духовенства и въ задержкѣ развитія свободнаго духа изслѣдованія. Народъ, устрашенный ужасами повсемѣстной смерти, переставъ думать о настоящемъ, обращая свои взоры исключительно на будущую, загробную жизнь. И богатый и бѣдный спѣшилъ въ монастырь, чтобы въ иноческомъ чинѣ попасть въ небесную обитель; и тотъ и другой отдавалъ церкви свое имущество, которое не могло доставить безопасности на землѣ, а будучи пожертвованнымъ Богу, ласкало жертвователей надеждою всепрощенія. Поэтому-то въ концѣ XIV и XV вв. въ Россіи появляется множество монастырей, обладающихъ громадными богатствами; богатство же доставляетъ духовенству власть и значеніе.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, на сколько увеличеніе могущества церкви было благотворно для развитія страны; мы выставляемъ только положеніе, что черная смерть была одной изъ непосредственныхъ причинъ такого усиленія—подобно тому какъ она же находилась въ прямой связи съ медленнымъ прогрессированіемъ нашей умственной жизни. Поражая воображеніе современниковъ, эта эпидемія долгое время заставляла ихъ видѣть въ своемъ существованіи проявленіе Высшей Воли и препятствовала стремиться къ естественному объясненію явленій природы. Потому-то лишь, два вѣка спустя послѣ перваго распространенія чумы, у насъ появляются заставы и высказывается желаніе бороться съ страшнымъ врагомъ, между тѣмъ какъ до этого искали спасенія лишь въ покаяніи и въ постройкѣ церквей. Всѣ указанныя слѣдствія черной смерти не могли не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на развитіи народной жизни, не могли глубоко не затронуть всѣ ея стороны. Невыгодная сторона этихъ слѣдствій не могла уравновѣситься и тѣми призрачными выгодами, которыя производятся будто-бы эпидеміями, какъ дѣятелями, способствующими естественному подбору. Нашъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что послѣ мора люди начали рождаться слабыми и хилыми, т. е. здѣсь онъ указываетъ на явленіе какъ разъ противоположное естественному подбору. Можно, пожалуй, усомниться въ точности этого чрезвычайно важнаго извѣстія—если-бы теоретическія соображенія не подтверждали бы его вполнѣ. Допустимъ даже, хотя это и сомнительно, что чумой вырывались изъ общества наиболѣе слабые индивидуумы, и тогда, на основаніи простаго физіологическаго закона, мы должны согласиться съ тѣмъ, что послѣдующее поколѣніе было слабо и болѣзненно, во первыхъ, потому, что по общему отзыву, производительность усилилась,[1]) во вторыхъ же, и потому, что эти выжившія поколѣнія

[1]) Слѣдовательно,—что выигрывалось въ количествѣ, то терялось въ качествѣ.

должны были необходимо воспринять въ свою кровь, хотя и въ самыхъ минимальныхъ количествахъ, болѣзнотворные зародыши[1]). Съ какой точки зрѣнія, такимъ образомъ, мы не разсматривали бы черную смерть, мы видимъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ громадное значеніе, но то, что истина для одной эпидеміи—должно быть вѣрно и для всѣхъ другихъ, различіе здѣсь заключается лишь въ количествѣ, а не въ качествѣ. Если при разстроенной повальной болѣзни милліоны семействъ испытываютъ ужасъ преждевременной смерти—то, при менѣе сильной, тоже чувство овладѣваетъ сотнями и тысячами людей и слѣдствія какъ здѣсь, такъ и тамъ одинаковы и не должны быть оставляемы безъ вниманія желающимъ всесторонне понять и воспроизвести жизнь народовъ.

Какъ мы уже сказали въ самомъ началѣ нашего очерка, исторія эпидемій имѣетъ значительный интересъ и для естественно-историческихъ наукъ вообще. Вопросъ о причинѣ происхожденія повальныхъ болѣзней, о способахъ ихъ распространенія и условіяхъ существованія, вопросъ громадной практической важности, если и не получаетъ полнаго разрѣшенія, то все же значительно выясняется изъ изученія исторіи эпидемій. Выводы о сущности инфекціонныхъ болѣзней, добытые новѣйшей наукой, въ большинствѣ случаевъ подтверждаются и въ приложеніи къ исторіи ихъ господства въ Россіи. Такія приложенія, въ свою очередь, наводятъ на новые вопросы и подкрѣпляютъ или опровергаютъ гипотезы, добытыя наукой другимъ путемъ. Здѣсь не мѣсто излагать теорію инфекціонныхъ болѣзней, читатель ежеминутно убѣждается въ той громадной пользѣ, которую эта теорія приноситъ практикѣ, но это не препятствуетъ намъ, принимая ученіе, сознавать его недостатки. Такихъ недостатковъ не чужда и теорія о „contagium vivum“ въ своемъ приложеніи къ исторіи эпидемій.

Наши лѣтописи подробно излагаютъ исторію семи столѣтій и въ этотъ длинный періодъ упоминаютъ о 47 эпидеміяхъ; число не особенно большое—если мы сравнимъ приведенную частоту повальныхъ болѣзней съ частотой ихъ въ современное намъ время. Этотъ фактъ лучше всего ручается за то, что лѣтописцы упоминали только ясно-выраженныя, поражавшія ихъ эпидеміи. Исторія приведенныхъ 47 случаевъ наглядно показываетъ, что болѣзнь никогда не являлась одновременно въ различныхъ мѣстахъ; она переходила пространства, для нашего времени замѣчательно медленно,

[1]) Съ наибольшей вѣроятностью можно допустить, что и пощаженные черною смертью подвергались отравленію болѣзнотворнымъ агентомъ, подобно тому, какъ въ малярійныхъ мѣстностяхъ и люди не страдающіе явной лихорадкой носятъ въ себѣ слѣды пораженія маляріей.

въ полномъ соотвѣтствованіи съ тогдашнею медленностью средствъ сообщенія. Такое соотвѣтствіе видно и въ направленіи пути эпидемій: исключая двухъ случаевъ, онѣ появлялись постоянно на нашихъ западныхъ окраинахъ и здѣсь опредѣляются четыре пункта—служившіе какъ бы воротами для вторженія заразы въ Россію: Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и Новгородъ. Если при посредствѣ этихъ городовъ мы часто получали изъ Европы ужасный подарокъ, то нерѣдко въ этихъ же городахъ эпидеміи появлялись аутохтонно, безъ связи, и при отсутствіи заразы въ другихъ сосѣднихъ областяхъ. Употребивъ сейчасъ терминъ не особенно любимый въ современной медицинѣ, мы должны замѣтить, что подъ аутохтоннымъ происхожденіемъ мы не подразумѣваемъ самопроизвольнаго зарожденія контагія—мы употребили здѣсь это слово въ его дѣйствительномъ значеніи, въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно можетъ быть приложено къ каждой эпидеміи, такъ какъ каждая эпидемія должна имѣть начало, должно существовать мѣсто, гдѣ болѣзнь проявилась въ первый разъ. Здѣсь мы наталкиваемся, между тѣмъ, на вопросъ въ высшей степени интересный и, къ сожалѣнію, нерѣшенный удовлетворительно до сихъ поръ: чему обязаны своимъ происхожденіемъ эпидеміи, почему въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ появляется контагій—причиняющій болѣзнь? Если этотъ вопросъ безъ затрудненій рѣшается для нѣкоторыхъ общихъ инфекціонно-эпидемическихъ болѣзней (напр. лихорадки), то для другихъ, съ точки зрѣнія біологической, такой легкости рѣшенія не существуетъ. Допустимъ, что причины эпидемій—организмы, все равно животные или растительные, почему эти организмы, существующіе на земномъ шарѣ постоянно,[1]) въ извѣстное время размножаются въ ужасающихъ размѣрахъ, чтобы затѣмъ какъ бы снова изчезнуть. Для объясненія подобнаго явленія придумывались многочисленныя ипотезы и провѣрка ихъ легко можетъ быть сдѣлана и на исторіи эпидемій въ Россіи. Для послѣдней цѣли удобнѣе всего обратиться къ исторіи чумы Новгородской области со второй половины XIV в.—XVI в., такъ какъ здѣсь мы въ своемъ распоряженіи имѣемъ большее количество матеріала. Въ продолженіи 150 лѣтъ здѣсь было 12 ясно-выраженныхъ чумныхъ эпидемій, изъ нихъ 10 начинались въ концѣ лѣта[2]) и продолжались черезъ всю осень, въ большинствѣ случаевъ до Генваря. Думать о непосредственной связи космическихъ вліяній съ происхожденіемъ заразы нѣтъ никакой возможности;[3]) также исключаются: голодъ, войны, гніющія тѣла и т. д.—остается

---

[1]) Мы должны допустить постоянное существованіе на землѣ контагія, потому что иначе пришлось бы допустить самопроизвольное зарожденіе.

[2]) О двухъ остальныхъ нѣтъ извѣстій.

[3]) Даже пресловутыя темныя пятна на солнцѣ трудно связать съ эпидеміями, почему такія пятна дѣйствовали исключительно на Новгородскую область.

Если, такимъ образомъ, XVIII вѣкомъ начинается совершенно новый періодъ для исторіи Россіи, то XVII столѣтіе является, какъ бы переходнымъ временемъ, матеріялы для исторіи котораго еще даже не всѣ изданы[1]). Понятно поэтому, что и свѣдѣнія объ эпидеміяхъ этого времени не такъ полны, какъ объ эпидеміяхъ предъидущихъ и послѣдующихъ вѣковъ. Такъ, мы знаемъ, что въ 1602 году Смоленскъ опустошался повальной болѣзнью: „въ то время бысть в Смоленское моровое повѣтріе, заставныя были отъ Смоленска по всему Смоленскому рубежу. Царь же Борисъ наипаче повелѣ крепити заставы и прибавиша до Брянска, чтобъ никто изъ Литвы и въ Литву не ходилъ“[2]). Была ли эта эпидемія чумой, сказать трудно, такъ какъ нашъ лѣтописецъ не дѣлаетъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было опредѣлить болѣзнь. За то такія указанія дѣлаютъ источники при описаніи другой повальной болѣзни, распространившейся между царскимъ войскомъ, стоявшимъ противъ Лжедимитрія I-го подъ Кромами: „Грѣхъ ради пріиде подъ Кромы на ратныхъ людей скорбь велия мышь.... сіе несщастіе вскорѣ послѣдуемо было другимъ, то есть нашедшею болѣзнью поносомъ на воинство Россійское.... Царь же Борисъ это услыхавъ и о томъ оскорбися, и присла всякаго питья и всякаго зелья, кои пригодны къ болѣзнямъ и отъ того же имъ учини помощь велию“[3]). Эта эпидемія была въ 1605 г., въ слѣдующемъ же 1606 г., въ Новгородѣ „бысть моръ великии“[4]). Такъ какъ бубонная чума въ это же время господствовала въ Швейцаріи и Германіи, то мы съ полною достовѣрностью можемъ заключить, что она коснулась и Россіи[5]).

Послѣ 1606 г., въ нашей странѣ, мы не встрѣчаемъ эпидемическихъ болѣзней вплоть до 1630 г., когда моръ „бысть въ Печерахъ и умерло 1700 людей всякихъ, отъ Ильина дни на Рождество Христово“[6]). Если эта, чисто мѣстная, эпидемія не можетъ быть поставлена въ связь съ повальными болѣзнями, господствовавшими въ другихъ странахъ, то тѣмъ легче сдѣлать это съ заразой, обнаружившейся въ 1654 и 1656 гг. въ Астрахани и Москвѣ. Въ 1654 г. мы встрѣчаемъ бубонную чуму въ

---

[1]) Нѣкоторыми рукописными описаніями эпидемій пользовался Richter въ библіотекѣ Сергіево-Троицкой Лавры.

[2]) См. Ник., *стр. 59.*

[3]) См. Ник., *стр. 64*; также: Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ, *стр. 38*, у Richter'a *стр. 362.* Нужно замѣтить, что въ разсматриваемый періодъ въ Россіи существовалъ уже аптекарскій приказъ.

[4]) См. Ник., *стр. 79.*

[5]) См. Martin, *стр. 262.*

[6]) См. Псковск., *стр. 333.*

Египтѣ, Турціи, Венгріи, Даніи и Англіи и понятно, какъ легко эта же чума могла проникнуть съ разныхъ сторонъ въ Россію[1]). Въ Москвѣ смертность отъ этой эпидеміи была на столько сильна, что не доставало духовенства для отпѣванія мертвыхъ, богослуженіе совершалось только въ главныхъ церквахъ, а для того, чтобы воспрепятствовать распространенію болѣзни здѣсь предпринимаются строгія предупредительныя и карантинныя мѣры[2]).

Упоминаніемъ этой чумы оканчиваются извѣстія объ эпидеміяхъ въ XVII столѣтіи Новгородская лѣтопись упоминаетъ послѣ этого еще только одну повальную болѣзнь, по времени уже относящуюся къ эпохѣ Петра Великаго. „Того же года, (т. е. 1710) говорится въ ней, съ мѣсяца Августа, бысть моръ въ Ригѣ, и въ Ругодивѣ, во Псковѣ, въ Изборскѣ, въ Порховѣ, въ Гдавѣ, въ Торжку, и во всѣхъ уѣздахъ Псковскихъ и Новгородскихъ, сущихъ подъ Псковъ; и толикое множество помре людей въ Псковѣ, яко погрѣбати неуспѣваху и на всякъ день у всякой церкви погребутъ человѣкъ 40 или 50 или 60, и иногда и больше, и многіе церкви быше безъ пѣнія, яко священницы помроша; такожде и по волостемъ. И обдержатое смертоносное повѣтріе въ Псковѣ и во всѣхъ вышереченныхъ мѣстѣхъ до Рождества Христова 7219 (1711) года..... Слышавъ такое моровое повѣтріе во Псковѣ преосвященный Іовъ, митрополитъ Новгородскій, яко уже близь Великаго Новгорода не замного верстъ, повелѣ въ Новгородѣ всѣмъ людемъ, отъ мала и до велика и по монастыремъ и весемъ, въ среду и пятокъ на всякой недѣли поститися и ничто вкушати, ни хлѣба, ни воды, такожде и на торжищахъ не повелѣ ничего продавати отъ снѣдаемыхъ, ни хлѣба, ни рыбы.... И тако, милостью всесильнаго Бога не бысть въ Новѣградѣ морового повѣтрія, по въ весѣхъ, не за много верстъ, на Бронницѣ и на Хотиловскимъ Яму, по Московской дорогѣ, и во градѣ Торжку“[3]). Псковская зараза 1710 г. несомненно—бубонная чума, которая въ 1708 г. свирѣпствовала во всей Германіи и Польшѣ, а въ 1710 г.—въ Лифляндіи[4]).

Этой эпидеміей мы оканчиваемъ наше историческое обозрѣніе повальныхъ болѣзней въ Россіи. Съ Петра Вел., какъ уже было сказано, начинается новая эпоха,

---

[1]) См. Schnurrer, т. II, *стр. 189, 190, 191*; Martin, *стр. 262.*
[2]) См. Richter, *стр. 153.*
[3]) См. Новгр. III, *стр. 277.*
[4]) См. Martin, *стр. 264.*